

Удача или Смерть
Тёмные Века

Август Карстовский

Убийца великой армии наёмников, выполняя обычную работёнку, вдруг сталкивается с жёстким моральным выбором. Его отец, генерал, получает приказ от работодателя: убить всех, кто живёт в деревне, без исключений. Не желая видеть смерть невинных людей, детей и женщин, Август решается сделать то, о чём никто и подумать не мог. Убить собственного отца, дабы спасти честь Братства и невинных людей.

Чуть не умерев в дуэли с отцом, Август попадает в комнату для пыток, откуда удачно бежит и, желая сохранить уже свою честь, отправляется за головой Ореона. И, казалось бы, обычная месть вынуждает стать участников великих событий, войны, в которой столкнутся две самые могущественные Империи мира.

Четыре всадника, закутанные в плащи и с натянутыми капюшонами, завидев стражников, вышедших из сторожевой будки, одновременно потянули поводья на себя и остановились перед тремя орсийскими солдатами. У одного всадника из-под капюшона неестественно сверкали зелёные глаза, у другого в улыбке блестел золотой зуб, а у третьего лицо было скрыто натянутой на нос маской, у четвёртого, из-под капюшона, на грудь свисали чёрные волосы.

— Кто такие? — настороженно спросил стражник, вытягивая факел в сторону незнакомцев.

Один из всадников скинул капюшон, показав смуглое лицо, усеянное множеством маленьких шрамов и украшенное едва заметной татуировкой меча на лбу. Он нагнулся в седле и улыбнулся, блеснув золотым зубом.

— Мы — торговцы! — заявил он и развёл руками. — В столь сложный час пришли на помощь орсийскому народу!

Стражник, который, судя по доспехам, был главным, нахмурился, а остальные двое, медленно, начали обходить подозрительных путников, явно не походивших на торговцев. И вправду, у них не было повозки, на сёдлах или спинах красовались ножны с мечами, а кони больно уж походили на локдорскую боевую породу, что стражник потом подметил.

— ...торговцы, говорите? И что же вы продаёте? Может, воздух? — усмехнулся он.

— Слышь, командир, торговцы, походу теперь с мечами ходят и торгуют не только воздухом, а ещё враньём и ножами в сердце! — выкрикнул стражник, обошедший сбоку и вставший сзади всадников. — Кто такие? Давайте на чистоту!

— Вы правы, господин стражник, — сказал всадник со сверкающими зелёными глазами. — Мы — торговцы, продающие головы тех, за кого назначена награда.

Командир стражи, попятившись, стало быть, потянулся за мечом, однако стрела, выпущенная лучницей, сидевшей на сосне, оказалась куда быстрее его руки. Кровь брызнула на снег и стражник, поймав стрелу в горло, начал судорожно биться об землю, думая, что это его спасёт. Оставшиеся два стражника, лишившись своего командира, сначала потупили, попытались что-то понять, а уже потом потянулись за мечами. Просвистела стрела и стражник с приятным бречением доспех свалился в снег.

Последний закричал во всю глотку, пытаясь призвать на помощь хоть кого-то, но его вопли не продлились и секунды — зеленоглазый метнул в него нож, который вонзился прямо в распахнутый рот. Раздался приятный треск, с которым у бедняги сломалась челюсть и десяток зубов. Стражник, издав слабый вопль, схватился за рот, а затем упал в снег.

— Отлично! — взвыл всадник в маске. — Чистая работа! Не иначе! Вот надо же было придумать “Мы — торговцы!”.

— Расслабься, Бродский, никто же не умер... ну, кроме этих, конечно же! — сказал смуглый старик, спешившись с коня. — Ну и чего вы уставились? Слезайте, помогайте трупы убрать, пока никто не увидел!

Всадник с зелёными глазами хмыкнул и, сгорбившись в седле, уставился на старика.

— Ореон, скажи на милость, почему мы действуем скрытно, когда у нас есть армия в четыре тысячи отборных наёмников? Я, конечно, понимаю, какая у тебя в голове стратегия, но... не слишком ли много чести для этой деревушки?

— Август дело молвит! — закивал Бродский. — Ты мог бы отправить разбираться с деревушкой его...

Ореон, накинув на труп стражника снегу, вскочил и у него хрустнула спина.

— Ах! Сука! — зарычал он, сгорбившись и выдохнув. — Мы действуем так, потому что... наша армия слишком далеко и стоит ей сдвинуться с места, как наблюдатели сразу же помчат докладывать всё важным шишкам! И пока мы дойдём до деревни, нас уже будет ждать громадная армия орсийского сопротивления!

— И поверь, рыжик, они нас порубают. И моргнуть не успеем... — подметил Бродский, ёрзая в седле. — Чёрт! Весь зад уже отбил!

— Так слезай и помоги мне! — заворчал старик, волоча уже второй труп.

— И всё же, как пять человек перережут всю стражу? — не понял Август. — Я хоть и саботажник, но одной Тали мне не хватит...

— Всё это время за нами шли мои люди, — сказала четвёртая всадница, скинув капюшон и вдохнув холодный воздух. — Думаю, трёх сотен вполне хватит, чтобы перерезать стражу всего города.

Бродский с рёвом скинул последнего стражника в канаву и, встряхнув одежду, довольно взобрался на коня.

— Должен заметить, солдаты Рейри — самые лучшие во всём братстве, — заявил Бродский, хотя ещё два часа назад он говорил, что лучшие солдаты под командованием Августа. Он не стал это напоминать и, прищипорив коня, двинул дальше по дороге.

Остальные, дождавшись старика, двинулись следом, подозрительно осматривая скалистые подступы к горе, где мелькали огни факелов. Засада их ждать не могла, поскольку местный штаб вряд ли додумается о столь умном, по мнению Ореона, плане.

— Значит так, — начала Ореон. — Сейчас зайдём в трактир, если он там имеется, а я надеюсь, что он имеется! Перекусим, выпьем за удачу! А потом ты, Август, должен будешь взобраться на башню и поджечь сигнальный огонь. Это можно было бы сделать, просто заявив, кто мы и с какими целями пришли, но в таком случае мы не протянем и пары минут, как нас прирежут или того хуже, арестуют!

— Угу, мне нужно просто его поджечь и всё? За этим мы пёрлись сюда через эти леса? — возмутился Август.

— Слушай! — Старик пригрозил пальцем. — Потом я дам тебе особый реагент, который обратит обычное пламя в зелёное. Взобраться на башню ты должен будешь тихо и, желательно, без лишних убийств, но это уже сам решаешь.

Смысла оставлять кого-то в живых Август, конечно же, не видел. Нет, он, конечно, попробует не попадаться на глаза, но для него это, как испытание — попадётся раз и тогда все в здании рискуют оказаться трупами, а через денёк уже отдыхать в земле или в желудках бедняков.

— Я понял. Всех убить так, чтобы не было криков. Это просто.

По крайней мере, ему это казалось простым, однако, он даже представить не мог, какой опыт обрели орсийские солдаты после десятка вырезанных им в ночи лагерей, и трёх генеральских голов, отправленных курьером напрямиком в последний оплот.

Таверна, к счастью Ореона, в деревушке имелась, да ещё какая! Она больше была похожа на ратушу, чем на место, где свою жизнь пропивали местные селяне. С окон, где маячили редкие силуэты, лился яркий тёплый свет, дарящий чувство уюта и спокойствия. Из открытой форточки, которую во все стороны дёргал ветер, на улице вырывался приятный

запах жареного мяса, а ещё мощного пошла, наверное, после которого Ореона придётся тащить обратно в лагерь.

— Слушайте, а это, случайно, не человечина? — спросил Бродский. — Запах очень... похож...

— Думаешь, они жарят человечину? — усмехнулась Рейри.

— Ну, знаешь ли, голодающие люди в военное время, так ещё и в зиму, вполне могут пожертвовать моральными правилами, — пояснил Бродский. — В здешних лесах никого, кроме волков и оленей, нет. Олени тут слишком быстрые и шкура у них толстая, а волки... ну... загрызут.

— Хватит болтать! Ей богу, как базарные бабки, но на конях! — приказал Ореон, неловко спрыгнув с коня. — Бродский, дружище, будь добр, привяжи коней где-нибудь.

Он бросил помощнику поводья и, блеснув золотым зубом, скрылся за дверью трактира.

— И наших тоже, — кинула Рейри, спрыгнув с коня и бросив поводья.

Бродский проводил её злобным взглядом и, когда фигура в капюшоне утонула в ярком свете, царившем в трактире, он посмотрел на Августа, ожидая от него помощь. Но увы, седло оказалось пустым, а затем дверь в трактир закрипела.

— Надо же... такие молодые, а такие наглые и смышлёные! — подметил он. — Ублюдки, проще говоря...

Так или иначе, оставшись наедине с конями, он взял все поводья в руки и повёл их в ближайšie стойла, которые он заметил ещё по дороге. Стражники, стоявшие почти на каждом углу, с подозрением глядели на его блестящую лысину, а потом ухмылялись. Выглядел он и вправду странно и подозрительно, ведь не каждый человек с добрыми мыслями скрывает лицо маской и уж точно не каждый носит за спиной меч, а на поясе десятков метательных ножей.

С поводьями в руке он прошёл мимо очередной сторожки, у которой тихо разговаривали два солдата. Слух у Бродского был острый, потому ему не составило особого труда подслушать их разговор, несмотря на вой ветров, бушующих на улицах.

— ...Адеван, Царь Варлийский, грил, шо вмешиваться в военные действия не будет, но как-то нам поможет! Интересный тип, этот масколиций!

— Да Варлия что тогда в тряпочку молчала и перед Элтией ссала, что сейчас — одинаково! Сечёшь? Не помогут они нам! Много чести!

— Ну не знаю! По стране слухи ходят, что царь, их, нам на помощь легендарных соловьёв отправил! Ещё грят наши, что видели парочку людей с татуировкой соловья на шее!

— Откуда ты знаешь, что это они нам так помогают? Может быть, они с Элтией решили поделить нас, как кусок мяса, мать их! Было в истории уже такое!

Впрочем, ничего интересно Бродский не услышал, а потом загнал коней в стойла и, закрывая последнего коня, он услышал медленные шаги. Кто-то шёл к нему с пустого склона, по которому тёк узкий ручей, в котором лежало два трупа, а рядом закопан был и третий. Возможно, это был конюх. Бродский заранее достал из кошелья золотую монету и глянул во тьму, откуда кто-то шёл. Вдруг он понял, что почти все лампы вокруг погасли и оставалась только та, что свисала с крыши стоил.

— Кто там? — попытался он, заранее взявшись за рукоять меча.

Шаги вдруг затихли. Бродский, будучи настороженным, медленно обернулся и сердце его вздрогнуло, когда он почувствовал на шее холодящую сталь кинжала. Тот, кто подкрался к нему сзади, бросил Бродского в столб, а затем прижал к нему, всё ещё не отпускала

клинка. Перед ним стоял парень в капюшоне и с натянутой на лицо чёрной маской, над которой сверкали красные, как кровь, глаза.

— Альтым Бродский, — буркнул незнакомец. — Первый помощник Ореона Ольского, генерала Братства Дмитри.

— О, ты знаешь моё имя! Удивительно! Никто его не знает, даже Ореон, а ты знаешь! Молодец! — засмеялся лысый, но затем почувствовал, как холодная сталь слегка прощлась по шее, выпустив на волю струйку крови.

— Поверь, я знаю про тебя то, чего не знаешь даже ты сам, — лица его не было видно, но Альтым знал, что он хитро ухмыльнулся. Понял по глазам, внушавшим ужас. — Также я знаю, что Ореон, Полковники Август и Рейри тоже тут, но вот зачем?

— Я, конечно, не в том положении, чтобы задавать вопросы, но всё же, кто ты такой?

— Ещё один подобный вопрос и, боюсь, моя рука дрогнет, — холодно ответил парень. — Отвечай на вопрос.

Бродский аккуратно посмотрел по сторонам, надеясь, что где-то в тьме притаился Август или на крыше прячется Тали с уже натянутой тетивой, но будь она там, он бы не оказался в столь затруднительном положении. С другой стороны, смерть не так уж его и пугала, как воткнутый им нож в спину Ореона. Он знал этого старика почти всю жизнь, за которую им постоянно приходилось сражаться бок о бок. Ореон был Бродскому, как брат, а братьев, наверное, не предадут.

Альтым медленно потянулся свободной рукой к ножу на поясе. Он делал это очень аккуратно и продолжал смотреть по сторонам, дабы хоть как-то отвлечь красноглазого. И как бы он не старалась, когда он коснулся рукоятки ножа, парень в маске внезапно описал клинком замысловатый, но изящный узор, на мгновение приковавший взгляд Бродского. Затем он почувствовал дикую боль, пронзившую его руку, услышал звонкий хруст и лязг острия клинка о гвоздь, вбитый в столб. Стиснув зубы, бедняга зарычал и, глянув на руку, увидел клинок, насквозь пронзивший и прибивший его руку к балке.

— Ублюдок! — выкрикнул Альтым, а затем получил кулаком в челюсть и сознание затуманилось.

— Если я выну клинок, то прольётся немало крови, от чего ты очень быстро умрёшь. На жгут не надейся, я не позволю тебе его наложить, — красноглазый достал из-под плаща ножик и поднёс к шее. — Говори!

Бродский харкнул в ответ, от чего незнакомец пришёл в ярость и, вынув клинок из руки, рубанул пленника по лицу. На снег брызнула кровь, раздался крик. Незнакомец аккуратно скользнул ножиком под глазное яблоко наёмника и, слегка поковыряв там, резко вынул. Бродский завыл, как ребёнок, но его мольба о спасении не была услышана. Незнакомец сжал выпученное глазное яблоко и вырвал с нервом. Затем ему в глотку ударил кулак, прервавший дыхание и вынудивший его упасть на колени и судорожно вдыхать воздух.

Красноглазый схватил его за воротник и прижал обратно к столбу.

— Стой! — прохрипел Бродский. — Я всё скажу-скажу! Только остановись!

— Потеряв глаз, даже самые верные сдают своих соратников.

Август не очень удивился, когда Ореон заказал стейк, предположительно, из человечины, но сильно удивился, когда этот стейк ему принесли. Прославленный заморский кусок мяса выглядел весьма аппетитно, а агросийские приправы и вовсе сводили с ума. Хотелось взять ножечек, пригрозить Ореону и отобрать у него стейк, но, мешало Августу

только уверенность в том, что это кусок человека. Вкусный кусок человека.

Старика, словно аристократ, взял в руки вилку и ножик. Вилку он вонзил в край стейка, затем ножиком отрезал этот мелкий кусок и закинул в рот. Он немного подвигал челюстями и лицо исказилось от отвращения, что не удивительно, ведь в следующую секунду кусок едва прожёванного мяса вылетел у его изо рта.

— Кхя! Это, мать его в зад, человечина! — заявил старик и Рейри с Августом ничуть не удивились.

— В таком захолустье хорошая похлёбка — уже редкость, а тут прожаренный стейк с приправами, добавленными специально для гостя, — усмехнулся Август, вытирая салфеткой остатки слюней. — Честно скажу, старик, дурень ты ещё тот!

— Зато я превосходный стратег! — заявил старик так, что все немногочисленные посетители таверны с подозрением уставились на гостей.

— Хватит орать! — рявкнула Рейри, стукнув по столу.

— Давай этот свой порошок, — Август протянул руку и Ореон, порыскав по карманам, достал маленьких мешочек с сияющим зелёным порошком. — Что это?

— Самому интересно, — пожал он плечами. — Думал приправа, высыпал в котелок, но я был пьян и слегка промахнулся, высыпав его немного в огонь, который потом вспыхнул зелёным. Охренел я, честно сказать, знатно.

— Так, ладно. Что-то ещё?

— Нет, ничего. Действуй, а мы пока займёмся местным воеводой, — Старик махнул рукой, якобы говоря: “Ступай, сын мой”.

Август проверил основное снаряжение, в которое входили метательные ножики и два кинжала на поясе, а также парочка флаконов с быстродействующим мощным ядом, способным убить даже самого здорового человека всего за две секунды. Это вещество, сваренное им с изощрённой осторожностью, ни раз спасло ему жизнь во время трудного боя. Август был лёгкого телосложение, ибо всегда полагался на проворство, чем на силу, а потому ему часто приходилось искать какие-нибудь лазейки в битве с тем, кто превосходил его габаритами и мастерством. Спрятав мешочек с порошком под плащ, наёмник накинул капюшон и натянул на лицо тканевую серую маску. Вновь сверкали лишь два зелёных глаза. Людей это слегка смутило, но откуда же им было знать, каковы намеренья этого странного типа?

Башня, на вершине которой было собрано кострище, возвышалась над большим домом, больше походящим своими размерами на особняк. Крутые крыши были покрыты снегом и ледяными корками, так что идея взобраться на башню по крыше сразу же отпадает. Окна были защищены ржавой решёткой, которую вполне возможно сломать одним сильным ударом, но тогда она издаст отвратительный шум, который Августу не нужен. Оставалось войти в дом только через главные двери, у которых едва стояли два стражника, закованные в весьма мощные доспехи. Из-за забора, что окружал дом, было видно, как стражники из последних сил стараются держать глаза распахнутыми, противясь тяжести век.

Убедившись, что на улочки никого нет, Август сунул руку под плащ и, нащупав рукоять кинжала, двинул к стражникам. Один боец не обращал на него никакого внимания, чего нельзя сказать о втором, ибо он хлопал глазами так, будто пытался убедиться, мерещится ли ему.

— Стоять! — промямлил громко солдат, вскочив и схватившись за рукоять меча. — Какого лешего ты сюда припёрся?

— Ну... мне нужно туда... — Август ткнул пальцем в сторону дверей, и второй

стражник ухмыльнулся из-под шлема.

— А ты кто такой, чтобы мы тебя пускали? — спросил стражник.

— Ваш новый начальник.

— Да? А что же случилось с Воеводой Эркью?

— Ему недолго осталось. Скоро умрёт.

— Чё ты несёшь, ирод? — стражник дёрнул меч из ножен. — Проваливай отсюда, пока цел!

Меч угрожающе взмыл вверх и лучик лунного света на мгновение пронзил его. Август медленно принялся вытаскивать кинжал, однако, стражник наконец-таки заметил сунутую под плащ руку, а резкий порыв ветра и вовсе не оставил никаких сомнений. Клинок полетел вниз, но наёмник удачно парировал удар, отбив клинок вовремя вытянутым кинжалом. Солдат неуклюже попятился и чуть не упал задом в снег. Август, сделав шаг к нему, быстрым взмахом вскрыл солдату глотку. Тёмная кровь брызнула в сторону, на снег, а из щели, обнажавшей разрубленный кадык, она стекала по блестящему нагруднику.

Второй стражник почти спал, а потому не сразу понял, что его друг замертво упал в снег. Когда он потянулся за мечом, было уже поздно — Август метнул в него нож, что пробил ему череп. Он упал у двери, как оловянный солдатик, подёргался чутка, а потом обмяк.

Август довольно улыбнулся, но улыбка его была скрыта маской. Обернувшись, он обнаружил, что почти вся тропинка к двери была забрызгана кровью. Сейчас особенно не хватало Ореона, любившего и умевшего прятать трупы, где угодно. Правда, трупы эти быстро находили, но зато всегда выигрывали лишнее время, которого у Августа совсем не было. Действовать нужно быстро и скрытно. Поэтому, наёмник слабенько накинул на трупы снегу, оттащил трупик у двери к кустам и, забрав у него ключи, вошёл в командный пункт.

Двери открылись с ужасным скрипом, который, возможно, услышали все стражники, находившиеся в доме. Переступив порог, Август оказался в прихожей, где наверх вела искалеченная временем кривоватая лестница, на ступеньках которой дрыхнул солдат. С потолка свисала серебряная люстра, свечи её потухли от вошедшего через открытую дверь ветра. Солдат вздрогнул от завывающего снаружи ветра, посмотрел в сторону открытой двери, у которой никто не стоял. Август, прижавшись к холодной стене, притаился во тьме и наблюдал, как солдат, брэнча доспехами, неловко спускается по лестнице, дабы закрыть дверь. Весьма опасная ситуация, ведь ему ничего не мешало выйти и спросить у стражей, чья кровь разлита по всему саду, почему открыта главная дверь. Солдат переступил порог и, оглянув дворик, потянулся за мечом. Август вышел из темноты и вонзил нож солдату в поясницу, от чего последний вздрогнул, что-то прохрипел, но крикнуть так и не смог. Тело быстро обмякло, и убийца аккуратно кинул его в угол, где царила крошечная тьма.

Поднявшись по лестнице в коридор, Август удивился полному отсутствию хотя бы одного стражника. По правилам военного времени, у сигнального огня всегда должно находиться, как минимум, человека три-четыре, как на самой башне, так и у её подножья. Но тут было пусто. Либо это была засада и кто-то сдал весь план Ореона, либо орсийские солдаты очень-очень тупые, а может быть и самоуверенные, раз считают, что два стражника у двери — верх охранной системы. И всё же, ожидая в конце коридора засаду, Август сорвал с пояса флакон с ядом и капнул на острие клинка. Зелёная капля стекла по лезвию до самой рукояти, а потом капнула на пол, испустив лёгкую струйку пара. Одной капельки вполне хватит.

Спрятав кинжал под плащ, Август пошёл по коридору, держась стены и обходя двери по центру. Он прислушивался с каждому шороху, но кроме скрипов старого дома он ничего не слышал. Мощные порывы ветра хлытали стены дома, чуть ли не сотрясая его. Ветер проникал в каждую щёлку в фасаде и гулким эхом проносился меж этажами, от чего половицы и балки издавали бесящий скрип.

Вдруг он услышал лязг стали, как будто кто-то вытащил меч из ножен. Он замер и услышал, как за дверью справа заскрипели половицы. Затем тоже самое послышалось и слева. Это точно засада, подумал Август, сделав шаг назад.

Двери вдруг открылись и с грохотом, чуть не сойдя с петель, ударились об стенки. Из комнат по обе стороны хлынули стражники, брэнча доспехами и лязгая клинками. Без всяких разбирательств, они с рёвом и поднятыми мечами бросились на ошарашенного наёмника, не успевшего даже и стойку принять.

Ореон и Рейри так и не дождалась Бродского и, подумав, что тот уже на месте, двинули к ратуше, находившейся чуть выше по склону. Насколько Рейри могла судить из опыта, ратушу должны охранять около десятка вооружённый до зубов людей, все они вполне готовы заплатить любую цену, лишь бы планы нападения и передвижения войск не попали в руки Братсва Дмитри или ещё кому.

Когда приблизились к ратуше, Рейри насчитала около двадцати закованных в латы солдат, отцепивших ратушу. На спинах висели арбалеты, в руке красовались копья, а другая была положена на рукоять меча в ножнах. В окнах ратуши горел тусклый свет, из дымохода, торчавшего из крутой крыши, во всю шёл дым, а тёплый кирпичи топили снег вокруг.

— Готов поклясться, он там развлекается с отборными девахи этого захолустья, — усмехнулся Ореон, идя по дороге. — Притворимся торговцами.

Рейри теперь точно убедилась, что у отца хватает фантазии на постановку армии и сражения, но не хватает её на враньё. Ореон не был ей родным отцом, а был скорее учителем и затем уже отчимом, не бросившим её в трудную минуту и спасшим от неминуемой жестокой смерти. В ту ночь, когда элтийская армия напала на Йорград, её отец, Орсийский Князь, покончил с собой, ознаменовав падение великого княжества. В ту ночь Рейри и её мать должны были прилюдно сжечь на костре, как врагов человечества, однако Ореон со своей армией зашёл в город раньше, чем нужно было, а потому решил спасти ни в чём не повинную девчущку. Тогда она даже и подумать не могла, что станет полководцем армии наёмников и будет истреблять свой же народ во благо Элтии.

— Стоять! — рявкнул стражник, выйдя на дорогу. — Дальше вам нельзя.

— Это ещё почему, дружище? — осмелился поинтересоваться Ореон.

— У Воеводы важные дела, касающиеся завтрашнего наступления на Дмитривцев.

— Что-ж, жаль, а то я хотел предложить вашему командиру военную помощь. Мои люди делают лучшие мечи и доспехи из лучшей стали, а также занимаются алхимией, — в какой-то степени Ореон сказал правду, ибо наёмники его мастера во многих ремёслах. — Думаю, вашему командиру стоит меня выслушать.

Стражник вздохнул и, поглядев по сторонам, отошёл с пути.

— Проходите, но оружие оставьте у меня.

— Зачем вам наше оружие? Как же мы тогда покажем воеводе товар?

— Хорошо. Идите уже, но знайте, удумайте чего плохого, живыми вы из ратуши не выйдете. Даже не надейтесь на что-то.

Ореон в ответ поклонился и, блеснув своим золотым зубом, пошёл к ратуше. Рейри, смерив стражника оценивающим взглядом, усмехнулась, поскольку парень не был похож на бывалого вояку. Лицо его было слишком нежным и без всяких морщин или даже шрамов от бритвы. Его слова — это лишь блеф. Убив воеводу, Рейри боялась, что они поднимут на уши всю стражу, но теперь, заглянув одному из них в глаза, весь её страх тут же исчез.

Ореон бесцеремонно ворвался в ратушу и сразу же поздоровался со всеми, сидевшими за круглыми столом. Воевода, толстый бородатый мужчина в кольчуге тут же вскочил из-за стола и оскалился.

— Вы ещё кто такие? — спросил старик, который являлся местным алхимиком, судя по флаконам с разноцветной жидкостью на поясе.

— Стража! — зарычал воевода, потянувшись за мечом. — Какой выродок позволил пропустил генерала Дмитри?!

Ореон попятился от столь неожиданного расклада. А Рейри вдруг вспомнила, что человек, занимающий сейчас пост воеводы, Эркью очень давно состоял в Братстве Дмитри, но во время штурма Йорграда у него с Ореоном появились разногласия. Эркью считал, что Рейри должна умереть, а Ореон думал, наоборот. В ту ночь они сразились на мечах и Ореон, победив, изгнал старого друга из Братства.

Несколько капитанов, сидевших за столом, вскочили и, обнажив мечи, бросились на Ореона. Старик был слишком близко и саблю достать не успевал, потому Рейри схватила его за руку и потянула к себе. Меч пронёсся в дюйме от шеи Генерала, а затем столкнулся с клинком товарища. Рейри вынырнула из-за спины своего генерала, а затем вонзила меч в грудь капитана. Клинок другого уже летел на неё, когда на пути встала сабля, выкинутая Ореоном. Раздался отвратный лязг и клинки, издавая скрежет, поползли друг по другу. Рейри рубанула по ноге капитана и тот, опустив меч, упал на колени, после чего Ореон изящно прошёлся лезвием сабли по его горлу.

Остался только Алхимик и сам Эркью, растерянный, как щенок, покинутый мамой, да ещё и в грозу.

— Что бы вы не задумали, у вас ничего не выйдет! — заявил воевода, пятясь к камину. — Из Варлии прислали Соловья, который уже выпытал у Бродского весь ваш план. Сейчас Соловей занимается твоим цепным щенком, Августом.

— Вот же сука! — рявкнул Ореон, запрыгнув на стол.

Несмотря на свой возраст, старик всё ещё оставался в форме, потому ему не составила труда рвануть по столу и прыгнуть с него прямо на Эркью. Его сабля со всей силой ударила об выставленный меч. Толстяк не сумел заблокировать столь сильный взмах, потому меч его опустился, а загнутое острие сабли прошлось по кольчуге, рубя её, как ткань.

— Вроде старик, а мечом махать ещё умеешь! — подметил Эркью, отступив к камину.

— Что ты сделал с Бродским, ублюдок?

— Он мёртв. Люциус вырвал у него глаз и, получив информацию, заставил сожрать глазное яблоко, в которое перед этим вколол мощный яд. Изопрённо, не правда ли? — Эркью безумно улыбался и почти хохотал, от чего желание убить его самым жестоким способом всё росло и росло. — Ты, кстати, знал, что настоящее имя Бродского Алтым? Убого, верно?

Занеся меч, Ореон подпрыгнул к Эркью, чего тот не ожидал, а затем рубанул воеводу по груди. Острие, разорвав кольца кольчуги, с треском прошлось от паха до груди. Кровь незамедлительно хлынула из пореза, а Эркью, растерявшись, попятился и споткнулся об

бревно. Его голова с приятным хрустом насадилась на прутья камина.

Старик вздрогнул от увиденного зрелища, и злоба в глазах обратилась сочувствием. Эркью когда-то был хорошим мужиком, но как это бывает, деньги испортят каждого. Орена это тоже касается, ведь он предал принципы ради горы золота. Он клялся себе, но в его походах никогда не будут умирать невинные, что он никогда не будет воевать на стороне Элтии, но теперь по приказу Элтии он должен убить всех, кто живёт в этой деревне. Командованию неважно, ребёнок это или беременная женщина. Убить нужно было всех.

— Ореон! — голос Рейри вырвал его из размышлений. — Нужно помочь Августу!

— Д-да, нужно.

После весьма тёплого и неожиданного приёма, коридор был усыпан трупами солдат и залит их кровью до самого потолка. У кого-то Август умудрился отобрать руку, кого-то вообще сумел оставить без конечностей, а как сам не понимал, кому-то отрубил голову, но почти у всех были вскрыты глотки. Август сам был по уши в крови, в буквальном смысле. Его плащ был заляпан, на лице красовался порез, нанесённый ножом. Если бы не яд, нанесённый на кинжалы, он уже лежал бы трупиком посреди коридора.

Усевшись у стенки, он вытащил из сумки бурдюк, заполненный вином. Сделал пару глотков и горло приятно обожгло. Сердце стало биться с обычной скоростью, а лёгкие утикли. Он собрал оставшиеся силы в кулак и встал на ноги. Боль по телу шла ужасная. Подняв выроненные во время боя с последним солдатом кинжалы, он потопал по лестнице на вершину башни, где уже должен был пылать сигнальный огонь, ведь их раскрыли.

Вершина башни на удивление была пуста, а кострище совсем не горело. Август обошёл его несколько раз и осматривал улицы деревни, по которым бродили толпы людей, отряды стражников и проезжающие торговые караваны, на удивление, не разграбленные. Полк, засевший в лесу, видимо счёл грабить караван слишком опасной затеей, хоть раньше их ничего не останавливало, даже приказ.

Он повернулся к кострищу и задался вопросом:

— И как мне тебя поджечь?

Факела, вбитые в парапет башни, потухли от ветра, а лампа, стоявшая на полу, рядом с лежанкой, была разбита и весьма аккуратно, раз кострище не загорелось. Всё это выглядело довольно подозрительно, но Августа это не особо волновало. Он достал из подсумка флакончик с огненным соком и равномерно вылил всё содержимое на горку брёвен. Одной искорки должно хватить, чтобы огненный сок объял башню огнём.

Затем он достал коробок спичек, но услышав позади шорох, замер, прислушался. Кто-то взобрался на башню по стене и сидел на парапете прямо позади Августа. Этот кто-то весьма ловок и опасен, раз сумел такое. Август бросил спички и, быстро выдернув из чехла кинжал, изящно обернулся и рубанул воздух. Никого не было.

— Тебя так легко обмануть, Август, — послышался мужской голос по ту сторону кострища.

Это был черноволосый мужчина с красными, как рубины глазами, и с натянутой на лицо маской. В руках он держал чью-то отрезанную кисть с символами на костяшках, напоминающие древний язык. Такие же символы были и у Бродского.

— Ты кто?

— Это не важно. Ты хороший человек, Август. Я знаю о тебе всё и знаю, что твоя мораль превосходит мораль других наёмников, а потому предлагаю тебе просто уйти, —

сказал он, усевшись на парапет. — В этом мире и так очень мало добрых людей. Я не хочу лишать Староземья ещё одного добряка.

— С чего ты взял, что я добряк?

— Говорю же, я знаю о тебе всё. Однажды, ты спас девочку от изнасилования, а потом эта девочка вступила в ряды Братства, спустя много лет ты спас ещё одну девушку, точнее, эльфийку, которая сейчас целится в меня вон с той крыши, — он кивнул в сторону большого дома, на крутой крыше которого засела Тали с натянутой тетивой. — Я, пожалуй, скажу проще. Ты убиваешь только тех, кто заслуживает смерти, но всегда помогаешь тем, кто от неё бежит.

— И поэтому ты решил меня оставить в живых? Смешно, — но он не смеялся. — Я предложу встречную авантюру — ты сваливаешь, а я поджигаю костёр и полк братства быстро захватывает деревню. Ты живой, и я тоже.

— Видит Игнис, я хотел по-хорошему.

Незнакомец вскинул плащ и, сорвав с пояса ножик, метнул его в Августа, который сделал тоже самое. Ножи ударились друг об друга и отлетели в сторону. Оба прищурились от удивления, а затем обнажили кинжалы, с которым рванули друга на друга. Август попытался вонзить кинжал в брюхо, однако противник вовремя отбил клинок и, нырнув под взмах второй кинжала, рубанул Августа по груди. Адская боль пронзила его тело и на миг он почувствовал слабость, будто бы лезвие соловья было тоже чем-то смазано.

Соловей подался вперёд, чтобы завершить начатое, но Август поступил весьма непредсказуемо. Наёмник запрыгнул на парапет, а с него напрыгнул на противника. Соловей не успел среагировать на такой фокус, потому ему предстояло, почувствовав в своё плече и боку острые клинки. Одновременно с этим, Тали выпустила стрелу, что со свисток пронеслась над деревней и вонзилась в грудь неприятеля. Август вынул кинжалы. Парень был повернут к нему спиной и шатался, будто бы уже готов был умереть, но не тут-то было. Соловей сломал древко стрелы и, держась за рану в плече, с обмякшей рукой спрыгнул с башни.

Яд тем временем начал действовать. Тело начало быстро слабеть, ноги неметь, а разум терялся в тумане. Он дополз до коробка, вытащил одну спичку и резким движением зажёл её об бок коробки. Порыв ветра уже хлыстал башню, грозился её повалить, как ветхое дерево в лесу. Холод теперь пронзал его до самых костей, от чего ему становилось особенно тошно. Так или иначе, он всё же кинул спичку в кострище. Да попала в пролитый огненный сок и пламя мгновенно вспыхнуло, да с такой силой, что Август буквально слетел с вершины башни, но успел зацепиться за парапет. Огонь хлестанул его тело, и боль умножилась стократно, но падать он не собирался. Из последних сил он взобрался на парапет и, вытащив из-под плаща мешок с порошком, высыпал всё содержимое в огонь. Пламенный цветок громко зашипел и в следующее мгновение вспыхнул зелёным цветом.

Август, попятившись, упал и облокотился об парапет. Жар огня приятно грел его вытянутые и обмякшие ноги, а холодный ветер хлыстал выглядывающую макушку. Он посмотрел на рану и увидел, как на пол из груди хлынула кровь. Разум мгновенно помутнел при осознании, сколько он потерял крови. А затем он вырубился.

Очнулся Август спустя несколько часов. Солнце уже выглядывало из-за горизонта, багровый свет ложился на долину. Костёр все ещё полыхал зелёным и обжигаяще грел вытянутые ноги. Рядом, на корточках, сидела эльфийка с пепельными волосами и

акkuratными чертами лица. Глаза сияли бирюзовым, а изначально белая кожа сияла красным от солнца. Снизу, с деревенских улиц, доносились крики, скрежет железа и приказы.

— Что происходит? — спросил Август, пытаясь сосредоточиться и утихомирить гул в голове. — Тали, что происходит? Говори!

— Ты только успокойся! Ты потерял много крови и вряд ли сможешь встать... оу...

Август с трудом, но всё же встал, держась за парапет. Он увидел полыхающую деревню, сотни наёмников, рыскающих по улицам и убивающих обычных селян. Они вытаскивали людей из горящих домов, а затем рубили мечами без всякого сожаления. Остатки стражников пытались сражаться, но наёмники брали их числом, рубили, а потом оскверняли тела, испражняясь на них. Где-то с улочки послышался крик ребёнка. Август быстро нашёл среди всего этого ада маленькую девчушку, чью мать наёмники повалили на снег и удовлетворяли свои животные потребности. Один из наёмников, проходивший мимо, обратил на девочку внимание, сплюнул и рубанул её мечом по лицу. Маленькое тельце упало в снег с разрубленной головой.

Август сглотнул.

— Какого чёрта?

— Ореон приказал убить всех селян в деревне, абсолютно всех, без исключения, — ответила Тали, насторожено наблюдая за наёмниками и стражниками, сражавшихся у церкви.

— Зачем он это приказал?

— Сказал, что Элтийское Командование приказало. Он продал свою честь, Август, — с неким сочувствием сказала она, примкнув к парапету. — Теперь в истории мы запомнимся, как самые кровожадные ублюдки в мире.

— Вряд ли. Нас туда не запишут. Где этот старый ублюдок сейчас?

— Вроде бы, он в церкви апостолов, решил заполучить золотую статуэтку Игниса.

— Надеюсь, если он выйдет живым, то будет ей молиться.

— Чего? Что ты задумал?

— Убить его.

Август вышел из командного пункта на улицу, на которой царил самый настоящий ад. Наёмники резали всех без разбору, даже не смотрели, кого. Один из них набросился на Августа с поднятым мечом, но рыжий вовремя шагнул в сторону и вонзил кинжал подчинённому в спину. Наёмники всё ещё насиловали женщину, ребёнка которой хладнокровно рубанули мечом. Август скинул подчинённого с полуголого тела и, обнажив меч, рубанул его, затем вонзил меч во второго и ловко обезглавил третьего.

Остальные наёмники, находившиеся на улице, заметили это, но полководца узнали, а потому лишь растерянно опустили мечи.

— Полковник Август, что вы делаете? — спросил один из наёмников.

— А вы что делаете?

— Выполняем приказ Генерала Ольского, — ответил другой.

— Напомните, кто ваш полковник, кому вы подчиняетесь в первую очередь? — озлобленно спросил Август.

— Вам.

— Тогда какого чёрта вы выполняете не мой приказ?

— Ну так Генерал же...

Август рубанул этого наёмника по груди, а затем по шее и вопросительно посмотрел на остальных. Наёмники испуганно попятились. Они прекрасно знали, что их командир жесток и на многое способен, понимали, что шансов его убить у них нет, а уж переспорить тем более.

— Август, ты уж прости, но Генерал Ореон выше тебя по званию и слушаться все должны его, тебя это тоже касается, — буркнул голос сзади.

Это был высокий человек с длинными окровавленными белыми волосами. В одной руке он держал меч, а в другой голову мальчика.

— А теперь заткни пасть и выполняй приказ, — сказал беловолосый. — Пока я тебя не зарубил. Поверь, меня не волнует, что ты сын Ореона.

— Ты меня зарубишь? Ты кроме как детей рубить, ничего больше не умеешь, кусок белого дерьма, — огрызнулся Август, нащупав ножик на поясе.

— А ты никогда на поле боя не сражался. Кишка слишком тонка! Только ходишь во тьме, да людей из неё убиваешь! Крыса, не иначе!

Август сорвал с пояса ножик и метнул его в беловолосого. Тот этого не ожидал, потому ножик вонзился ему в брюхо, но толстый кожаный нагрудник не пробил. Парень ухмыльнулся и, занеся меч, ринулся на полковника. Август нырнул под клинок и в изящном пируэте вонзил меч ему в грудь. Из рта беловолосого хлынула кровь, а тело вмиг обмякло и свалилось в снег.

Он развернулся и, окинув своих людей презрительным взглядом, пошёл дальше по улице, в сторону церкви. Помогать они ему не собираются. Но предателями он их назвать не мог, ведь сам собирался вонзить нож в спину.

Наёмники, окружавшие церковь, сражались с остатками стражников, нахлынувших из всех уголков деревни. Август вонзил в спину солдата меч, кинул его тело в сторону и сразу же рубанул обрадовавшегося его появлению наёмника. Кровь хлынула на снег, и голова наёмника улетела в сторону. Обе стороны были слегка удивлены и даже на минуту перестали сражаться и отступили, но затем опять схлестнулись в битве. Крыша церквушки тем временем полыхала огненным цветком. Знак трёх апостолов, коим была увенчала куполообразная крыша, расплавился. Плохой знак.

Войдя в церковь, он столкнулся с Рейри, стоявшей у дверей и смотревшей, как Ореон хладнокровно мучает монаха. Молодой парень с лысым черепом и с безумным взглядом смотрел на нож, который старик затем вонзил ему в глаз.

— Август, останови его! — умоляла Рейри, повернувшись к нему. — Он с ума сошёл, приказал убить всех в деревне!

— Это не он приказал, а приказали ему. Элтийцы.

Он оттолкнул от себя Рейри и двинулся к Орону, собиравшемуся покончить со вторым монахом.

— ...вы идиоты, знали, что истинный апостол из трёх — это Игнис! А вы, суки, возвысили сразу троих! Тирана, учинившего великую войну, а потом шлюху, дававшую всем на лево и на право! Не стыдно вам? — старик прижал лезвие ножа к горлу старика, а потом слабенько дёрнул рукой. — Игнис! Он единственный сын бога, а остальные — конченные твари!

— Ореон, хватит.

Старик обернулся и широко улыбнулся.

— А вот и герой сегодняшнего дня! — он развёл руками и слегка приобнял Августа. —

Справился с задачей, несмотря на помеху! Как же я хорошо тебя воспитал!

— Я сам себя воспитал. Ты меня лишь учил убивать.

— Все вы, дети, так говорите! — вякнул он, повернувшись к испуганному до чёртиков старику. — Отдаёшь им всё самое дорогое, а они в тебя потом плюют! Обидно, знаешь ли!

— Понимаю. Доверяешь ты одному человеку с детства, слушаешь о том, как он ценит честь и принципы, а потом видишь, как его люди вырезают деревню, насилуют женщин и рубят их детей, — недовольно заметил Август. — Не думал, что тебя так легко купить, Ореон. Продался за какие-то гроши.

— Я продан? Ты когда-нибудь был генералом громадной армии, чьи солдаты верны тебе только из-за денег? Не был! — прыснул он, воткнув нож старику в горло. — Людей стало слишком много, а деньги, за которые Элтия наняла нас на год уже заканчиваются, потому я принял эту авантюру. Выбор был прост, либо ты лишаешься армии и тебя убивают разгневанные наёмники, либо ты продаёшься и все счастливы. Выбор ведь очевиден.

— Счастливы все, кроме людей, которых ты сегодня обрёл на смерть.

— Брось ты! Мертвецам уже всё равно, кто их и за что убил! И вообще, с каких пор ты у нас моралистом стал?

— Я всегда им был. Ты просто не замечал этого, ибо был увлечён войной и тем, как бы сделать из меня идеального убийцу, способного зарабатывать на заказах лишние денюжки.

Ореон сморщился и похрустел шеей. Видимо, всё сказанное Августом, было правдой.

— Ты трусливый кусок дерьма, как и вся твоя армия, — подметил Август спокойным тоном. — Немедленно отзывает людей.

Ореон в ответ засмеялся.

— А то что? Убьёшь меня? Ты только что от отравления отошёл, потерял херово море крови и думаешь, что сможешь меня убить? — он улыбнулся и поднял одну бровь. В глазах читалось безумие. Было понятно, что приказывать всех убивать он явно не хотел.

Август дёрнул мечом и Ореон, сняв безумную улыбку, обнажил саблю. Они стояли в паре метров друг от друга и ждали, что кто-то из них опомнится и займёт правильную сторону, однако история эта закончится не как детская сказочка. Когда это уже стало понятно, оба рванули друга на друга и звук лязгающих мечей воцарился в церкви. Они сражались одинаково, били, отступали, делали выпады, но оборону друг друга пробить никак не могли. Потолок уже начал обваливаться и доски, объятые огнём, без конца падали на трупы, которыми был усыпан пол. Августа объял страх перед огнём, что в любой момент может обратить его в уголь.

Ореон сумел отбить клинок Августа и последний на мгновение оказался беззащитным. Упустить этот момент нельзя. Старик широким взмахом рубанул сына по груди, тот отступил, но в ответ ударить не успел. Их клинки вновь ударились друг о друга. Ореон, занеся меч, закружил пируете, после которого с дикой скоростью и силой рубанул Августа. Парень вновь выставил меч, но удар был столь силён, а руки его столь ослабли, что меч просто улетел. Оказавшись без меча, Август потянулся за кинжалами, но не успел даже рукояти коснуться, как сабля вонзился ему в живот.

Из рта Августа брызнула кровь. Он попятился и упал на зад меж пылающих балок. Ореон вытащил меч из бока живота и приложил острие к шее.

— Отец убивает сына. Никогда не думал, что мне придётся такое сделать.

Засвистела стрела, которая вонзилась в руку старика, из-за чего он уронил саблю. Август потянулся к золотой рукояти, но Ореон вдарил ему по лицу ногой, а затем пнул в

живот, от чего парень, скорчившись от боли, согнулся в три погибели.

В церковь забежали наёмники и, увидев окровавленное тело Августа, испуганно попятились.

— Чего стоите? Проходите, чаю налью! — засмеялся Ореон, упав на колени. Кровь из руки хлынула фонтаном. — Унесите его и закуйте в цепи!

Август очнулся в тёмной комнате, в которую лишь слегка через пыльное окно проникали лучи солнца. Один из таких лучей как раз его и разбудил. Наверное, любой другой человек испугался бы, оказавшись в комнате, чьи полы залиты кровью, а в воздух пропитан смертью, но не Август. Нет, конечно, сердечко его дрогнуло, но лишь раз. Он знал методы Ореона и уже понимал, что его ждёт.

Дверь в комнату со скрипом открылась и чуть ли не проломила стенку своим весом. Порог переступил мощного телосложения мужчина с выбритым до блеска черепом. Балакур, палач и дознаватель Братства Дмитри. Обычно его звали, когда Август не мог выбить из кого-нибудь информацию. Методы Балакура были весьма изощрены и аморальны, они нарушили все законы какого-либо допроса, ведь почти после каждого допроса пленник умирал очень мучительной смертью. Лично Август этого не видел, но ему доводилось слышать нечеловеческие крики, стоя за дверью.

— Здравствуй, рыжий, давно не виделись, — бросил Балакур, поставив на столик ящик с инструментами.

— И тебе привет, как поживаешь? — Август, пожалуй, был из тех немногих оптимистов-безумцев, способных улыбаться даже с кинжалом в брюхе или будучи по уши в дерьме. — Как Роби?

— Роби умер ещё месяц назад, — с отчаянием в голосе вякнул громила. — Лихорадка. А что до меня, то я поживаю нормально, чего нельзя сказать о тебе.

— Это точно. И что ты собираешься со мной делать? Слышал ты как-то одному орсийцу железку в зад запихал. Можно меня эта пытка обойдёт стороной?

Балакур усмехнулся.

— Конечно, друг, — в глазах Август видел, что палач совсем не хотел его пытаться и уж точно убивать. И пленник оказался прав. — Честно, я не хочу тебя пытаться, но Ореон сказал, что убьёт меня, если я не замучаю тебя до отчаяния.

— Что-ж, понимаю, но ты можешь меня отпустить, а я надеру зад Ореону. Как тебе такая авантюра? — Август всем сердцем надеялся, что Балакур согласится, но он надел кастет и врезал ему в челюсть.

Кровь брызнула из рта на пол, где и так крови хватало. Август сплюнул остаток густого кровавого комка и ухмыльнулся, глянув на палача.

— Скажи, что с Тали?

— А что с ней может быть? Она же никого не предала... или предала? — прошипел Балакур.

Август вспомнил, как в руку Ореона вонзилась стрела, спасшая ему жизнь. Если бы не она, старик бы зарубил его на месте, а так хотя бы подумал.

— Нет. Просто, когда я шёл убивать Ореона, на меня накинулись солдаты братства и я подумал, что они так же могли накинуться на Тали.

— Тали уже не та девчушка, которую ты спас когда-то. Сейчас она может постоять за себя и вполне способна надрать зад даже тебе, — Балакур достал из ящика громадные чугунные щипцы с кровавыми пятнами. — Познакомься, это Меролит, ею я выдираю ногти.

— Очень приятно, а меня зовут Август, и можно мне сегодня ногти не выдирать?

Палач прищурился, хмыкнул и отложил щипцы. Он достал чугунный стержень и прошёл

за спину Августу, где должна была стоять печка. Пленник услышал, как вспыхнул огонь и затрещали дрова.

— И вообще, чего это ты так переживаешь за Тали? Ты же, вроде, с Рейри был, нет? — спросил вдруг Балакур.

— Был, но потом я застал её с тем беловолосым ублюдком, любящим убивать детей, а потом Агри рассказал мне, что Тали на меня заглядывается, ну и делать мне больше ничего не оставалось, кроме как принять её любовь и полюбить в ответ, — объяснил он, ёрзая всё это время на стуле. Верёвки были слишком туги.

— А ты, посмотрю, романтик! — раздался смешок. — Кстати Ирвина, беловолосого, убили во время штурма деревни.

— Я знаю. Моих рук дело. Пробил ему грудную клетку и оставил задыхаться в снегу на глазах у десятка наёмников. Позорная смерть для такого рассказчика, как он.

— Ну вообще, парнем он был неплохим. Истории придумывал отменные, а кушанье варил какое! — палач вернулся обратно к столу с натянутой рукавицей и раскалённым чугунным стержнем в ней. — В какой-то степени, он был точной копией тебя, но только в сотню раз веселей.

— Я не убиваю детей и не трахаю женщин без их разрешения. — отрезал Август, нахмурившись.

— А, ну да, верно! Ну не суть! Приступим?

— Конечно, приступай дружище! Дождаться не могу, когда ты обожжёшь меня раскалённым жезлом, мудак брюхастый!

— Эй, ну мы договорились! Ничего личного!

— Ну да, прости, говнюк, начинай.

Брови Балакура сошлись и, оскалившись, он прижал к руке Августа раскалённый до желтизны стержень. Стержень был столь горяч, что Август почувствовал лишь неприятный холодок, отчего улыбнулся и даже пустил смешок. Нервные клетки в месте ожога умерли, стоило стержню коснуться кожи. Обжигающую боль он, конечно же, почувствовал, но вполне терпимую.

Август сильно боялся огня, ибо когда-то давно его родителей заживо сожгли на костре и его тоже пытались, однако, не вышло. Огонь успел обжечь лишь ноги, выше колен он не поднялся, благодаря дождю. И несмотря на весь страх к огню, маленькой палочки он не боялся, он боялся только вида огня, его извивающихся язычков, напоминавших ему ту ночь, всю ту боль, которую он ощутил физически и морально.

Балакур, недоумевая, отпрянул и бросил стержень на пол. Обычно, люди кричат от воображаемой боли, ибо знают, что раскалённая сталь очень горяча, но чувствуется она, как просто холодное лезвие меча.

— Идиот ты, Балакур, меня это не возьмёт, — через смех сказал Август, ёрзая на стуле. — Я же тебе рассказывал как-то раз, что я боюсь вида огня, но не раскалённую палочку. Это разные вещи, хоть и боль одинакова.

В дверь постучали и через мгновение она открылась. На пороге стояла Тали с распущенными пепельными волосами, напоминавшие волну. Кудри её очень даже красили.

— Балакур, тебя вызывает Ореон, хочет спросить, как проходят уроки, — доложила девушка, сложив руки на груди. Обычно она так делала, когда была насторожена или к чему-то готовилась. Этот её секрет знал только Август и Рейри.

— Ну так скажи ему, что я только начал, — отмахнулся палач, рыща в ящике.

— Иди и скажи ему сам, жирдяй. Не собираюсь я тут по вашим хотелкам бегать!

Балакур выдохнул и, глянув мельком на Августа, вышел из комнаты. Тали, дождавшись, когда громадная фигура скроется за поворотом коридора, нырнула в комнату и сразу же прошла за спину к Августу, где начала возится с верёвками.

— И как ты тут? — спросила она, ослабив верёвки так, чтоб Август потом смог вырваться.

— Прекрасно! Ещё бы танцовщицу и был бы рай! — усмехнулся он, ёрзая на стуле. — Эй, что ты там делаешь?

— Я ослабила верёвки. И возьми вот это, — она вложила ему в руку маленьких ножик, который Август сразу же спрятал в рукаве. — Мы сейчас на втором этаже, под окном есть пристройка, а рядом с ней конюшня. Солдат во дворе почти нет. Я буду ждать тебя там и, если что пойдёт не так, прикрою.

— А почему бы тебе просто меня не освободить? — задался он весьма логичным вопросом.

— С минуты на минуту сюда придёт Балакур с Ореоном и давай будем честны, даже вдвоём мы не сможем завалить этот кусок мяса, — пояснила она, а затем обратила внимание на окровавленный пол, на котором лежал раскалённый стержень. Тали ухмыльнулась. — И какого это быть жертвой?

— Честно? Стул очень неудобный.

— Он уже обжёт тебя. Больно было?

— Не очень, — холодно ответил Август, глянув в окно, за которым шумели вороны. — Уходи.

Тали кивнула и, выйдя из комнаты, скрылась в коридоре, откуда затем послышались громкие шаги Балакура и ворчанье Ореона. Старик, ворча что-то непонятное себе под нос, вошёл в комнату и усмехнулся.

— Удобно сидится?

— Очень.

— Так, Балакур, давай выбивай из него всю дурь! — приказал он, указав на ящик с инструментами.

— Я бы с радостью, но понятия не имею, чем его пытаться. Он же, вроде как, боли не чувствует, а боится только огня, а где мы тут разведём кострище?

Ореон пнул здоровяка в сторону и вытащил из ящика молоток, с которым затем подошёл к Августу. Пожалуй, это была одна из самых больших его ошибок.

— А теперь слушай сюда, сынок! Да, я специально вырастил из тебя убийцу, чтобы иметь хоть какой-то дополнительный доход, который не нужно делить с армией, — он угрожающе провёл молотком перед лицом, а затем со всей силой ударил им по груди, выбил весь воздух из лёгких. — Я буду избивать тебя до тех пор, пока ты не признаешь, что ты лишь кинжал в моих руках, а кинжал никогда не должен вонзаться в своего хозяина, сечёшь?

Ореон не умел пытаться и уж тем более внушать что-либо. Августу становилось смешно от одной только мысли, что старик собирался сломать его и собрать обратно в послушную марионетку.

Август харкнул в него кровью и улыбнулся, за что получил молотком по лицу. Челюсть хрустнула, и он свалился со стула. Нож в рукаве перевернулся и слегла вошёл в мясо. Старик кивнул Балакару, чтобы он поднял стул и Августа. Не успел Август прийти в себя, как Ореон ударил по колену. Пленник зарычал от невыносимой тупой боли, но крика так и не издал, а

вновь сплюнул кровавую жижу.

— Ещё раз ударишь и тогда я точно тебя убью.

— Молоко с губ вытри. Убьёт он...

Август нащупал в рукаве рукоять ножа, а затем одним движением скинул верёвки. Глаза Ореона приняли форму двух больших монет, когда припрятанный нож вонзился ему в брюхо аж три раза. Август толкнул израненное тело на озадаченного Балакура и, подняв стул, бросил его в окно. Осколки разбитого стекла вылетели на улицу и Август, метнув в Ореона напоследок нож, прыгнул в окно.

Приземлился он, как и сказала Тали, на крышу пристройки, с которой скатился по ледяной корке и упал на твёрдую заледеневшую землю. Наёмники, стоявшие у конюшен, сразу же рванули к нему, однако Тали, засевшая непонятно, где, двумя меткими выстрелами уложила их.

Август сорвал у одного из них ножны с мечом и поковылял к конюшне, с крыши которой позже спрыгнула сама эльфийка.

— Быстро ты. Думала, тебя сначала помучают, а потом ты уже решишься.

— Ага, конечно.

Они ворвались в конюшню, где как раз стояли два подготовленных коня. Вороной принадлежал Рейри, а бурый Ореону. Оседлав коней, они галопом вырвались обратно во двор, куда уже стягивались все наёмники крепости. С внешних стен стреляли лучники, а арка закрывающихся ворот была забита щитоносцами. Тали вытянула из колчана стрелу, наложила её и, натянув тетиву, выстрелила. Стрела, просвистев прямо меж щитов, вонзилась в голову солдату, который всем весом упал на другого щитоносца. Брешь была небольшая, но её вполне могло хватить.

И всё же кони сумели пробиться через эту брешь, снеся при этом стенку щитов. Они прижались всем телом к коням и острые пики опускающихся ворот, просвистели над ними, а затем с грохотом, будто бы по приказу, свалились, пронзив несколько солдат.

Лучники со стен ещё пытались попасть в них, но стрелы летели мимо, даже очень мимо. Либо перелетали, просвистывая над головами, либо и вовсе не долетали. Кони неслись со всей скоростью, которую только могли себе позволить.

Август глянул назад, в сторону серой крепости, возвышавшейся посреди промёрзшей тундры, где ничего не росло, кроме редких жёлтых папоротников. Ворота крепости уже поднимались, а за прутьями виднелись всадники, однако добраться им до парочки не предстояло, ибо угнанные локдорские кони были самыми быстрыми на всём белом свете.

К вечеру, когда начало смеркаться, а багровое солнце освещали дальние небеса, Августу и Тали наконец-таки предстояло покинуть тундру. Однако, единственным выходом из долины была небольшая крепость, вбитая в склон горы, которая дугой протягивались вдоль северной части мёртвой тундры.

— Выглядит зловеще, — подметила Тали, не отрывая взору от трёх скелетов, свисавших с арки главного входа. — Это эльфы...

— Не понимаю. Как можно отличить, эльф это или человек?

И вправду, скелеты на первый взгляд были одинаковы и ничем не отличались, совсем ничем.

— Эльфийские скелеты более вытянуты, чем людские... — пояснила Тали. — Ты разве никогда не замечал, что эльфы, что мужчины, что женщины, имеют стройное и узкое тело?

— Насчёт мужчин я не знаю, поскольку тел я их не видел, но зато насчёт эльфа соглашусь, — усмехнулся Август, собрав длинные рыжие волосы в неряшливый хвост. — Мне идёт хвост?

Тали выглядела подавленной, возможно, даже испуганно из-за ухода из Братства, но она всё же оторвалась от скелетов братьев и, улыбнувшись, ответила.

— Очень. Сбрить бы ещё эту бороду и было бы идеально!

— Нет. Вот бороду я никогда не сбрею.

— Тогда я срежу её тебе сама, ножиком, пока ты будешь спать.

Август, нахмурившись, повернулся к тундре и увидел множество силуэтов вдаль. Их было около тридцати, и все мчались на конях в сторону горы, за головой Августа и Тали. Пережимать не стоило, поскольку всадникам до горы скакать ещё двадцать минут, а этого времени вполне хватит чтобы скрыться в коридорах древнего королевства.

Вход в древнее королевство, как я упоминал ранее, представлял из себя крепость, весьма массивную и явно созданную не для красоты. Из отвесных склонов горы выступали кирпичные сооружения с затупленными от времени зубцами на верхах. В некоторых местах, из массивных стен поднимались тонкие башни, частично вбитые в горную породу, в которой, к месту, были выдолблены едва заметные комнаты, предназначенные для лучников или оборонительных орудий. В центре всего этого идеала коменданта красовался высоких проход в королевство, с вершины которого и свисали на верёвках три эльфийских скелета. Как их там повесили, возможно, останется загадкой для всех и навсегда.

Некогда эти кирпичные стены были белее снега, но теперь они пожелтели от старости, а мох и плющ уже покрывал добрую часть низов, где земля была усыпана маленькими и широкими скелетами в ржавых доспехах — наследии древней войны.

— Пора двигать дальше, — буркнул Август.

— Коней придётся оставить. — недовольно фыркнула Тали, спешившись.

— Н-да... жалко этих локдорцев! Прекрасные скакуны! — парень погладил коня и, вытащив из подсумка яблоко, протянул рысаку. Конь недоверчиво отпрянул, но затем жадно схватил зубами яблоко и отошёл в сторону. — Слушай, а ты уверена, что из этих... развалин есть выход по ту сторону?

— Прежде чем я вступила в братство, я исследовала эльфийские и гномьи руины. Эти, как ты их назвал, развалины я изучила в первую очередь и обошла вдоль и поперёк. Должна

сказать, коридоры там запутанные и часто встречаются обвали. Я сама один раз чуть не была похоронена заживо под грудой камней и кирпичей, но мы ведь оба прекрасно понимаем, что лучше уж рискнуть, чем ждать тех всадников, — она кивнула в сторону надвигающихся силуэтов. — Так что ноги в руки и вперёд!

И правда, быть похороненным под грудой камней ему нравилось куда сильнее, чем быть зарубленным толпой разгневанных наёмников, чьих товарищей он зарубил. Сорвав с конского седла сумку со всяким барахлом, найденного на месте разграбленного каравана, Август двинул следом за Тали, смело шагавшей в сторону прохода. Если у Тали эта крепость вызывала восторг и даже исторических оргазм, то вот у Августа эта крепость вызывала тревогу. От ней веяло чем-то тёмным, зловещим, даже воздух рядом с проходом был тяжёлым и вонючим. Тали же этого совсем не замечала, хотя её нюх должен быть в десяток раз острее людского. Она даже забыла про скелеты своих родичей, под которыми спокойно прошла и скрылась во тьме главного коридора, откуда спустя пару секунд вспыхнул факел.

Август нырнул во тьму за ней и вот тогда он уже увидел беспокойство на её лице. Главный коридор, в котором вполне могла уместиться крепость Братства, был усыпан сотней скелетов в доспехах и в обычных старых тканях. Девушка, вытянув вперёд факел, замерла и тупо смотрела на это.

— Готова поклясться, тогда этого тут не было, — сказала она наконец и её голос эхом пронёсся по тёмному коридору. — Они пытались укрыться, но в итоге им пришлось защищаться...

— Видимо, остатки твоего народа думали найти здесь укрытие, однако, им не повезло встретить на пути наёмников... — предположил Август. — Но всё же, почему они не ушли вглубь коридора, не скрылись на улочках города?

Эльфка, нагнувшись над первым попавшимся трупом, тщательно осмотрела его и коснулась выцветшей ткани, — та рассыпалась, как песок и пустила вонь.

— Этим останкам очень много лет... — прошептала Тали. — Они лежат тут уже... лет сорок, пятьдесят, а я исследовала эти руины пять лет назад и такого тут не видела.

— Ты уверена?

— Уверенна! Я нарисовала тут на стене иероглиф, означающий мою имя, — Тали поднялась и, вытянув факел в сторону стены, прошла вдоль неё. Тёплый свет упал на штрих красной краски, а затем и показался весь иероглиф. — Вот...

— Тали, это всё, безусловно, странно, но у нас есть проблемы посерьёзнее, — Август настороженно глянул в сторону прохода, всадники были уже совсем близко и оставалось им всего-то минуты две-три.

Первые всадники, среди которых был Балакур и Полковник Мратский и ещё пара безымянных наёмников, чьи имена Августа никогда не интересовали, спешили с коней и сразу же двинули в сторону крепости.

— Август! Выходи, сукин ты сын! — крикнул Мратский, обнажая длинный меч, украшенный золотой рукоятью, как и у Ореона. Такую роскошь, пожалуй, можно было увидеть у всех полковников, кроме Рейри и Августа.

На фоне Балакура, озлобленный и горделивый полковник выглядел ребёнком и Август бы посмеялся, однако, ему было не доспеху, ведь отправили за его головой далеко не рядовых наёмников, а мастеров своего дела.

— Ты же не выйдешь? — спросила Тали, наконец-таки оторвавшись от останков сородичей.

— Я похож на того, кто собирается умирать? — усмехнулся парень. — Мратский никогда не сражается честно. Буду честен, я тоже использую грязные приёмы, но даже мне с ним не сравнится.

— В таком случае, принимай меня в орден грязных приёмчиков, — буркнула Тали, наложив стрелу на древко лука.

— Стой! Лучше не нужно. Пошли дальше.

— Испугался, что он надерёт тебе зад? — ухмыльнулась эльфка.

— Пусть лучше подумает, что я собираюсь выйти и постоит, как дурак ещё пару минут, чем сразу побежит за нами с воплями о том, какие мы трусы.

Они развернулись и пошли по коридору, аккуратно обходя останки эльфов. От ворот они ушли не так уж и далеко, но тьмы уже была так густа, что даже факел не едва справлялся с ней.

Август шёл за Тали и, как бы он не хотел этого признавать, частенько смотрел за движением её ягодиц, что облегали кожаные брюки. Сама же Тали постоянно оглядывалась, будто бы ожидала, что из тьмы выпрыгнут скелеты её сородичей, но на деле же она думала о другом.

— А Балакур? Мне кажется, что лучшего случая вывести его из игры нам больше попадётся.

— Ты ошибаешься. Балакур сам по себе — громадная ходячая слабость. Он большой, а значит неповоротливый и медленный, что для нас двоих очень выгодно, — рассудил Август с важным лицом и отведённым в сторону взглядом. — И вдобавок, он тупой, как камень. Хотя нет, камень, наверное, будет умнее.

— У камня нет мозга... — напомнила Тали. Сравнения она явно не поняла.

— Ну так а я о чём? Балакур очень-очень тупой!

— Я поняла. Хорошо. Хватит пялиться на мой зад.

Август ускорился шаг и сравнялся с эльфкой.

— С каких таких пор ты не разрешаешь мне на него смотреть? Раньше же, вроде, была не против.

— Отвлекаешь, — холодно ответила она. — А ещё твои глаза, замечу, способные видеть во тьме, нужны сейчас в другом деле. Например, смотреть вперёд и не повернуться в какой-либо яме или не наступить на ловушку. Их тут, кстати, полно.

— Как скажите, миледи! — бросил Август.

Когда они прошли значительную часть коридора, а останки эльфов остались позади, из тьмы их взору явился весьма обширный обвал. Груда камней разных форм и цветом была совсем свежей, если судить по трупам археологов, выглядывавших из-под камней.

— Бедняги, — пожал плечами Август, пнув отрубленную голову. — И куда дальше?

Тали осмотрелась и, хмыкнув, направилась к стене, в которой зияла узка и длинная щель. Кинув факел на ту сторону, эльфка без всяких проблем ловко проползла в щель и быстро оказалась на той стороне. Вот они, плюсы худых людей, понял Август, пытаясь пролезть в щель. Горная порода давила ему в грудь, в зад, в поясницу, торчащие куски задевали раненное колено, вынуждая его рычать от дикой боли. И всё же он пролез, упал на пол и полной грудью вдохнул вонючий воздух, подавился и чуть не выкашлял лёгкие.

— Какого хрена тут воняет немытыми членами? — прохрипел Август, натянув на лицо маску.

— Теперь ты меня понимаешь, — прошептала Тали, помогая ему встать на ноги. —

Пошли.

— Куда пошли? Мы хрен пойми где! Невозможно запомнить столько коридоров и сообразить, где выход!

— Замолчи! И дай мне сосредоточиться!

Закатив глаза, Август уселся у стенки глотнул вина из фляги. Горло вновь обожгло и сердце успокоилось. Наверное, эти постоянные нервнотрёпки скоро сведут его с ума.

Они попали в немалых размеров библиотеку, почти идеально сохранившуюся с древности. Книжные полки возвышались вверх и упирались в неровные потолки, украшенные серым пыльным мхом. Зал, в котором эхо ещё лет сто могло бороздить построчные коридоры, чей конец был скрыт тьмой. На удивление, книги, коими были забиты абсолютно все полки, покрылись столетней пылью, но идеально сохранились, как заметила Тали, идя вдоль одной из полок. Интересно было, что в этих книгах и на кой чёрт их тут столько, если все они об одном, но от разных писателей. Где-то была ботаника, где-то летописи, а где пособие для кузнецов, плотников и для прочих ремесленников.

В центре звёздообразного зала был невысоких пьедестал, на котором стояли низкие книжные полки и десяток кафедр, у подножья которых лежали скелеты эльфов останки уже на половину обратившиеся в пыль гномов.

— Великая библиотека Ируса, — буркнул Август, поднявшись с холодного пола. — Здесь есть всё, что древние гномы и эльфы смогли узнать о мире.

— И без тебя знаю, где мы, — прыснула Тали, пролистывая летопись. — В прошлый раз, когда изучала королевство, проход к библиотеке я найти не смогла. Походу, эльфы, пришедшие сюда потом, замуровали его, но... тогда откуда здесь столько книг о ботанике? Гномы её не изучали...

— Возможно, эльфы от кого-то прятались и решили замуровать себя в библиотеке... или наоборот, они замуровали тут то, чего боялись, — предположил Август, подойдя к кафедрам.

— Но тут никого нет... — буркнула Тали, осматривая верха книжных полок, по которым уже полз мох и плющ. — Слишком много зелени для места, где так долго не было света...

— Свет есть. Смотри, — Август указал рукой на громадную дыру в потолке за кафедрой. В дыре виднелись редкие звёзды и, если прислушаться, можно было услышать и свет пение ночных птиц. — Когда мы сюда вошли, был ещё день. Если я не ошибаюсь, было три часа дня, а по коридору мы шли всего-то жалкие полчаса. Не могло так быстро стемнеть.

— Не парься. Может, это затмение. Приближается месяц Алтуина, помнишь? Затмения в это время вполне обычное явление, — пожала плечами девушка и, положив летопись на место, двинула в сторону кафедр.

— И всё же мне интересно, кого они тут замуровали? — забеспокоился Август, вглядываясь в темноту в конце одного из четырёх коридоров.

— Даже если они тут кого-то замуровали, то он уже давно кони отбросил.

— Ладно, — бросив он, сойдя с пьедестала и пойдя в сторону коридора, куда он смотрел. — Пошли. Я не собираюсь повторить судьбу того, кто тут замурован.

Тали, догнав парня схватила его за плечо и Август по привычки обернулся, заранее взявшись за рукоять меча.

— Как ты собираешься выбраться, если библиотека замурована и единственный выход — это та щель?

— Надо будет, сделаю ещё одну щель, — вякнул Август, дёрнув плечом и скрывшись в густой тьме.

Тали сразу же нырнула за ним, вытянув при этом факел вперёд. Когда коридор из книжных полок уже начал касаться бесконечным, они наткнулись на развилку. Один коридор ввёл в крошечную тьму, откуда гулким эхом доносились странные и пугающие звуки, из-за чего они без раздумий пошли в другой коридор, в конце которого виднелся свет.

— Странные звуки, — подметила Тали, обернувшись назад. — Походу, твои опасения оказались правдивыми.

— Чуть меня ещё ни разу не подводило, — ухмыляясь бросил Август. — Но сейчас меня больше смущает свет в конце коридора.

Когда загадочный зал, точь-в-точь повторяющий прошлый, был уже близок, а лучи солнца, проходившие через брешь в потолке, начали слабеть, до них донеслись чьи-то голоса впереди. Кто-то говорил с сильным варлийским акцентом, а кто-то грозно ругался на северном наречии. Август сразу же сообразил, что это Балакур и Полковник Мратский со своими людьми.

Показываться Август с Тали не хотели, потому прокрались вдоль книжных полок и замерли, наблюдая за происходящим.

— Скажи, Балакур, зачем ты сказал, что ты знаешь эти подземелья, если ты, сука, их ни хрена не знаешь!? — орал Мратский, ходя из стороны в сторону. — И выпытай ты уже у этой девки, где выход!

На пьедестале, в окружении кафедр и сломанных книжных полок на коленях сидела абсолютно голая эльфка с тёмными длинными волосами, касавшимися пыльного пола. Девушка, сжав зубы и обнажив клыки, плакала и шептала что-то на древнем наречии, которого никто из присутствующих не понимал.

Остальные наёмники, чьи ряды знатно поредели, окружали кафедру и наблюдали за тем, как Балакур копается в своём пыточном ящике. Здоровяк достал сначала молоток, которым Ореон избивал Августа, посмотрел на эльфийку и цокнув, положил молоток обратно. Даже этому бездушному куску дерьма было жалко трепать редчайшее существо староземья.

— Чего ты там копаешься? — рявкнул Мратский, толкнув здоровяка в сторону и заглянув в ящик.

Полковник достал окровавленный скальпель, который затем поднёс к лицу эльфийки и вякнул: — Если ты, сучка, не скажешь, где выход, я вырежу тебе глаз вот этим!

— Полковник, сдаётся мне, она не знает нашу речь. Сами рассудите, это же эльфийка и не абы какая, а одна из редчайших пород, — осмелился заметить безымянный наёмник, взоидя на пьедестал.

Мратский, вздохнув, подошёл к этому парню, улыбнулся, а затем внезапно вонзил скальпель ему в глаз. Наёмник заорал, а затем свалился на пол, где начал болтыхаться, как рыба на суши. И почему все думают, что быстрые извивания их спасут?

— Тоже будет и с тобой! — крикнул полковник, встав позади эльфийки. Он нагнулся, и его рука скользнула с маленькой груди, пальцы в перчатке сжали сосок и он, ухмыляясь сказал: — Либо я отдам тебя на растерзания им.

Из дальнего коридора эхом пронеслось чьё-то рычание и какой-то грохот, проходящий на тысячную армию, бегущую на прямое столкновение. Эльфка вздрогнула, когда такие же звуки послышались и из другого коридора.

— Всё, Балакур, кончай её! — приказал Мратский. — Она ничего не скажет.

Балакур достал трофейный тесак, который он когда-то забрал у лучшего шеф-повара Орсии. Здоровяк замахнулся. Прозвенела тетива и послышался свист. Стрела, ударившись об лезвие тесака, отлетела, как и сам тесак. Балакур испуганно отпрянул и оглянулся. Мратский и наёмники настороженно выдернули мечи из ножен и уставили на коридор, где затаились Август и Тали.

— Только один человек может так метко стрелять! — выкрикнул Мратский, сойдя с пьедестала и сделал пару шагов к коридору. — Точнее, лишь один эльф может так стрелять!

На всякий случай полковник сдёрнул со спины щит и слегка приподнял его. Жаль он не знал, что его этот щит не спасёт. Никого ещё не спас.

— Сейчас я сражаться не хочу, как и вы, наверное! Я хочу выйти отсюда и больше никогда не возвращаться, так что давайте мы вместе найдём выход и не будем резать друг другу глотки?

— А что будет, когда мы найдём выход? — спросил Август, выходя из темноты. — Будем резать глотки?

— Нет. Я скажу Ореону, что ты мёртв, а ты за такую щедрость должен будешь залечь на одно и, желательно, вообще уехать из Орсии, не появляться в приюте Родава и в Элтии.

— Заманчивое предложение, но прятаться я от него не буду, а скорее, за такую дерзость и попытку меня убить, лишу его головы. Хотя нет, сначала я отрежу ему член, а уже потом голову. — Со злобной ухмылкой промолвил Август.

— Я соглашусь, а знаешь почему? Ты никогда не сможешь его убить.

Вновь из всех коридоров эхом донеслось рычание и грохот. В этот раз наёмники насторожились и начали заглядывать в коридор, выставив заранее мечи и факела. Эльфийка же вздрогнула опять и Август, мельком на неё глянув, заметил, что её лицо искажено в гримасе невиданного ранее ужаса. Такого лица ему и вправду никогда не доводилось видеть. Эльфка друг вскочила на пол и рванула к тесаку, лежавшему рядом, но мощная нога Балакура удачно её оттолкнула. Здоровяк поднял тесак и угрожающе замахнулся.

— Не смей! — крикнула Тали. — Нельзя её убивать!

— Это ещё почему? Она же ничего дельного не скажет!

— Разве это причина её убивать, ублюдок ты конченный? Она такое же живое существо, как и мы все!

— Балакур, не порть мне переговоры! Пусть эта ушастая идёт куда хочет! — скомандовал Мратский.

Эльфка начала смотреть по сторонам, всматриваться в коридоры, а рычание и грохот, которые многих не особо беспокоил, становились всё громче и громче.

— Они идут... — прошептала девушка.

Балакур и Мратский с удивлением уставились на неё. Эльфка повторяла и повторяла эти слова. И, когда из тьмы отчётливо раздался чей-то рёв, она вдруг закричала, выхватила тесак из рук Балакура и быстрым движением перерезала себе глотку.

— Полковник! — раздался крик наёмника, заплутавшего во тьме одного из коридоров. — Там...

Не успел парень и из тьмы выбежать, как что-то утащило его обратно. Раздался душераздирающий крик, рёв, а затем настала тишина. Мратский и Балакур испуганно смотрели в коридор, даже Август и Тали были напуганы, а они повидали, казалось, всё самое ужасное.

— Круговая оборона! — скомандовал Мратский, забегая в круг кафедр.

Наёмники слаженно и быстро встали в круг, правда их не хватило на идеальную круговую оборону, но это хоть что-то. Август зашёл за круг и встал на пьедестале, а Тали ловко запрыгнула на кафедру, откуда вид, наверное, был получше. Те наёмники, у кого был лук, сделали почти тоже самое.

Вновь из тьмы раздался рёв. Послышался топот уже многотысячной армии. Он становился всё ближе, всё громче и всё сильнее внушал первобытный страх. Страшно было не от того, что во тьме скрывается нечисть, а больше от неизвестности. Нечисти в мире полно, но это место отделено от мира, а значит и нечисть здесь иная. Возможно, куда страшнее той, что снаружи, куда свирепей и куда сильнее.

— Походу, теперь мы знаем, кого они тут замуровали. — прошипел Август, с лязгом обнажив меч.

Из тьмы показались серые изуродованные эльфийские лица. Они боялись выходить, либо ждали, когда подойдёт остальная орда. Наёмники попятились, когда невиданная тварь зарычала на них и худощавая нога вступила на свет.

— Это эльф? — удивлённо спросил Мратский.

— Когда-то им был, — ответила Тали, выпустив стрелу, которая вонзилась в глаз твари, замертво утопив её во тьме.

Рычание и грохот вмиг утихли и Мратский засмеялся.

— И это всё? Их спугнула жалкая стрела?

Сразу же как полковник замолчал, из всех четырёх коридоров выбежали эльфы. Худощавые серые существа, с лысой башкой и маленькими глазками, наполненными первобытным злом. Длинные конечности были украшены длинными когтями, а из спины выглядывали костяные наросты. Сотни, а то и две ринулись на наёмников. Те в свою очередь, прикрываясь щитами, рубили на право и не лево. Эльфов было столь много, кто смысла пытаться попасть в кого-то не было. Даже Тали стреляла наугад.

И как бы сильно и быстро они не рубили, не стреляли, тварей меньше не становилось. Полы зала уже были излиты тёмной кровью, в которой виднелись зеленоватые тельца, походившие на сколопендр.

— Ну и рубилровка же! — крикнул Мратский, а затем рванул сражаться бок о бок с товарищами.

Среди всего этого оглушающего и сводящего с ума рёва, Август услышал чей-то крик, человеческий. Худая рука эльфа каким-то образом сумела выбить из рук наёмники щит, а ещё умудрилась перегрызть бедняге глотку. Наёмник, подняв меч в сторону подступающей твари, отползал к кафедрам и молил о помощи, но все были слишком заняты надиранием задов и тем, чтобы зад не надрали им.

— П-п-полковник А-август!

Наёмник уже был мертвецом, ведь ему отгрызли половину шеи, из которой фонтаном хлынула кровь. Но как бы не так, Август всё же сбежал из круга кафедр и с разбегу рубанул тварь по лицу, однако, меч застрял лишь на половине черепа. Лицо эльфа было обращено в кровавое месиво из глазных яблок, осколков скул и зубов, торчавших там, где не нужно. Эльф издал горловой звук, попятился и вслепую махнул когтистой рукой. Не попал. Август сбил тварь с ног, а затем выдернул меч из голову, рубанул по шее и посмотрел на наёмника. Из шеи уже не лилась кровь, а глаза, наполненные страхом перед смертью, смотрели куда сквозь Августа.

Над головой просвистела стрела и Август, обернувшись, увидел эльфа со стрелой в груди. На мгновение показалось, что эльф усмехается. Неужели у них есть сознание? Август встряхнул меч от крови и, подпрыгнув к серому эльфу, рубанул его по груди. Худощавая туша отлетела в сторону, замерла и пустила лужу крови с зелёными тельцами.

— Мы не можем их больше сдерживать, полковник! — крикнул наёмник с другой стороны зала. — Их слишком много, а нас...

Видимо ему тоже перегрызли плотку, либо зарубили когтями. Августа его судьба не особо волновала, как и всех других людей в зале, но зато наёмник был прав, их правда очень мало и с каждой минутой ряды редуют. Вот ещё одному, несмотря на нагрудник, вспороли брюхо и кишки вывалились наружу. Наёмник завопил и упал на колени, попытался засунуть кишки обратно, что показалось Августу смешным, но улыбка сразу же сошла, когда другом защитник, заноса меч, случайно задел раненного. Острие ударило об висок и вспоротый запертво свалился на бок, а твари, прорвавшиеся за круг, немедленно начали его грызть.

— Назад! — крикнул Август, пятясь к кафедрам.

Наёмники, не прекращая отбиваться, начали аккуратно пятиться назад. Кто споткнулся от кусок оторванной руки, упал и, не успев поднять щит или хотя бы меч, был утащен в орду эльфов. На щит другого напрыгнул эльф, а второй, нырнув под взмах меча, вонзил зубы ему в глотку.

Если в начале битвы наёмников было двадцать, то к моменту, когда всех отступили к кафедрам, их оставалось всего восемь, не включая Балакура, Мратского, Августа и Тали.

— Это конец! — крикнул Мратский, рубанув эльфа по шее. — Нам загрызут, как голодные селяне дохлых солдат!

— Надо что-то придумать! — предложил Балакур, кромсая всех на право и на лево.

— Надо же, твоя лысая башка наконец-таки до чего-то додумалась! — прыснула Тали, спрыгнув с кафедры и обнажив кинжал.

— Назад! Назад! — скомандовал Мратский наёмникам и те взобрались на пьедестал, куда ещё минуту назад падали лучи заходящего солнца. — Держите щиты!

Эльф выполз из толпы и укусил наёмника за ногу, тот взвыл и рубанул тварь по шее, однако, таким образом он открылся и несколько эльфов вгрызлись в его тело. Щит выпал и покатился в сторону, меч он сжал со всей силой, однако это не помогло. Никто не успел ему помочь, да и не смог бы. В общем, загрызли наёмника и утащили во тьму.

Август наблюдал за тем, как наёмники сражаются, глядел на тысячную орду серых эльфов и пытался придумать, как же выбраться из этой ловушки? Но на ум ничего не приходило, кроме как приказать наёмникам опустить щиты и мечи и отдаться в объятия мучительной смерти. Но по тому, как они яростно махали мечами, рычали на тварей, надеясь их напугать, становилось понятно, что такой приказ они не одобряют, да и не полковник он уже, чтобы ими командовать.

Наёмников становилось всё меньше. Эльфы утаскивали их одного за другим, сжирали где-то в толпе, а затем с ещё большей свирепостью возвращались к кафедрам. Август тоже рубил тварей, но толку было мало. Эльф выпрыгнул из тьмы, но Август вовремя рубанул мечом, но подпустил другую тварь, чьи зубы впились ему в ногу и, казалось, прокусили мясо до самой кости. Он взвыл, попытался отступить, чтобы не быть утащенным в толпу, но это не особо помогало. Из-за множественных костяных наростов на теле эльфа, он был очень тяжёлым, а потому заменял Августу цепь.

Вовремя подоспевшая Тали, ловко полоснула прыгнувшую на Августа тварь, а затем

ударилась тварь, вцепившись в ногу, каблуком. Странно, но тварь отпрянула и отползла. Эльфка помогла ему удержаться на ногах и оттащила в центр пьедестала, где Август уселся у трупа мёртвой эльфки.

Круг опять сузился и Августу в лицо упёрся чей-то зад. Настолько был узкий круг.

— Чего расселся? — спросил Мратский, не прекращая отбиваться.

— Ногу прокусили, — сухо ответил Август, держась за место укуса, откуда лилась кровь. — Сука.

Тали пнула одного из наёмника, и он занял её место в обороне. Она села на колени перед Августом и, достав из сумки флакон с белой жидкостью и бинты. Задрав штанину, она вылила содержимое колбы на место укуса. Август почувствовал, как внутри ноги началась какая-то химическая реакция. В тот же миг из раны выглянула кровь, смешанная с густой зелёной жидкостью. Эльфка надавила на икру, от чего Август ощутил острую боль и зарычал, а когда жидкость из раны вытекла выдавливать уже было нечего, она обвязала ногу бинтами.

— Сиди и не вставай!

— Сидеть и ждать, когда меня загрызут? — возмутился он, пытаясь встать.

— Даже при всём желании, встать ты не сможешь, да и толку от тебя не будет. Помрёшь ведь сразу, а я не хочу, чтобы ты умирал! — она усадила его обратно, встала и вернулась в круг.

Балакур, в чей зад ранее уткнулся Август, попятился и чуть не споткнулся об развалившегося Августа. Жилетка здоровяка была разорвана в клочья, а из волосатой груди ручьём хлынула кровь. Лицо его побледнело и исказилось от злости. Он покрепче сжал тесак и, зарычав, бросив на орду, рубя всех по головам. Но уложить он успел лишь четверых, прежде чем его утащили во тьму, из которой спустя секунду полетели оторванные конечности и кишки.

На сердце у Августа вдруг стало тяжело. Он впервые за долгие годы ощутил то неприятное чувство, мучавшее его, когда родителей заживо сжигали на костре. Он потерял не драгоценного, но всё же друга, которого знал много лет и с которым вместе пытал людей, смеялся над воплями и пил.

Лицо Балакура выглянула среди худощавых ног эльфов. Теперь злость на лице сменил страх. Удивительно вообще, что он ещё жив, потеряв кишки, почки и пару конечностей. Если заглянуть дальше, то можно было увидеть, что здоровяк лишился ног и живота. Он что-то прохрипел и резко уронил голову на пол. Теперь уж точно умер.

Вдруг, как лучик света во тьме, как оно, в принципе и есть, через брешь в потолке в зал проникли первые лучи солнца. Они были столь светлы, столь горячи, приятны и успокаивающие. Раздалось шипение, как когда кипит чайник. Серые эльфы закричали и спустя мгновение все, на кого падали солнечные лучи, обратились в пепел. Остальные тысячи, увидев смерть своих сородичей, со страхом отпрянули, а потом и вовсе со всех ног убежали обратно в коридоры. И хоть лучи солнца туда не падали, они не останавливались и бежали до тех пор, как рёв и грохот не стихли.

Мратский облегчённо вздохнул и упал на колени перед Августом, который протянул ему флягу с вином. Из всех выжили только четверо. От наёмников, державших оборону ещё не на пьедестале, остались только кости, да куски мяса, но кому-то и повезло. Их тела более-менее сохранились, но были обращены в неразборчивое месиво.

Полковник, нехило глотнув вина, отдал почти пустую флягу Августу и ухмыльнулся.

— Теперь мы тебя точно не уберём, с такими-то потерями.

— Нужно выбираться и поскорее. До следующей ночи мы не протянем, — напомнила Тали, осматривая трупы эльфов. — Походу в библиотеке решили спрятать заражённых чем-то...

— И великие древние эльфы, имея столько книг о ботанике, не сумели найти лекарство? — засмеялся Мратский.

— Как видишь, нет. А может, они просто не успели или не знали... — она пожала плечами. — Вставайте, нужно идти.

— Я бы с радостью, но в какую нам сторону?

Тали глянула на труп и по нему поняла, с какой стороны они пришли.

— Мы пришли оттуда, а королевство протягивается от юга на север. Значит нам туда, — Тали скинула пустой колчан и, взяв набитый стрелами у мертвеца, пошла в сторону указанного ею коридора.

— Ольфус, помоги Августу встать и дойти до выхода, — приказал Мратский последнему выжившему подчинённому.

Наёмник недовольно фыркнул, но всё же помог Августу.

С момента, как восходящее солнце спасло их от неминуемой жестокой гибели, прошло уже несколько часов, солнце успело погаснуть и вновь воссиять три раза, но твари те так и не вышли из углов, а продолжили сидеть в кромешной тьме и лишь жалко рычать, надеясь напугать путников. И это у них выходило отменно! Когда из другого конца коридора эхом доносилось рычание, Мратский чуть ли не падал в обморок и неловко пытался обнажить меч, надеясь, что сумеет одолеть эту армию в одиночку.

Да, из библиотеки они так и не выбрались. Рыскали по коридорам, пролистывали книги, надеясь найти в ней ответы на то, что случилось с эльфами на самом деле и как выбраться из этой треклятой библиотеки. Станным казалось и то, что они ни разу не наткнулись на голую серую стену, их постоянно окружали книжные полки многим уже начало казаться, что библиотека играет с ними. Будто это место постоянно меняет коридоры, как лабиринт или каким-то образом перемещает путников к началу. Вывод такой был сделан не спроста, — они уже три раза прошли через усыпанный трупами зал, каждый раз идя в другой коридор. И вот они вновь вернулись в этот зал уже четвёртый раз.

— Это безумие! — взвыл Ольфус, бросив Августа на пол и взобравшись на пьедестал, на свет солнечных лучей. — Отсюда невозможно выбраться! Время тут идёт быстрее, чем положено!

И это слова его были сущей правдой.

— Как думаете, сколько лет мы тут проторчали? Десять, двадцать? — продолжал ныть наёмник, а потом упал на колени перед уже разложившимся трупом эльфки. — Мы тут умрём!

Даже Мратский, который целых два часа без усталости молвил о том, что они скоро найдут выход и тогда он пойдёт в бордель, отчаявшись, уселся на ступеньки и поднял усталый взгляд в сторону коридора. В глазах читалась усталость и желание покончить с собой, а под ними виднелись синяки.

Август глотнул вина из фляги и, усевшись рядом на ступеньки, протянул флягу полковнику.

— Последний глоток, — устало сказал Август и глянул на ещё не разложившийся труп. — Кто-нибудь знает, как приготовить человечину?

Стоявшая позади Тали, дала парню подзатылок.

— Мы не будем есть человечину.

— Говори за себя, ушастая! — проямлил Мратский, протянув Августу пустую флягу. — Мы не ели, если задуматься, уже несколько дней и срать я хотел, что на деле прошло всего-то два часа.

— Некоторые голодают месяцами и живы, — подметила эльфка. — А вы не можете и трёх дней протянуть? Неужели богатая жизнь тебя так испортила?

— Ну знаешь, не привычно, когда рука не сжимает сиську, а во второй нет бокала сидра, и нет тарелки, куда голые бабы без конца кладут жратву! — рявкнул Мратский, вскочив со ступенек. — Я снова хочу видеть эту замечательную картину, вновь хочу увидеть женскую грудь, так что собирайте всё, что у вас осталось в кулак и пошли искать выход из этой херовой библиотеки!

Внезапно поднявшийся духом полковник вновь засиял и желание покончить с собой в глаз вмиг исчезло. Засияла улыбка.

— Так, Тали, ты у нас самая умная, так что скажи, в какой коридор мы ещё не ходили?

Эльфка вновь глянула на труп другой эльфки и кивнула в сторону восточного коридора, откуда доносилось рычание. Твари, напавшие на них пару часов назад, прятались во тьме и наблюдали всё это время. Они не отходили и вовсе не уходили. Возможно, они боялся, а может и ждали удобного момента, дабы напасть, но и не стоит исключать то, что они ждали от путников какой-то помощи. Да, это звучит глупо, но кто знает, что в голове нечисти?

Пока Мратский пытался подбодрить и поднять духом единственного своего солдата, Тали глядела в коридоры и думала. Они пришли из западного коридора, столкнулись с Мратским, сразились с эльфами, а потом пошли в северный коридор, пришли из западного, потом пошли в южный, но вернулись из него же и так ещё пару раз. Она задалась вопросом, а что, если пойти обратно, в коридор, откуда они с Августом пришли? Выйти обратно в тот коридор и убежать прочь из этого богом забытого места?

— Нам нужно туда, — буркнула Тали, указав на западный коридор.

Мратский удивлённо посмотрел на неё.

— Сдаётся мне, у тебя тоже голова с плеч слетела?

— Нет. Я, в отличии от вас, ещё сохранила рассудок, — с довольной ухмылкой ответила она. — Я думаю, если мы пойдём назад, то эта библиотека не сможет обыграть такой наш ход. Я не могу объяснить почему я так решила, но что мы потеряем, если пойдём туда?

— И правда. Как говаривал мой дед, лучше попытаться, чем встретить смерть сложа руки, — согласился Мратский, двинув в сторону западного коридора.

Август, не сумев выдавить из капли хотя бы каплю вина, бросил её в сторону и, вскочив, поковылял за полковников. Тали, догнав хромого, закинула его руку на шею и потащила с ним за Мратским, довольно шагавшим во тьму без факела. А Ольфус так и остался сидеть посреди зала, рыдать и смотреть в уходящие лучи солнца.

— Ольфус... — послышался шёпот из восточного коридора.

Наёмник обернулся и со страхом в глазах пошёл на голос Мратского, однако, когда он подошёл ко тьме, из неё выглянула уродливая чёрная морда, чья пасть в следующий миг сомкнулась на шее отчаявшегося. Безголовое тело упало на пол испустило лужу крови с зелёными тельцами.

Они вышли обратно в зал, где лежали скелеты эльфов, где потом был скрыт густым серым мхом, где в стене зияла теперь уже громадная щель, через которую Август с Тали и

попали в библиотеку. Теперь за щелью виднелся какой-то зал, уж точно большой и там, наверное, во тьме не прятались орды прокажённых эльфов.

Первое, что сделал Мратский, когда вышел из библиотеки, это упал на колени и начал молиться Богу, благодарить за то, что спас. Хотя спасла их всех Тали, умевшая сохранять рассудок в подобных безвыходных ситуациях, а также и думающая никак толпа. Август вышел последним и, изрядно измотавшийся от нескончаемой ходьбы, он уселся у стенки и устался на серый каменный трон, на котором кто-то сидел с золотой короной в руках.

— Мы опять... не одни... — устало произнёс Август, откинув голову к стенке.

Остальные испуганно обернулись и потянулись за оружием, но загадочный силуэт не подавал признаков жизни. Мратский, с лязгом обнажив меч, аккуратно пошёл в сторону трона. Тали же натянула стрелу и прицелилась в склонённую голову мертвеца на случай, если он встанет. Август её искренне не понимал, ведь смерть Мратского, человека, что никогда не держит слова, им обоим выгодна. Вероятность, он не передумает и сохранит им жизнь, хотя бы не попытается её отобрать, весьма мала.

И всё же лук в сторону она не увела. Мратский был уже близок и, вытянув меч, острием подсёк корону. Худощавые руки вздрогнули, и мертвец оказался очень даже живым, раз заорал во всю глотку, но поднять с трона не мог.

— О-о-отдай! — протянул хрипло старик, ёрзая на троне. — Это моё!

Мратский не решил испытывать судьбу и дёрнул клинком. Корона упала в руки и существо, смутно походившее на человека, прижала её к груди.

— Кто ты такой? И почему сидишь здесь? — спросил Август, проковылявший к трону и опершись об плечо полковника.

— Я рунный кузнец, которому последний эльфийский король доверил корону и свой меч, — ответил старик, подняв пустой взгляд. — Вот уже тысячу лет я сижу на троне и жду, когда его высочество вернётся из похода в библиотеку...

— Спешу тебя разочаровать, рунный кузнец, в библиотеке нет никого, кто сохранил хоть щепотку разума. Теперь там лишь орды прокажённый эльфов, жрущих всё, что движется и дышит, — пояснил Август.

— Да, старик, твой король уже давно мёртв... очень давно...

— Значит, король мёртв... — прохрипел кузнец, уронив голову на плечо.

— Поверить не могу. Как он сумел прожить столько лет? Если взять в расчёт и то, что время тут течёт намного быстрее, то он сейчас намного старше, чем... выходит... само мироздание... — опешив, рассуждала Тали, стоя за спинами парней.

— Время? Да, время тут течёт по-разному, — начал кузнец, вскинув голову и откинувшись к спинке трона. — Бывает, месяц может пройти за час, а бывает и год, даже пять лет могут пролететь лишь за минуту, но загадочное это явление — я так скажу! Сколько бы лет ты тут не пробыл, именно тех, что текут тут, ты почти не стареешь! Прошло уже столько, что я даже забыл, когда родился и сколько мне сейчас лет. Хотел бы я знать, как там процветает Верховная Империя, сумел ли Игнис воссоединить народы...

— Верховная Империя пала уже, как шестьсот лет, а Игнис бесследно пропал, не оставив наследников, — поведала Тали. — Лучше скажите, что здесь с временем?

Старик мучительно сглотнул слюну и Август удивился, что его желудок ещё работает. Что же он ел всё это время?

— Когда Великая Война закончилась и свершилась битва двух братьев, Игниса и Магнуса, к нам во владения пришёл таинственный алхимик, утверждавший, к нам в руки

попал могущественный артефакт, который он должен немедленно забрать. Однако, тогдашний король был против и послал его куда подальше, а затем решил использовать этот артефакт, как двигатель для величественного механизма, предназначенного, чтобы пробурить скважину на дно мироздания и сразить там всю нечисть, сосланную туда когда-то Анки. Но тогда мы понятия не имели, что этот камень способен сокрушить не только нашу гору, но и всё мироздание!

— Не томи, что за артефакт и где он сейчас? — попросил Мратский.

— Это был, как тот алхимик выразился, камень времени, способный обратить любого мертвеца вспять, вернуть сам мир к истокам зарождения. Мы этого не знали и, когда использовали камень, вставили его в бур, он взорвался. Время и пространство в коридорах перепуталось, а эльфы начали болеть и превращаться в монстров, озабоченных одним только камнем, что, наверное, по сей день лежит в механизме бура.

— Неожиданный поворот, — буркнул Август. — Но твой король присоединился к той орден, рыщущей в тени. Что ты будешь делать теперь?

— Умру.

Троица опешила.

— Я просто умру. Мои дни уже подходят к концу. Я давно должен был умереть и оставить наследие короля своим детям, но те покинули эти земли много лет назад. Я остался совсем один. Верный, старый, дурак, верившей всем сердцем, что король в один день вернётся с камнем в руках и серые стены зала вновь расцветут, а мёртвую тишину изгонят крики эльфов и радостных хохот детей, — старик на мгновение улыбнулся, показав чёрные кривоватые ряды зубов, но затем улыбка погасла и лицо его сразу же потухло. — Но они все мертвы...

Августу немного даже стало жалко этого старика. Про него уж точно можно сказать, что он потерял всё самое дорогое в жизни, он потерял даже жизнь, а этому ещё нужно постараться.

— И корона останется... тут? Вместе с тем мечом? — спросил Мратский и Август услышал в его тоне озабоченность этими артефактами.

— Я могу... отдать наследие кому-то из вас, но... достойны ли вы его? — прохрипел старик, пытаясь встать.

Когда старик поднял зад, с его плаща, в который он был обвёрнут, взмыла многовековая пыль, которую непонятно откуда взявшийся порыв ветра разнёс по всему залу. Все закашляли, а старик особенно. Чуть не умер, но всё же устоял перед смертью, сидевшей на его шее уже много лет. Горбатый кузнец, обвёрнутый в серый, чудом сохранившийся, плащ, проковывлял за трон. Послышался щелчок, как при открытии замка. Через какое-то время старик, едва держа в руках меч, обвёрнутый в тёмную кожу, вышел из-за трона и уселся обратно.

— Великий меч, который король сразил сотни тысяч врагов! — горделиво описал старик, скинув кожу с меча.

Меч выглядел, как новый, будто бы его сделали ещё вчера. На недлинный клинок, примерно в два с половиной фунта, были наложены древние руны, при виде которых Тали опешила. Она знала, что это и знала, насколько они могущественны. Даже Август и Мратский, будучи далёкими от древней крови, почувствовали, как воздух вокруг задрожал. Зелёные руны, наложенные лично стариком, отдавали неестественным свечением, будто бы что-то невидимое не давало свету проникнуть дальше.

— Я лично выковал его много лет назад! — похвастался кузнец. — Меч сделан из чёрной стали, о которой, наверное, вы слышите впервые, так что коррозии не поддаётся. Он никогда не затупится, наверное, и никто не подведёт в битве, как с нечестью, так и прочими человекоподобными врагами. По крайней мере, меня, когда я оборонялся от прокажённых эльфов, он не подвёл и теперь эльфы бояться даже в щель ту заглядывать...

— Я хочу этот меч. — заявил Мратский, протягивая к нему руку.

— Осторожно, юноша! — вякнул старик, отведя меч в сторону. — Меч сам должен выбрать, достойны ли вы его!

— Что за бред, старик? — возмутился Мратский, взявшись за рукоять своего меча.

Август схватил его за руку и отдёргнул от рукояти. А тали, стоявшая позади, прислонила к его лезвию кинжала.

— Ещё дёрнешься и перережу тебе хребет, — пригрозила Эльфка.

А старик неуверенно продолжил:

— Если меч возьмёт тот, в ком не течёт Лисья Кровь, он умрёт. Проще говоря, если у вас в родословной нет Игниса или Анки, или ещё кого-то из апостолов Верховной Империи, вы умрёте. Не сможете впитать колдовство меча в свои тела.

— И как мы поймём, Лисья ли у нас кровь? — спросил Август, всё ещё держа полковник за кисть.

— Я могу вам с этим помочь, — он шмыгнул носом, вдохнул пыльный воздух. — Я чую грязную кровь, вызванную кровосмешением! Похабная кровь, однако, хоть и чистая... — он вновь вдохнул. — Ещё чувствую древнюю эльфийскую кровь, но явно не Лисью. Это женщина и она может взять этот меч, но я не уверен, сумеет ли она поднять...

— Не парься, старик. Мне этот меч не сдался, — фыркнула Тали, надавив кинжалом на выпирающий позвонок Мратского. — Надо же, Мратский, твои родители оказались теми ещё извращенцами!

— А с чего ты взяла, что это я? Может это кровь Августа! — возмутился он. — Не зря же его родителей сожгли!

Август смутился, ибо Мратский не должен был этого знать.

— И наконец-таки последний. Чую дворянскую кровь и... Лисью, но я опять же не уверен... — дрожащими руками старик приподнял меч и посмотрел мимо Августа. — Ты возьмёшь этот драгоценный меч, рискнёшь?

Август и Тали переглянулись.

— Даже не думай! — буркнула Тали.

Август, пожав плечами, взялся за рукоять меча и почувствовал, как по его руке пробежали мурашки, а за ними что-то странное, невиданное и осязаемое по сей день. Это было сравнимо с густой жидкостью, проникшей в кровь, но текла она безболезненно. Зелёные руны вдруг вспыхнули и осветили тёмный зал, каждую пылинку, коих тут было не счесть.

— Надо же... ты достоин... — промямлил старик, вновь откинувшись к спинке стула и облегчённо вздохнув. — Честно сказать, я ожидал услышать болезненный крик и хлопок твоего мозга, но раз всё тихо...

— То значит он достоин... — пробурчал недовольно Мратский.

— Меч я отдал, а корона... раз она никому не нужна, то пусть летит к чёрту... — он кинул её в сторону, и она покатилась по полу, скрылась во тьме, откуда послышался звон. — Гори оно всё адским огнём.

— Как тебя звать? — спросил Август, ибо не гоже было не знать столь великого и верного человека, как этот старик.

— Аруин. Если вы решите написать историю, то прозовите меня так... “Аруин. Последний из Лунных Эльфов”... ха-ха... ха...

Старик хрипло засмеялся от радости, что наконец-таки избавил себя от столь тяжёлой ноши, но вскоре смех начал угасать и старик, кашлянув пару раз, медленно уронил голову на плечо и тело его застыло. Тело обмякло и испустило зловонный запах. Аруин выглядел так, будто бы уже давно являлся частью этого зала, частью серых стен, призраком, решившим хранить трон до последнего вздоха. И даже после смерти он остался на нём, будет сторожить его до скончания времён.

Август вытащил меч, отобранный у наёмника, и вложил старику в руки, чтобы павшие короли, когда-то почившие на этом троне, встретили его на том свете с уважением и осознанием, что он защищал наследие до последнего.

— Молодцы! Расспросили у него всё, но сука так и не додумались спросить, где выход! — прыснул Мратский. — Я вас просто не могу! Может, этот меч прикосновением оживляет человека? А ну-ка проверь!

— Могу проверит на тебе. Сначала зарубить, а потом оживить. Идёт? — оскалился Август, пригрозив мечом.

— Хорош в меня тыкать свои клинки! У нас же, вроде, перемирие, забыли? — возмутился полковник. — Так предлагаю пойти и найти грёбанный выход! А то вдруг настанет такой момент, когда время потечёт слишком быстро и за минуту пройдёт десять лет!

— Не ори мне в ухо, ублюдок! — рявкнул Август. — И хватит ныть. Найдём мы этот выход...

— Есть идея, но, думаю, реализовать её будет сложновато, — неуверенно предложила Тали, глядя в сторону громадной щели, за которой сияли солнечные лучи, проникающие через дыру в потолке. — Книжные полки упираются в потолки, так? Если изловчиться, то можно будет взобраться по ним прямо к дыре.

— Ага! А как ты, сука ушастая, скинешь книги с полок? — рявкнул полковник.

Мратский нервничал и спокойствие, которое он пытался сохранять из последних сил, давало трещины. Большие и горячие трещины. И то, что он сказала сейчас, вынудило Талию ударить ему ногой по яйцам, от чего он свалился и согнулся в три погибели.

Август, ухмыльнувшись, высокомерно глянул на полковника и сунул рунный меч в ножны, которые потом закинул за спину.

— И всё же, он прав, — бросил Август, усевшись на ступеньках под троном. — Ты-то ловкая, гибкая, а мы не очень. Я уж тем более, — он кивнул на обвязанную бинтами ногу.

Тали нахмурилась и присела рядом.

— Остаётся только искать выход? Но как, если из этого зала единственный проход — это щель, ведущая в библиотеку, куда возвращаться я желанием не горю. А этот тип уже тем более туда больше не ногой, — Тали уставилась на полковника и задумалась. — Даже если следовать моей теории и попытаться обыграть это королевство, то задерживаться в лабиринтах... страшно.

Несмотря на столь безвыходную ситуацию, Августа забавляло тот факт, что три бывалых солдата, переживших своих соратников, командиров и даже родителей, заперты в каменной клетке, будто кролики. Были бы они вправду кроликами, Август бы предложил

нарожать как можно больше крольчат, чтобы с их помощью выбраться через ту брешь, но всё это лишь шутка, вспыхнувшая в его голове и угасшая в тот же миг.

И всё же, Тали была права. Другого выхода, кроме как дырки в потолке, нет. Либо они умрут тут с голоду, либо приложат немного усилий и выберутся из этого треклятого места. Нога дико болела, стоило ею только двинуть, но делать и вправду было нечего. Обрекать на смерть других и себя самого из-за жалкой боли в ноге не хотелось.

— Взберёмся по полкам, — заявил Август, встав со ступенек. — Нога уже не болит.

— Уверен? — с подозрением спросила Тали.

— Уверен. Мратский, вставай.

Полковник, вдруг перестал кряхтеть от боли, с трудом поднялся и глянул в сторону щели, откуда вдруг начали доноситься странные звуки, совсем не похожие на серых эльфов. Вдруг троица беспокойно переглянулась.

— А где... Ольфус? — недоумевая спросил Мратский, вскочив с пола. — Где мой солдат?

— Походу, парень отстал и заблудился... — предположила Тали.

— Нет-нет! Я знаю Ольфуса! Этот человек никогда не затыкается, почти никогда! А он за весь тот проделанный путь, ни разу и слова не обронил, не говоря уже о шорохе каком! — рассудил он, упав на колени и завыв, что удивило остальных. — Я ПОТЕРЯЛ СВОЕГО ЕДИНСТВЕННОГО СОЛДАТА! Единственного, кто выжил...

Август не особо знал Ольфуса, но пару раз видел его в лагере и часто замечал, что он был у всех во внимании. Возможно, парень был душой компании или лютым брехуном, вечно рассказывающим о том, как он сражался с толпой отборных вояк или о том, как трахался с кучей женщин. Хотя, раз он выжил в той битве, должно быть, первая история, поднявшая на уши почти всё братство, была далеко не выдумкой. В правдивости второй Истории Август сомневался. Так или иначе, парня было не особо жаль, ведь они сражались бок о бок лишь один раз.

Мратский, вновь согнувшись на полу, как гусеница, поник, а потом заплакал. Быть может, он был не таким уж и ублюдком, но странным его назвать можно, ведь какой полковник будет плакать по павшему в бою воину? Даже Август, относившийся к своим солдатам лучше всех, ни разу не думал о том, кого жестоко покровсали на части. Командирам, зачастую, всё равно на подчинённых.

— Предлагаю пока туда не соваться... — буркнула Тали. — Мы, если я правильно посчитала, не спали целую неделю и... лучше бы нам немного отдохнуть, прежде чем сделать последний рывок.

— И каков шанс, что нас тут не загрызут?

— Очень мал, но, как ты когда-то любил говорить, лучше рискнуть, чем умереть. В нашем случае, лучше поспать, чем навернуться в важный момент, — напоминала она и усмехнулась.

Спустя час, когда лучи в библиотеке угасли, и вновь должны были засиять спустя час, а то и меньше, троица уселась меж двух колон, коих в тронной зале было достаточно. Август с трудом, но с помощью книг, взятых из библиотеки, всё же сумел развести костёр. И, поскольку есть хотелось до невыносимости, Тали отрезала у последнего эльфа руку, которую они зажарили на костре до твёрдой корочки и, разделив по мелким кускам, поделили меж собой. Мратский, ещё недавно нывший, что у него болит желудок и он хочет есть, отказался от куска мяса и уселся у стенки, где смотрел в никуда и тяжело вздыхал.

— И всё же, это аморально, вот так вот... жрать эльфа, — заметил Август, откусив кусок и проглотив. — Для меня, человека, это хоть и не каннибализм, но вот для тебя...

Август совсем не ожидал, что Тали предложит сожрать последнего эльфа, но делать-то нечего. Можно было, конечно, убить Мратского и зажарить его, но теперь опасности он не представлял. Наоборот, его было даже немного жаль, ведь он окончательно сломался. Его кусок мяса, под который подложили листок из книжки, просто стыл рядом, на полу. И полковник ни разу на него не глянул.

— Мне уже всё равно, — холодно ответила Тали, кинув косточку в сторону. — Сам же когда-то сказал, мертвецам всё равно, насколько сильно их трахают.

Она пожала плечами и потянулась за вторым куском жилистого и сочного мяса.

— Я говорил немного иначе, но да, смысл тот же, — Август кинул косточку в сторону и откинулся к колонне. — Я наелся. Можно ложиться спать.

— Теперь... пить хочется... — мучительно протянула Тали, склонившись над куском мяса. — Это просто какой-то ад, а не королевство.

Август слабо кивнул и глянул на Мратского, уснувшего в весьма нелепой позе. Затем он почувствовал на своей шее тёплое дыхание и, повернувшись, увидел Талию, склонившуюся к нему.

— Что?

— Раз он спит то, может быть... трахнемся? — предложила она, прикусив губу и обнажив клык.

— А если он проснётся? Выйдет весьма неудобно и... — договорить она не дала и, поцеловав, повалила на пол.

— Костёр так трещит, а он так храпит, что вряд ли мы потревожим его, — прошептала она, оседлав его и спустив тунику до живота. — Обещаю, я буду тихой.

Она изящно расстегнула лямку чёрного лифчика и, бросив его через костёр к другой колонне, обнажила скромную грудь с аккуратными розоватыми сосками, особенно выделявшимися на её белой коже. Август неловко приспустил брюки и Тали, привстав, стянула брюки уже с себя и аккуратно положила их рядом. Парню открылся прекрасный вид снизу на пепельные джунгли, но лишь на мгновение. Девушка опустила на уже вытасченный и готовый к бою член и по телу Августа пробежалась дрожь от теплоты её нутра.

Прижавшись к Августу всем телом и, дабы шлепки не разбудили Мратского, принялась медленно двигать бёдрами, доставляя любовнику и себе самой удовольствие. Август же сжал её за ягодицы и, сравнившись с тактом её движением, двигался вперёд, с каждой секундой ускоряя темп. Стонов избежать не удалось, как шлепков, что эхом разносились по тронному залу и, на удивление, полковника не разбудили. Хотя кто его знает? Может быть этот ирод уже проснулся и просто наблюдает, или до сих пор утопает в недрах сознания.

Она поцеловала его в шею и, не сумев совладать с желанием, укусила, от чего Август слабо прорычал и, психанув, схватил её за шею. Они перевернулись и Август, оказавшись сверху, обрёл больше власти, а потом движения его стали быстрее и сильнее. Эльфку это вовсе не смущало, а даже заводило, если судить по стройным ногам, которыми она обхватила Августа и прижала к себе, не давая оторваться от промежности.

Лицо Августа всё также выглядело сурово, чего нельзя сказать о Тали, ведь в её глазах прям искры сверкали. Из приоткрытого рта, обнажившего клыки, выходил тёплый воздух, слегка ласкающий оледеневшую шею Августа.

Август сделал сильный рывок и эльфка, пискнув, легонько задрожала и, обессилив, обмякла.

Проснувшись после десятичасового сна, они понятия не имели, сколько они проспали дней тут, в проклятом королевстве, но они знали одно — они хотели есть и пить. И если с едой проблему ещё как-то можно было решить, то вот с водой нет. И чтобы не сдохнуть от жажды, они сначала перекусили, а уже потом собрались выбираться.

Библиотечный зал был залит столь ярким светом, что аж глаза хотелось выдрать и вернуться навсегда во тьму, но эта проблема тоже исправима. Они осмотрели зал, надеясь найти на одной из полок верёвку или то, что им поможет выбраться отсюда, но все полки были забиты книгами, а потому у них остался только единственный вариант — сбросить каким-то образом книги с полок, что встанут на пути, а затем взобраться.

— Предлагаю так, — начала Тали. — Я гибче вас, потому попробую взбираться, цепляясь за края полок и, при возможности, скидывать книги, но... на это уйдёт много сил и времени.

— Если устанешь, просто слезешь, передохнёшь и взберёшься уже по расчищенному пути, — буркнул Мратский, опершись об кафедру. — Искать то, что нам в этом поможет, времени нет.

Мратский всё ещё был поникшим и расстроенным из-за потери последнего солдата, но также он был и зол, как на себя, так и на серых эльфов. Пока они осматривали зал в поисках подручных средств, Август ни раз слышал ворчания и рывканье павшего духом полковника:

— Я, сука, вернусь сюда с целой армией и устрою эльфийский геноцид! — а затем смех. — Чёртов придурок! Зачем же ты вызвался поймать этого рыжего ублюдка? Зачем?

И так постоянно. Крыша у Мратского поехала окончательно, а когда он выберется и узнает, что прошёл год с момента, как он погнался за Августом, наверное, разбежится и спрыгнет со скалы, потеряв перед этим колпак.

Тали тем временем взобралась весьма высоко и, вцепившись пальцами в полки, скидывали книги, как перед ней, так и на полке выше, а также и каблуком на полке ниже. Августу и Мратскому оставалось только гадать, как у неё хватает сил, держатся лишь одной рукой за плоскую поверхность.

Август тоже опёрся об кафедру в сторону коридора и уставился во тьму, откуда всё ещё доносились странные звуки, точно не принадлежавшие серым эльфам. Это было что-то иное, вовсе не походившее на человеческие и даже животные звуки. Какой-то странный ритмичный гул, походившие на чьё-то тяжёлое дыхание. Будто в недрах библиотеки, куда им не повезло попасть, таилось что-то громадное и свирепое. Возможно, оно и забрало Ольфуса.

Мратский тоже обратил на это внимание и с присущей ему насторожённостию, положил сжал рукоять меча и продолжил втыкать в книжные полки. И Тали, услышав звуки, аккуратно извернулась и с подозрением глянула во тьму, но то, что было внизу, её не особо беспокоило, потому она продолжила карабкаться по полкам и сбрасывать книги.

— Там точно кто-то есть, — сказал Август, потянувшись за мечом, не отрывая взгляда от движений во тьме. — И этот кто-то движется к нам...

Гул и вправду становился всё ближе и громче. Мратский лишь недовольно хмыкнул.

— Наверное, опять серые эльфы шалят.

— Это не эльфы, а эльф. Один и не думаю, что это вообще эльф. Какое-то странное

чувство...

Страх. Август испытывал именно его. А ещё грусть, непонятно откуда взявшуюся. Понятно было лишь то, что во тьме скрывается нечто могущественное, вобравшее в себя всю скорбь этого места, злость и страх, который испытывали запертые в библиотеке, прежде чем лишились рассудка.

Из тьмы послышались шаги. Август и Мратский, вытащив меч, сошли с пьедестала, дабы встретить существо, как подобает воинам. Шаги оборвались. На границе света и тьмы стоял напуганный Ольфус, державший в трясущихся руках окровавленный меч.

— Ольфус! — радостно крикнул Мратский, бросив меч и побежав на встречу наёмнику.

Парень испуганно попятился и, опустив меч, неуверенно шагнул на встречу полковнику. Но что-то в этой счастливой картине было не так. Откуда же исходил этот зловонный запах, внушающий страх и грусть, что ложились тяжёлым грузом на плечи? Тут явно что-то не так, понял Август, шмыгнув носом.

Когда Мратский накинулся на Ольфуса и зажа его в крепких объятиях, Август заметил краем глаза, как парень хитро ухмыляется. Он, стало быть, повернулся и потянулся за ножом, но понял, что их у него не было.

— Это не Ольфус! — крикнул Август, но слишком поздно.

Пасть того, кто притворялся Ольфусом, вдруг неестественного распахнулась, кожа на лице рвалась, как натянутая ткань, и выпускала на волю чёрную жидкость. Глаза лопнули и из чёрной массы выглянули два белых, как солнце, глаза. Мратский заорал и изо всех сил пытался вырваться из крепких объятий существа, но всё было тщетно. Пасть проглотила голову полковника, приглушив его крики и зовы о помощи.

Август, оббежав тварь, рубанул её по спине и та, зарычав, распахнула пасть, позволив Мратскому вырваться из объятий и отпрыгнуть. Август рубанул по существо ещё раз и ещё, отрубил руку, но та вновь отросла, рубанул по нижней челюсти, но и она вновь восстановилась. Мратский, подняв меч, ворвался в битву и со всей силой рубанул тварь по груди, разрубив её на части, будто масло. Два обрубка свалились на пол и расплавились, как железо под градусом, а потом сошлись и начали булькать. Из чёрной лужи вылезли сначала длинные руки, которые оперлись об пол и подтянули тело. Выглянула голова со злобными глазами и распахнутой пастью, а потом показалось и туловище.

— Вот дерьмо, — бросил Мратский, пятясь назад. — Это ведь нечисть, а значит оно боится света, верно?

Август кивнул, но вместо того, чтобы отступить к кафедрам, решил рубануть тварь лишней раз, за что и поплатился, ведь не успела тварь только восстановиться, как схватила его за большую ногу. Парень упал и меч вылетел рук. Август пытался отползти, как можно дальше, но тварь, полностью восстановившись, шагнула к нему и угрожающе подняла лапу. Чёрная жижа, окутавшая руку, обратила пальцы в длинный когти, которые затем полоснули Августа по груди. Кровь брызнула на пол и он, сдерживая крик боли, зарычал.

Когтистая лапа схватила его за голову и сжала. Казалось, голова вот-вот лопнет от такой силы, что случилось бы, не влетевши Мратский в бой. Полковник, отрубив твари руку, закружил пируете и, оказавшись позади её, рубанул по ногам. Август же, дотянувшись до окровавленного меча, с трудом встал на коленки и пополз, как раненная собака, к кафедрам. Оглядываясь, он видел, как Мратский искусно отвлекает тварь на себя, обманывает, обходит и рубит со всей силы, но все его “фокусы” ни к чему не привели. Тварь рыскала из стороны в сторону, получала удара, чувствовала их, но умирать или хотя бы рычать от боли не

собиралась.

Подустав, полковник напоследок рубанул тварь и отступил к кафедрам, помог Августу подняться и оттащил его как можно подальше от твари, которая не побоялась выйти на свет, что очень сильно удивило Мрасткого.

— Нам задница! — вякнул он, оставив Августа у дальней кафедры и выйдя в центр. — Ну давай, сучка, нападай!

Существо, опасаясь грозного полковника, прекрасно орудовавшего мечом, на четвереньках начала кружить по пьедесталу, совсем не обращая внимание на Августа, мимо которого оно прошло. Мратский выдал финт и тварь, оставив вмятины в полу, прыгнула на него и, повалив, выпустила когти, которыми принялась кромсать и рвать жертву на куски. Кровь хлынула во все стороны, Мратский орал во всю глотку, пытался отпихнуть тварь, но не выходило, а Август пытался встать, что у него отлично выходило.

Взявшись за меч, Август подковылял к нечто и, когда оно повернулось, дабы проверить на месте ли следующая жертва, он вонзил ей в спину меч. Существо, зарывав, начало свиваться и пытаться вырваться, но Август, надавив на меч всем своим весом, прижал её полу и надеялся, что не продырявил Мратского. К счастью, острие со звоном ударилось об пол и скользнуло в сторону. Столкнув тварь с тела Мратского, он вынул меч и, когда она него прыгнула, разрубил её на две части. Два обрубка обратились в чёрную слизь, что затем полностью покрыла Августа.

Вытерев слизь с лица, Август посмотрел на Мратского с ожиданием, что увидит мертвеца. Грудь быстро вздымалась. Сквозь рваные щели в одежде просачивалась кровь.

— Хочу сдохнуть, — прохрипел полковник, приподнявшись и откашлявшись. — А ещё вина и бабу...

Его грудь была разорвана в клочья, где-то торчали сломанные рёбра, кровь во стекала на пол и уже было понятно, что он не жилец. Полковник ожидаемо свалился обратно и изо рта тоже хлынула кровь.

— Ну... я хотя бы не умер мудаком... — прохрипел он, а потом обмяк.

Август нагнулся к телу и, проведя ладонью по лицу, закрыл глаза, наполненные страхом. Кровь изо рта булькнула и грудь замерла.

— Удача или смерть, Мратский, — сказал Август. — Прости, что так вышло.

Одна из отличающих Братство Дмитри черт — это фраза “Удача или Смерть”, с которой обычно наёмники братства, разрывая строй, неслись на армию противника, а затем утопали в эпическом сражении, где кому-то суждено было встретить Удачу, а кому-то Смерть. Эту же фразу говорили друзья павших солдат, чьи тела сумели найти и достойно похоронить. Да, Братство Дмитри — это армия грязных наёмников, жаждущих наживы, но даже у самого тёмного человека в мире есть искорка света, которой нужно всего лишь вспыхнуть, да изгнать всё зло. Жаль, что вспыхивает она лишь при виде старухи с косой.

Солнце уже угасало и из бесконечных коридоров вновь стали доноситься звуки бегущей прямо на Августа армии. Не желая испытывать удачу, он сунул меч в ножны и полез по полкам вверх.

Выбравшись из западни, созданной проклятием времени, Тали и Август попали в ещё одну западню, — отвесные и крутые склоны горы, на вершинах которых они оказались. Однако, это всё было лучше, чем бесконечно блуждать по книжным лабиринтам, поэтому, не отчаиваясь, но сильно устав, они остановились отдохнуть. Склоны горы были покрыты пышными лесами, где собрались все виды деревьев и, наверное, даже животных, ибо куда не глянь, везде можно было увидеть живность. Свору оленей, жевавших траву, а потом удиравших от малейшего шороха, что Тали весьма бесило временами. Стоило ей только тетиву натянуть, как олени испуганно озирались и убегали во все стороны и так быстро, что даже Эльфка не успевала за ними.

Августу оставалось сидеть в лагере, ведь с ноющей ногой он бы только мешался. И поскольку делать ему было нечего, он по привычки решил заточить рунный клинок, чья сталь, стоит напомнить, никогда не тупеет. Тусклые искры летели во все стороны и одна из них случайно подожгла хворост, собранный для костра. На удивление, одной искорки хватило, дабы кучка палок вспыхнула и затрещала.

Ухмыльнувшись, Август отвернулся и, наслаждаясь теплотой костра, бьющим в спину, он уставился на городишко, что простирался в центре долины, куда они так стремились. Сотня дымных столбов возвышались к небесам, где сильный ветер уносил их вдаль. В воздухе уже веяло осенью и, заметив это, Август глянул на листву, уже успевшую слабенько пожелтеть. Казалось, будто этого места до их прихода не существовало, будто бы время тут застыло и двинулось лишь когда они вступили на сочную зелёную траву. Такие мысли зародились не спроста. Деревья лысеют немного раньше, чем наступает осень и, по идее, половина деревьев должны быть хотя бы поредевшими, но они были пышнее некуда.

— Оленя пристрелить я не смогла, зато поймала кролика, — сказала Тали, вынырнув из кустов. — Хоть что-то...

— Ты всё это время ловила оленя? — Тали, ничего не поняв, пожала плечами и Август продолжил: — А тебя не смущает тот факт, что мы бы не съели целого оленя?

— Не смущает, оставили бы остатки волкам, — буркнула она. — Ну молодец, хотя бы костёр развёл.

Она вытащила из сумки Августа маленькую кастрюлю и отошла в кусты. Спустя пару минут она вернулась с водой в кастрюле и, расправив треногу, она повесила кастрюлю на крючок, а потом принялась рыскать в вещах, ища соль.

— Соли нет, — буркнул Август, сунув меч в ножны. — Перца тоже. Ничего нет.

— Значит, котелок у тебя в сумке есть, а остального нет?

— Если ты за столько лет не заметила, соль я обычно воровал у других, либо просил у Балакура.

— Чёрт с этой солью, — прыснула она, усевшись перед костром начала сдирать шкуру с зайца.

— Интересно, — начал Август, глядя на город внизу. — кто же всё таки победил. Элтия или Орсия?

— Дай подумать. У Элтии громадная армия в триста тысяч человек, сотня из которых сейчас в Староземье, а ещё у них в пешках Братство Дмитри и Локдорские кочевники. А у Орсии и князя-то нет, казна пуста, а хренову тучу мужиков и женщин с вилами армией я

назвать не могу, — рассудила Тали. — Думаю, понятно, что Орсия проиграла и последние бояре, либо сдались, либо умерли, сражаясь до последнего.

— И кто же будет следующей жертвой Элтии?

— Дальше Алуана Элтийцы не сунуться, если, конечно, их Император не хочет узнать, кто такие Соловьи и как они незаметно могут проникнуть в его спальню. Другими словами, Варлийская Империя даст им пи...

— Вода кипит, — перебил Август.

Тали, уже освежевав и разделав зайца, кусочки мяса в котелок. Вода зашипела и затихла. Солнце уже стремительно опускалось, тёмное небо рассекали багровые трещины, когда похлёбка уже была готова. Без особых разговоров, они опустошили целую кастрюлю и, обменявшись парочкой слов по типу “спокойной ночи”, легли спать.

Сильный порыв ветра мигом потушил костёр, что успел издать лишь предсмертное шипение. Настала тишина, которую редко тревожило уханье сов, будто собравшихся вокруг лагеря специально.

— Август, а ничего, что мы вот так вот просто легли спать? — спросила Тали, потревожив тишину.

Август недовольно фыркнул и, потянувшись, посмотрел на обеспокоенную девушку.

— Если хочешь трахаться, то я пас, — промычал он, отвернувшись.

— Я не про это, придурок, а про то, что тут волки...

— Ты хоть раз слышала волчий вой? Я — нет, да и следов их тут не замечал, так что успокойся и спи.

Тали, хмыкнув, легла обратно. Глаз она так и не сомкнула, поскольку ей вечно казалось, что во тьме, за кустами, кто есть. И, поскольку слышала она куда лучше людей, различные шорохи и уханье сов постоянно заставляли её дёргаться, когда он уже утопала в снах. И так продолжалось до раненного утра. Совы перестали шуметь, как и утихли различные шорохи.

Перекусив спелыми яблоками, они двинулись дальше по склону, искали удобные спуски, поднимались обратно, дабы пройти по нужной дороге, а потом спускались всё ниже и ниже, пока не вышли к озеру, где на противоположном берегу виднелся каменный двухэтажный дом с причалом и парой шлюпок.

— Наконец-таки спустились, — устало промямлила Тали, ковыляя вдоль берега. — Даже не представляешь, как я хочу принять ванную и поесть чего-то нормального, с солью и прочими приправами.

— Лично я хочу выпить. Хорошенько выпить. — с уверенностью в голосе сказал парень, обогнав Тали, несмотря на ногу, о которой он ныл весь спуск с горы.

Добравшись до города, который на деле оказался тем ещё захолустьем, где даже двухэтажные дома — это большая редкость и принадлежали они только местным богачам, первым же делом они отправились на рынок, где и находилась кузня. Пока Тали рыскала по рынку, разглядывала причудливые товары с юга, Август ждал кузнеца, сидя на наковальне. Иногда перед кузней мелькали пепельные волосы Тали, заставлявшие задуматься о том, что он откладывал ещё очень давно.

Он собирался уйти от неё, далеко-далеко, где она его уж точно не найдёт, но ради чего? Обезопасить Тали, говорил он себе, однако, правдой ли это было? Тали хороший солдат, шпион и так далее, но даже она рано или поздно сломается, опустит голову и потеряет смысл жизни. Убить Ореона, конечно, цель славная и соблазнительная, но стоит ли оно того? Каков шанс, что Август всё же сумеет прорваться через наёмников братства и убить

старика, за которого уж точно вступиться Рейри, а убивать сестру, хоть и не родную, ему не очень хотелось.

Лысый накаченный мужчина в одном только кожаном фартуке вышел из дома к кузне и вопросительно глянул на наглого рыжего парня, посмеявшегося приземлится зад на его драгоценную кузню, где он творит своё волшебство.

— Не так я себе представлял деревенский кузнецов, — ухмыльнулся Август, встав с наковальни. — Мне нужно, чтобы ты сделал два кинжала из самой лучшей стали, что у тебя есть, а ещё десять метательных ножииков.

— Выглядишь, как оборванец какой! У тебя хоть есть, чем расплатиться? — с подозрением спросил кузнец, рыская в инструментах, коими был завален стол.

— Смотри, сколько ты попросишь за всё это. Кинжалы должны быть сбалансированы и с удобной рукоятью, как и ножики, — уточнил рыжий.

— Зачем тебе кинжалы и ножи, когда у тебя есть меч? — проворчал он, не отрываясь от поиска нужного инструмента.

— Меч — штука, конечно, хорошая и удобная, но ею особо не помашешь в узком помещении. К тому же, я почти всю жизнь сражался с кинжалами в руках, а потому мастерства в махании громадной железякой у меня пока не достаёт, — ответил Август, вытащил из кошелья пять золотых монет. — Надеюсь, столько тебе хватит.

Кузнец хмыкнул.

— Пять золотых. Кто ты такой и откуда у тебя такие деньги?

Он вытащил из кошелья ещё одну золотую монету и аккуратно высыпал их на кузню. Объяснять кузнецу, за что ещё одна монета не пришлось — он сразу всё понял и, пожав плечами, высыпал монеты в маленький мешочек.

— У меня на сладе за деревней завалилось пару кинжалов с идеальной балансировкой. Думаю, такому, как ты, они идеально подойдут, — неуверенно сказал кузнец. — А что до ножей, то у меня есть заготовки, так что долго тебе ждать не придётся. Загляни завтра, может, будет готово.

— Надеюсь.

С этими словами Август развернулся и вышел из кузни обратно на базар, где столкнулся с Талией, зачем-то надевшей пурпурную шляпу с гусиным пером. Это ему напомнило об одном Барде, певшим как-то раз у них в лагере, а затем павшим во время внезапного налёта орсийцев. Хороший был человек.

— Зачем ты это надела?

— Просто. А что, не нравится? — нахмурившись, спросила она.

— Ведёшь себя, как ребёнок, — заметил Август. — Пошли искать таверну, что ли.

— Это я веду себя, как ребёнок? — возмутилась Тали, следуя за ним. — А кто чуть ли не умер от того, что какой-то там старик приказал перерезать всех людей? Да и осмелился бы ребёнок бросить всё и пойти с каким-то выскочкой?

— Ты сама за мной увязалась, так что не возникай, — спокойно ответил Август, минуя телегу с сеном. — Да и чем это не поступок ребёнка? Увязаться за непредсказуемым ублюдком, надо же!

— Этот непредсказуемый ублюдок спас мне жизнь несколько раз, с этим ублюдком я почти что выросла, а ещё с этим ублюдком я спала!

— А спала ты со мной, потому что я тебя спас? — усмехнулся Август, ведь всё шло по плану.

— Спала я с тобой, потому люблю, ублюдок! — рывкнула она, плетясь следом.

— Уже неважно, кто кого любит. Завтра я ухожу, а ты остаёшься тут или идёшь, куда хочешь. Мне уже без разницы, — съязвил Август, ускоряя шаг.

Она дёрнула его за руку и повернулся к себе. Взгляд её был твёрд и зол, как никогда раньше. А обнажённые клики блестели на солнце.

— То-есть, я ни раз спасала тебе жизнь, предала братство, рискнув ради тебя всем, а ты вот так просто возьмёшь и свалишь? — прорычала Тали, от злости схватившись за рукоять ножа на поясе.

— Да, я свалю, но не из-за того, что конченный ублюдок, — успокоил её Август и девушка опустила рукоять ножа. — Я уйду, чтобы тебе не пришлось тащиться за мной, ибо ухожу я очень далеко и со мной у тебя вряд ли выйдет то, чего ты желаешь. Просто осознай, что я не могу сидеть на месте, не могу пропивать жизнь в трактире и уж точно не смогу нянчиться с детьми, о которых, уверен, мечтает каждая девушка, а эльфка особенно, — Лицо Тали смягчилось, она сложила руки на груди и, слегка уронив голову, выслушивала Августа. — Мне постоянно нужно путешествовать, рисковать и проливать чью-то кровь, иначе я не могу.

— Напомню тебе, что я тоже наёмница, как и ты. Я тоже не могу вечно сидеть на месте, как и ты. Помниться мне, так мы полюбили друг друга, ведь постоянно лезли не свои дела, — парировала она.

— И ты готова пойти со мной, куда угодно? — с подозрением спросил Август.

— Хоть в ад, если он существует, — ответила она хладнокровно.

— Что-ж, раз так, то пошли... искать ночлег? — неуверенно предложил Август, прежде чем заметил, что все на рынке уставились на них. — И побыстрее...

Ночлег они нашли на краю деревне, где стояла дряхлая и ветхая таверна, едва способная сопротивляться порывами ветра и не скрипеть при каждом дуновении. И, несмотря на всю запущенность таверны, она пользовалась успехом, как у местных жителей, так и у путешественников, если судить по количеству коней в ближайшей конюшне. Строение стояло на высоком холме, вдоль склонов которого вела исхоженная посетителями тропинка, усеянная различными размерами камней. Перед тем, как вступить на тропинку, в кустах можно было увидеть табличку с надписью “Шовиней”.

— Может, вернёмся обратно в деревню и поищем чего получше? — предложила Тали.

— Это единственная таверна на всю округу, Тали, — устало произнёс Август, двинув вперёд. — Да и какая разница? Будь тут ещё одна таверна или постоялый дом, в чём я очень сильно сомневаются, он выглядел бы ничуть не лучше.

В таверне было не густо, хотя конюшни были забиты. Сидело всего-то десять человек и все по одному, глядели в наполненные бокалы, напивали мелодию, и стучали пальцем по столу. Почти что полная тишина.

Август уселся у окна, а Тали пошла искать хозяина таверны. И пока парень в полном одиночестве ждал её и смотрел в окошко, где ему открывался вид на ночные поля пшена, каким-то чудом не пострадавших после такой затяжной войны.

— Вы не поняли, нам нужна отдельная комната, а не бараки для бомжей! — раздался голос Тали у стойки, за которой стоял недовольный хозяин заведения и потирал бокал.

— Я понял, Миледи, мне нужно повторять сто раз, но вот вам, походу, нужно! Нет у нас свободных комнат! — рывкнул мясистый мужчина, показательно поставив бокал на стол. —

Нужно было бронировать в обед!

— Ваш отстойник настолько далеко, что хрен к нему дорогу найдёшь!

— Так, женщина, чего вы хотите? Мне выгнать постояльцев прочь и заселить каких-то неизвестных мне людей?

— Неизвестных, говоришь? — Тали украдкой глянула на Августа и, хитро улыбнувшись, потянулась к хозяину. — Ты знаешь, кто вон тот человек у окна?

— Хах! Удиви!

— Слышал о Хитром Лисе из Братства Дмитри? Ты хоть про Братство-то слышал?

— Ясен пень слышал. Года два назад нашу деревушку оккупировали и налоги дикие взымали. А генерал их, как там его, Ольский, и вовсе трёх человек казнил за неуплату, а когда они уходили, почти всё пшено с полей забрали! — рассказал он. — А что Лиса хитрого... сидели у меня как-то наёмники и краем уха я тогда услышал, что помер этот Лис, так что не пытайся меня надуть! Знаю я вас, ушастых, хитрые, как демоны!

Тали опешила и отодвинулась. Два года назад Армии Братства тут и в помине не могло быть, а выходит, что в королевстве они пробыли не пару недель, а грёбаных два года.

— А терь проваливай отсюда! — рявкнул хозяин.

— Потихе, — буркнул Август, усевшись на табуретку. — Слушай, что будет если ты нас ещё раз пошлешь — сюда придёт мой полк, разгромит твою деревню, а я лично прирежу всех твоих родных и отрежу тебе член, который потом затолкаю тебе в рот и заставлю сожрать, затем вспорю тебе брюхо, но не обычным путём, а таким, что ты останешься ещё жив и я смогу дёргать твои кишки, как захочу! — тон его был грубым и внушал беспокойство даже Тали, знавшей, что на такое он не способен. — А если ты примешь вот эту плату... — он кинул на стойку несколько золотых монет и ухмыльнулся. — То, возможно, ничего, ранее сказанного мною, не случится.

Хозяин нахмурился и нагнулся к Августу с довольно неприятным выражением лица.

— Я если я пойду и расскажу всё элтийским солдатам, засевшим не далеко?

— То тогда они тоже познают, каков их член на вкус, — съязвил Август, пододвинув монетки к мужчине. — А ещё нам нужна ванна. Надеюсь, тут такая роскошь имеется?

Хозяин отпрял и лицо его смягчилось. Он взял блестящие золотые монетки и сунул их в карман фартука.

— Мы хоть и в деревне, но у нас всё не настолько плохо. Есть у нас ванная, в подвале, но мыться вам придётся самими, — рассказал он. — Ишь, Аристократов понаехало! Вторая комната, справа от лестницы, ваша.

— Хорошо, что мы вот так вот всё решили, мирно и вообще без угроз, а лишь с шутками, — усмехнулся рыжий, встав с табуретки и дёрнув Тали за плечо. — Пошли.

Дабы не тратить много времени на очередь, ванную они приняли вместе и самое удивительное, что ванна в понимании Хозяина Таверна — это самая настоящая железная ванна, а не громадный деревянный тазик, в котором вода волшебным образом утекает. Эта особенность столь грязного места и отдалённого от больших городов Тали несметно порадовала.

Очистив своё тело от двухлетней, если судить по слову хозяина, грязи, они наконец-таки увидели комнату, чья запущенность их немного смутила, но они ночевали в лесу, в пещерах, среди трупов, а потому, не особо противясь, всё же устроились на жалком подобии двухспальной кровати. Даже подобием эту конструкцию из ящиков и матраса было сложно назвать.

— Слушай, а ты бы реально отрезал ему причиндалы и заставил бы съесть? — с нездоровым интересом спросила Тали, упав на кровать и пожалев, что не вспомнила о ящиках под матрасом.

— Да. С его родными я бы сделал тоже самое, — сухо ответил Август, стягивая ботинки. — Как и с Элтийцами, хотя для них я бы придумал более жестокие предсмертные мучения.

— Почему же ты так не любишь элтийцев? — Тали много раз задавала этот вопрос, но Август постоянно парировал его, но теперь он слишком устал, чтобы думать.

Он достал из-под плаща, кинутого на пол, флягу, наполненную вином, глотнул и икнул.

— Когда я был ещё ребёнком и мои родители были живы, мы бежали из какой-то страны, чьё название я не помню. Я не особо понимал, что происходило, но понимал то, что за нами гонять плохие люди. Насколько я понимаю, спокойно мы прожили всего год, поселились на побережье Ордуила и однажды я увидел громадную флотилию с элтийскими знамёнами, что стремились прямо с запада прямо на нас, — он ещё глотнул вина и лёг на кровать. — Тогда мы бежали прочь, но элтийские войска развернулись слишком быстро и спустя пару дней какие-то люди нашли нас в ночлежке, что рядом с Аркадией. Они... изнасиловали мою мать несколько раз, а отца вынуждали смотреть на это и заодно избивали хлыстом с шипами, которым обычно избивают рабов. Потом они собрали кострища, как для ведьм, и привязали нас всех к балкам под горкой хвороста...

— Так вот откуда у тебя ожоги на ногах... — поняла Тали, тихо перебив Августа.

— Они вылили на хворост несколько бочков огненного сока, а затем подожгли кострища под родителями. Те были ещё живы, когда огонь начал лизать им ноги, они были живы даже, когда огонь полностью поглотил их и им оставалось только кричать от дикой боли, — холодно произнёс Август, смотря на язычок пламени, что играл в лампе и вызывал те воспоминания в мельчайших деталях. — Меня они решили сжечь последним, чтобы я, как они сказали, насладился картиной во всей краске, что я понимал, что меня ждёт и рыдал, а я рыдал. К ночи, когда тела родителей уже превратились в угольки, они подожгли и меня, однако, пошёл дождь и пламя успело облизнуть лишь ноги.

— И как ты выбрался?

— Меня спас какой-то Эльф, назвался Ванхелем. Перебил целую дюжину элтийцев за минуту и, дотушив огонь, освободил меня, а потом просто ушёл, оставив меня одного в поле трупов.

— По-моему, ты уже рассказывал мне эту историю...

— Рассказывал, но только мы оба были в стельку пьяны.

— И что я тогда сказала?

— Ничего. Ты налила мне ещё бухла, а потом... — он задумался, улыбнувшись, договорил. — Соблазнила.

Тали довольно закивала и, отобрав у Августа флягу, сделала парочку больших глотков и облегчённо вздохнул.

— Неплохое пошло. Что это?

— Агросийское белое вино.

— Выходит, контрабанда...

Полностью опустошив флягу, Тали быстро вырубилась, а Август лишь притворился, что уснул. Дождавшись середины ночи, он встал с кровати, натянул ботинки, накинул плащ и поверх него нацепил ножны с рунным мечом. Глянув на мило сопевшую Тали, он кинул ей

на стол мешочек с золотом и тихо ушёл.

Медленно прикрыв скрипучую дверь, он прошёл в конец коридора и, дождавшись, когда во дворе таверны никого не будет, спрыгнул со второго этажа, сразу же притаился во тьме и, не высовываясь на свет, прокрался к стойлам, где стоял лишь один вороной рысак с выжженным знаком “Л” на бедре. Отвязав коня, он вывел коня на дорогу и, убедившись, что никто не смотрит, взобрался на седло. Пришпорив коня, он рысью двинул в деревню, где гасли огни в окнах.

Выскочив на базар, но сбавил темп и спокойно подвёл коня к кузнице, где старался тот угрюмый лысый тип, которому он заплатил пару золотых монет. Август ожидал, что внутри схлестнутся раскалённое железо и вода, что искры от удара молота будут лететь во все стороны, но кузнец просто сидел на табуретке и слабенько набивал молотком по кузне. Мужчина был настолько поглощён работой, что не заметил Августа, без разрешения вломившегося в кузню и прислонившегося к стенке.

— ...это сюда, а вот это надо стукнуть... — мямлил под нос кузнец, соединив две заготовки, а затем стукнув со всей силой по торчащему гвоздю молотком.

— Какая грубая работа, — заметил Август. — Она явно не стоит той суммы, что я заплатил.

Кузнец пискнул и, вскочив с табуретки, угрожающе поднял молоток, которым он вполне мог проломить кому-то череп. Но заметив блестящие зелёные глаза во тьме, он опустил молоток.

— Какого ты тут делаешь? — возмутился кузнец, усевшись обратно и продолжив делать метательные ножи.

— Зашёл посмотреть, сколько ты уже сделал ножей. Ты забрал те кинжалы со склада?

— Забрал, вон они лежат, — он метнул в сторону деревянного стола, на котором, среди хлама, блестела сталь двух изящных кинжалов, напоминавших длинный клык чудовища. — Варлийская сталь, лучшая в мире! — подметил он.

Август поднял кинжал и удивился идеальному балансу, ведь кинжал был лёгким, почти как палочка. Увидев, как грубо кузнец делал нож, Август ожидал чего угодно, но только не этого.

— Неплохо. Но это не твои кинжалы, верно?

— Когда нас оккупировали Братья Дмитри, ко мне пришёл такой же странный тип, как и ты. Глаза у него также сверкали в ночи, как и у тебя, но единственное отличие — они были красные, а твои зелёные, — он собрал ещё один нож, стукнул молотком и отодвинул грубый нож в сторону. — Не помню уже, что он заказал, но не суть, ведь заказ я его так и не выполнил. Он оставил мне эти два кинжала и спустя несколько дней ушёл вместе с братством. Зачем он мне их оставил, я не понятия не имею.

— Походу, я знаю о ком ты говоришь, — Август вспомнил ту ночь на башне, где его чуть не прикончил варлийский Соловей. — И вправду, странный поступок.

— Странная особенность, но на основании обоих клинков имеется высеченная надпись “Люциус”, а ещё... у того парня, вроде, была татуировка соловья на шее.

— Надеюсь, этот Люциус не будет против, если я их заберу.

— Честно, я вообще не думаю, что он выжил. Когда Братство забрало у нас всё пшено, они двинулись в сторону Колвира и по пути на них напали Лардараская конница. Бойня была знатной.

— И кто победил?

— Братство Дмитри, конечно же. Честно сказать, до того дня я думал, что это просто громадная свора голодных псов, способная лишь вонзать ножи в спины и нападать из тени, но потом я пришёл на то поле боя и начал сомневаться, — он стукнул молотком по гвоздю и отодвинул ножик в сторону. — Среди наёмников потери можно был счесть по пальцам, а вот от конницы буквально ничего не осталось. Нечисть сожрала всех на следующий же день.

— Не удивлён. Когда-то и я был в братстве, но потом попытался вонзить одному старику нож в спину, но за дело, конечно же. По итогу я себя переоценил и чуть ли не умер в тот день. Потом меня пытали, надеясь внушить мне, что лишь цепной пёс, но меня быстро и ловко спасла любовница, которую я бросил в таверне у деревни.

— Ну и история же у тебя! — заметил кузнец. — А на кой чёрт ты её бросил-то? Я застал ту сцену на рынке и должен сказать, влюбилась она в тебя знатно!

— В этом-то и проблема. Я не из тех людей, кто готов сидеть на жопе спокойно. И хоть она готова пойти за мной хоть в ад, я не готов увидеть её с перерезанной глоткой на поле боя или в канаве, — пояснил Август, сунув кинжалы в чехлы. — Так что пусть она найдёт того, за кем не придётся лезть в ад.

— Это всё, конечно, логично, но ты же понимаешь, что её твой уход не остановит? — усмехнулся кузнец. — Она, скорее всего, погонится за тобой, пол мира перевернёт, но тебя она найдёт! А когда найдёт, будет тебе не сладко, ибо врежет она тебе нехило!

— К тому моменту, как она меня найдёт, я, возможно, уже буду мёртв.

— Ладно. Дело твоё. Принимай работу...

Август подошёл к наковальне и недовольно хмыкнул. Ножи были сделаны грубо и на скорую руку, но это даже хорошо, ведь задерживаться здесь на целый день не очень хотелось. Он взял один из ножей за острие и резким взмахом руки метнул его в стену. Ножик вонзился в балку и задрожал.

— Выглядит так себе, но главное — практичность, — буркнул Август, вытащив ножик из банки и спрятав под плащ.

— А, может быть, ещё одну монетку за быструю работу? — попросил кузнец.

— Конечно, — он кинул золотую монетку ремесленнику и, принялся прятать ножи под плащом. — Наверное, когда-нибудь я к тебе ещё раз приду, если окажусь в этих краях.

— Надеюсь. А куда отправишься-то?

— Знаешь, где сейчас Братство Дмитри?

— Точно не знаю, но слышал от местных элтийских вояк, что Братство и основная армия сейчас сосредоточена у границ с Аркадией. Пару месяцев назад Империя собиралась захватить Аркадийское княжество, однако последние сумели не просто отбить наступление, так ещё и перебит несколько имперских армий, — поведал Кузнец. — Не думал, что столь маленькое и мирное княжество сумеет противиться экспансии Элтии.

— Угу. Спасибо за информацию, — с этими словами Август вышел из кузни и, оседлав коня, двинул по базару на запад.

Впереди его ждала длинная дорога, на которой его поджидали самые разные опасности и бабка с косой, что так и жаждала забрать столь необычного человека, как Август.

Часть 2. Мратский

Ореон спихнул с колен девушка и злостно зарычал, когда услышал, что от Полковника Мратского, что Август всё ещё жив. Полуголая проститутка сразу же потянулась за бельём, накинула на себя рубаху и с ужасом глянув на свою подругу, которой Генерал перерезал глотку и вспорол брюхо, двинулась прочь. Судьбу её повторять она явно не желала, потому бежала изо всех сил, но на пути у неё встал красноглазый наёмник — правая рука Ореона. Парень выдернул из чехла кинжал и ловкий взмахом вскрыл девушке горло, а затем явился к Ореону, как ни в чём не бывало.

— Что-то случилось? — спросил Люциус, выйдя к самодельному трону, собранному из кресла и парочки ящиков.

— Август жив! — рявкнул Ореон, спрыгнув со стола, пройдя к столу с картой мира. — А какого чёрта ты жив? — обратился он к Мратскому.

— Это очень долгая и сложная история, Генерал, но могу заверить вас, что рано или поздно Август всё же придёт за вашей головой, — сухо ответил Мратский.

Полковник выглядел весьма странно. Глаза его были мутны, а некогда жёлтая кожа сменилось белой, как снег, с редкими серыми пятнами вокруг шрамов. И самое удивительное — это отсутствие левой руки.

— Августу никогда не добраться до меня, Мратский! — с уверенностью сказал Генерал, вонзив со всей силой нож в карту, именно в столицу Аркадии. — Через месяц наши войска выступают и будут сражаться бок о бок с последними силами Элтии на континенте. Мы получим с этой битвы много золота и я, надеюсь, что к тому времени Август будет мёртв, ты понял, Мратский?

— Я вас прекрасно понял, но я не буду его убивать, — холодно сказал Полковник и Люциус почувствовал зловонный запах, исходящий из его рта, а ещё нечто странное, отягочающее воздух. — Видите ли, мне не долго осталось. Скоро болезнь возьмёт верх, и я обернусь в страшную тварь, очень похожее на мертвеца.

Люциус хмыкнул.

— Ты был в Мёртвом Королевстве? — спросил Люциус, примкнув к столу с картой. Мратский кивнул. — В таком случае, вам не о чём беспокоиться, Ореон, из мёртвого королевства ещё никто не выбирался, кроме меня и ещё парочки человек.

— Я же как-то выбрался, — заметил Мратский. — Да и Август с Талией точно выбрались, я видел, прежде чем потерял сознание.

— Вообще, из королевства выбирались многие, но все они жили, так скажу, недолго и умирали в муках, — пояснил Красноглазый. — Проще говоря, твоя кровь отравлена маленькими организмами, которые вот-вот начнут развиваться и вскоре поглотят твой мозг.

— Заткнитесь! — рявкнул Ореон. — Меня не волнует, кто и когда умрёт! Мне нужно только одно — голова Августа.

— Вы поняли? Августу осталось недолго, месяц, не более, — пояснил Люциус. — Он ничего не успеет сделать и обратиться в монстра.

— Точно? — Генерал прищурился.

— Точно. Лекарства от этих паразитов только одно — Зелье Магнуса, которое способно сотворить с человеком нечто ужасное или просто убить его, извести от зависимости. В общем, в любом случае он умрёт. Не думаю, что у него хватит сил пережить столько

мучений.

— Ну ты же как-то пережил... — с подозрением заметил Ореон.

— Я рос в Агросии, в специальном месте и там нас специально пичкали Магнусовым цветком, скидывали в колодец на несколько месяцев. Так нас избавляли от зависимости.

— А с каких пор ты, Ореон, берёшь в свои ряды Варлийских Соловьёв? — спросил Мратский, не отрывая взгляду от сияющих красных глаз. — Он убил Бродского, вырвал ему глаз, отравили и вынудил сожрать! Свой же глаз! Он чуть не прихлопнул Августа и, уверен, он бы с лёгкостью разобрался с тобой и с твоей драгоценной Рейри!

— Успокойся, Мратский, — спокойно приказал Ореон и Полковник по привычке замолк. — Да, Люциус — Соловей, но ты немного не улавливаешь политическую обстановку...

— Падение Аркадии разрушит невыгодный торговый договор, заключённый ещё сто лет назад. Тогда он был выгоден обоим странам, но с вторжением Элтии экономика Староземья сильно изменилась, — пояснил Люциус. — Я отправлен сюда лично Императором Адеваном, дабы помочь ликвидировать важные лица Аркадии, чтобы избежать лишних битв, ненужных жертв и вынудить Аркадию сдаться.

— И ты ему веришь?

— Я уже подписал контракт с Императором, так что деваться некуда. К тому же, я думаю, что достаточно за этот год пролитой крови, так что лучше решить всё более-менее мирным путём. Элтия в любом случае заплатит нам куда больше, чем мы сможем награть на полях боя и во взятых городах.

— Чёрт с тобой. Решать тебе, а я уйду, — с этими словами Мратский развернулся и пошёл в сторону выхода из шатра.

Люциус потянулся за кинжалом, однако рука Ореона схватила его кисть.

— Пусть идёт. Всё равно скоро умрёт.

— Что прикажите делать? — спросил Люциус.

— Честно сказать, я не до конца доверяю твоему Императору. И, как бы странно это не звучало, Август во всей этой войне может стать очень важной пешкой, за которой стоит итог этой войны. Если вы и вправду на нашей стороне, то вы должны ликвидировать Августа.

— Август... это тот рыжий парень, что скинул меня с башни?

— Верно. Он самый. Заодно и поквитаешься, — ухмыльнулся Ореон, глотнув вина. — Найти его сможешь?

Люциус кивнул.

— Пусть парень этот ещё мал, но зад он тебе разок надрал, так что я дам тебе небольшой отряд, чтобы прикончить его уж наверняка, — старик показательно поставил кубок на стол и вино брызнуло на карты. — Вот же сука!

Люциус глянул на розоватое пятно, попавшее под Орловское Княжество. Август явно не из тупых, и явно не из тех, кто будет терпеть, так что сейчас он уже на пол пути за голову Ореона, а значит перехватить его логичней всего будет на большаке.

Оседлав коня, Люциус дёрнул поводьями и погнал из лагеря в сторону Погранца.

Август верхом на коне шёл по заросшей лесной тропе и постепенно опустошал флягу с вином. По бледному небу плыли чёрные тучи, будто бы несущие смерть, которой и так хватало в воздухе. Он шёл через густые леса уже несколько дней и ни разу не встретил путника или караванов, с которыми можно было поторговать за еду, которой уже не было. Мысли в голове путались от голода и этого сладкого запаха, обычно исходящего от трупов. Но где тут трупы? Да и откуда им тут взяться, если лес будто мёртв?

Незаметно подкрался вечер. Темнота опустилась на и без того мрачный лес и, Август, не осмелившись блуждать сквозь густые леса во тьме, решил устроить привал у тропинки. С трудом, но он всё же смог разжечь огонь и костёр вспыхнул в ночи, стал своеобразным маяком для заплутавших во тьме путников. Откинувшись к стволу мёртвого дерева, он устался в огонь, напоминая ему о том адской ночи.

Из темноты вдруг каркнула ворона. Август вздрогнул и, испугавшись, вынул кинжал из чехла. Он впервые слышал карканье и вообще птицу за несколько дней.

— Кто там?

Вновь послышалось угасающее карканье. Подняв свой зад, Август вынул меч, чьи руны разгоняли тьму с каждым его шагом вглубь леса. Вновь раздалось карканье и парень, определившись со стороной, откуда исходил звук, двинул туда. Протянув меч дальше, он обнаружил едва живую ворону, бултыхающуюся в рыжей опавшей листве. Будто увидев чудовище, ворона попыталась вскочить, улететь или хотя бы убежать, но неудачно.

Августу это не понравилось. Он слышал, что животные видят немного больше, чем люди, но и он не лаком деланный. Опустив меч, он посмотрел в сторону леса, но ничего не увидел, кроме силуэтов деревьев. Хмыкнув, он нагнулся за вороной и слышал шорох листвы за спиной. Он застыл. В нос ударил незнакомый запах, слишком выделяющийся на фоне мертвечины. Меч, который почти был сунут в ножны, вдруг засиял ярким зелёным цветом и всё стало сразу понятно.

Развернувшись, Август с замаха ударил нечто по туловищу и ловко отступил к вороне. То, что подкралось к нему, не было человеком. Это было нечто... страшное, пугающее и чем-то отличалось от обычной нечисти, коих Август повидал хренову армию. Толком на разглядев противника, он подхватил ворону в руку и убежал к костру. Судя по отсутствию звуков и удаляющегося хрипа, существо за ним не последовало. Славно.

Вернувшись к костру, он обернулся и устался в темноту. Его глаза рыскали от дерева к дереву, надеясь встретить в кромешной тьме сияющие глаза, которые он заметил, когда атаковал. Но никого не было. Сердце отпустило и Август присел у костра вновь плотнул вина из фляги. Горло обожгло и беспокойство отступило.

— И откуда же ты взялась? — спросил Август, глянув на ворону, которую прижал к груди. На лапке он заметил красную повязку, на которой маленькими буквами было написано имя. — Альвар? Тебя так зовут?

Ворона положительно каркнула, чему Август слегка удивился.

— Значится, ты у нас ручная, охотничья... — предположил Август. — Жаль. Тогда съесть тебя не выйдет.

Ворона вновь каркнула, но уже в сторону леса. Август пригляделся и в этот раз заметил высокую тёмную фигуру с раскидистыми оленьими рогами, под которыми сияли два

голубых глаза. Веяло от этого существо чем-то могущественным. Было понятно, что тварь это не из простой нечисти, не из той, что когда-то вылезла из разлома.

Рисковать Август не стал, а потому ловко взобрался на ветку дерева и, прижав ворону к груди, закутался в плащ и устроился в темноту.

На утро он проснулся всё той же ветке. Ворона была также прижата к груди. Аккуратно спрыгнув к костру, он затушил слабое пламя и прислушался. В лесу не пели птицы, шелестела лишь рыжая листва. Эта тишина его напрягала. Обычно птицы умолкают, когда где-то рядом бродит хищник или нечто опасное, но не может такого быть, что они все до единого боятся тварь, что возможно, бродит где-то на другом конце леса.

Ворона всё также была бессильна и Август аккуратно посадил её в сумку так, чтобы голова выглядывала. Взобравшись на коня, он двинул дальше по тропе, не забывая изредка поглядывать в лес, дабы вновь не позволить той твари оказаться за спиной.

К обеду птицы на деревьях запели и теперь Август уже не беспокоился, что на него нападут. Он наткнулся на деревню лесорубов, вокруг которой из земли торчали старые пеньки. Видимо, он уже в землях Орловского Княжества, либо всё ещё в Орсии. Сложно понять. Он привязал коня к фонарному столбу и на всякий случай обнажил кинжал, который спрятал под плащом. В деревушке стояло всего три старых дома, у одного в крыше зияла громадная дыра, сделанная чем-то очень тяжёлым, по бокам хат лежали горки свежих брёвен, а в центре всего этого шипел костёр, вокруг которого лежало несколько бутылок из-под сидра.

— Тут явно что-то не так...

Зайдя в хату, что стояла между двух других, Август обнаружил труп бородатого мужчины, крепко державшего в руках окровавленный топор. Глянув вверх, он увидел зияющую дыру, на краях которой виднелась кровь. Он опустил взгляд на труп.

— Ран никаких нет, а стало быть, друг, тебя кто-то очень высокого швырнул. Кто-то очень сильный...

Вдруг пение птичек прекратилось и Альвар тревожно закаркал, начал болтыхаться, а затем и вовсе выбрался из сумки и весьма удачно улетел через дыру в крыше. Август вышел из дома к костру и увидел, как Альвар стремительно летит над верхушками деревьев на юг.

— Вот и спасай потом ворон...

В лесу хрустнули ветки, зашумела листва и вновь в нос ударил зловонный запах, напомнивший о той встрече в ночном лесу. Август метал взгляд из стороны в сторону, ожидая вновь увидеть ту тварь, но уже при свете. Вдруг изо всех стороны послышался чей-то очень громкий рык, напоминающий ярость оборотня.

Август вновь обернулся и увидел в нескольких метрах от себя высокое человекоподобное существо с оленьим черепом, из глазниц которого полыхал голубой огонь, а из макушки торчали раскидистые оленьи рога. Длинные конечности с длинными когтями, способными вмиг разрезать любого человека на несколько частей и вправду пугали.

Стоило Августу коснуться рукояти меча, как тварь в тот же миг оказалась перед ним и схватила за горло, подняла над землёй и крепко сжал.

— Ты... не пахнешь... убийцей... — прохрипело существо. — Ты спас... ворона.

На вид худая, но мощная рука швырнула парня в сторону, и он болезненно приземлился на деревянную скамью.

— Что ты такое? — выдавил из себя Август, пытаясь встать на ноги.

Существо промолчало и двинуло обратно в лес, но Август отпустить его не собирался.

Дёрнув с пояса ножик, он метнул его в спину твари и попал в торчащий позвоночник. Нечто озлобленно фыркнуло, обернулось и рванула к уже вставшему на ноги Августу. Наёмник нырнул под взмах когтистой лапы, чьи когти чуть ли не разрезали его лицо на четыре части, а затем со всей силой рубанул по локтю. Клинок прошёл через мясо и кости, как через масло. Часть лапы улетела в сторону и тогда Август, пригнувшись, обошёл существо и вонзил меч по самую рукоять в спину.

Дёрнув меч назад, он вдруг обнаружил, что он застрял. Каким образом, ему было интересно самому. Верхняя часть туловища твари вдруг повернулась, однако, нижняя часть всё ещё оставалась такой же. Испугавшись такого зрелища, Август попятился, споткнулся и потушил своим задом шипящий костёр.

Тварь же вынула из спины меч и бросила его в сторону, а затем накинута на Августа. Оседлала его прям, как женщина, а затем замахнулась оставшейся лапой. В последний момент Август дёрнул кинжал с пояса и вонзил в ладонь, но кинжал просто сломался. Опешив, Августа попытался вылезти из-под туши чудища, но неудачно. Когти вонзились ему в живот, пронзили насквозь и он ощутил адскую боль, будто все его кишки насквозь пробиты.

От морды существа отлетела стрела и оно впало в замешательство, что позволило Августу вылезти из-под туши и отползти на безопасное расстояние. В следующее мгновение из леса выбежал человек в волчьей чёрной шубе и с двуручным мечом. На тыльной стороне ладони виднелась татуировка вороны.

— Беги, идиот! — крикнул Ворон, а затем влетел в существо с плеча да так, что тварь пошатнулась, а затем и вовсе упала.

Над деревней закаркал Альвар, который, видимо, нашёл своего хозяина и привёл его сюда.

— Его не убить обычной сталью! — предупредил Август, прежде чем массивный клинок стукнулся об тело твари, как об камень, а затем разбился на мелкие на куски, будто стекло.

Ворон испуганно попятился и тварь, вскочив, полоснула его по груди, а затем по лицу уже восстановившейся лапой. Ворон вновь попятился и потянулся за топором, которым оставил очередной взмах когтями. Извернувшись, он ударил тварь в грудь, но и топор разбился.

На лице мужчины отразился испуг, растерянность, а в глазах летящая на него смерть в виде когтистой лапы. Август, подхватив меч, вновь отрубил твари лапу, а затем ловко вонзил клинок в грудь так, что окровавленное острие торчало из спины. Повернув меч по горизонтали, он дёрнул меч в сторону, разорвав грудную клетку в клочья. Тварь слабо зарычала, голубой огонь в глазницах угас, и она камнем свалилась на землю.

— Ха-х... надо же... убил! — бросил Ворон, упав на зад. — Я думал, это уже не свершится!

— Что это за тварь?

— Что? Ты убил её и не знаешь, что это? — усмехнулся Ворон. — Это, мальчик мой, Чувар. Казалось, бессмертное существо, что бродит по миру с самого его сотворения и убивает тех, кто причиняет природе зло. Я выслеживал его годами, видел, как смельчаки пытались его убить, но их мечи постоянно ломались...

— Раз ты знал, что обычная сталь бесполезна, то... почему полез?

— Я думал, что его, как и другую нечисть, возьмёт серебро, но... ошибся, — ответил

Он. — Я — Цокаль, Солдат Вороньего Ордена.

— Август. Бывший полковник Братства Дмитри, — бросил он, присев на скамью.

— А почему бывший?

— Скажем так, не смог разделить взгляды с вожаком, — коротко ответил Август, глотнув вина из фляги.

— Понятно. Слышал, твои дружки сейчас в Аркадии, собираются учувствовать в генеральном наступлении на столицу, — напомнил Цокаль. — Кстати, а как ты себя чувствуешь с несколькими дырками в животе?

Август вспомнил, что Чувар пронзил его насквозь и посмотрел вниз. Нагрудник был пробит и из дырок хлынула кровь. Рыжий вздохнул, голова закружилась, фляга упала на землю, а тушка его упала на землю.

Орловское Княжество

— Жить будет? — послышался грубый голос Цоколя.

— Будет, конечно. Лис бывал в передрыгах и по хуже, — буркнул знакомый тонкий голосок, от которого всплывает образ рыжей Вики.

— Значится, он хороший воин, раз у него... столько шрамов, даже у меня столько нет, а я ведь с нечистью сражаюсь, — буркнул Цокаль. — Хотя... нечисть не такая жестокая, как люди.

Август открыл глаза, в которые затем ударили яркие лучи солнечного света. Он лежал прямо перед пыльным окном и яркие блики не давали ему до конца понять, где он находится, и кто говорил. Чей-то силуэт встал перед окном и прикрыл окно шторами. В комнате стало тускло и Август узнал в молодой рыжеволосой девушке ту рыжую девчушку, что много раз спасала ему жизнь своим мастерством.

— Вики...

— И тебе доброе утро. Как себя чувствуешь, парень? — спросил Цокаль, нагнувшись к нему. — Потрепало тебя знатно, дружок, но наша общая знакомая тебя хорошенько залатала. Должен признать, даже меня она так не латала, как тебя.

— Где я?

— В Орловске. Цокаль принёс тебя.

Август поднялся с кровати.

— Эта тварь проткнула меня насквозь, пробила кишки. После такого не живут.

— Э... видишь ли, ему пришлось...

— ...Когда ты потерял сознание, я ничего лучше не придумал, как влить в тебя Зелье Магнуса. Боец ты не плохой, да и человек тоже, видно, что у тебя есть какая-то цель, ведь не просто так же ты оказался в такой заднице мира.

— А о зависимости ты не подумал? — холодно спросил Август, глянув на Цокаля.

У мужчины вокруг глаз была чёрная кожа, будто в них брызнули краской. Глаза были красными, как у того ублюдка, что чуть не убил его на башне.

— О зависимости не переживай. Она будет не такой уж и сильной, как у Воронов. Всё благодаря тому, что ты пролежал “мёртвым” целую неделю, не принимал пыльцу и не пил зелья. А ещё я сумела сварить одно зелье, которое утоляет жажду пыльцы, так что можешь об этом не переживать. — Пояснила Вики, указав на бутылку с белой жидкостью.

— Так что не так уже всё плохо, как могло быть, Август, — буркнул Цокаль. — Всё даже очень хорошо, ведь теперь у тебя есть способности Ворона, которые ты получил без этого хренова мучения в камерах и колодцах.

— К тому же, если бы не зелье Магнуса, то ты бы умер. Когда Цокаль вылил его тебе в рот, твой организм затянул дырки в кишках, но вот дырки в самом животе пришлось зашивать уже мне.

Август вновь глянул на лицо Цокаля.

— А с тобой что?

— Старость. Мне уже семь десятков стукнуло, и пыльца Магнуса начинает меня убивать.

— Меня, я так понимаю, ждёт такая же участь, — хмуро понял Август. — А где мои вещи? Где моя фляга с вином?

— Когда ты вырубился, фляга выпала из рук и всё вылилось, — напомнил Цокаль, протянув Августу флягу. — Но я посмел набрать тебе ещё вина в местной таверне.

— Спасибо. И за флягу, и за спасённую жизнь. — холодно ответил Август, взяв флягу и положив на тумбочку рядом с зельем.

— Цокаль рассказал, что ты ушёл из братства...

— Да-да. Ореон полностью продался элтийцам, за золото он согласился перерезать всю деревню, а мне об этом он не сказал, ибо знал, что я буду против. Я попытался его убить, но вышло так себе...

— А Рейри и Талия?

— Рейри ничего не сделала, когда он проткнул меня мечом, хотя прекрасно знала, что задумал Ореон. Тали же меня спасла, пронзив стрелой руку Ореона — это и остановило его меня убить. А затем она вытащила меня из пыточной комнаты.

— И где она сейчас?

— Понятия не имею. Я не хотел ею рисковать, потому оставил в деревушке подле Мёртвого Королевства.

— Понятно. И сейчас ты идёшь...

— Убивать Ореона. — закончил рыжий.

— Ты уверен? — спросил Цокаль. — Братство Дмитри это не просто шайка...

— Цокаль, я прекрасно знаю, что из себя представляет Братство Дмитри. Я прекрасно знаю, что наёмники служат там ради золота, грабежей и баб, стоит им предложить сумму побольше той, что предложил Ореон или Элтия, как они сразу же переметнуться на другую сторону. Несмотря на множество побед, наёмники Братства тупы и невнимательны, так что мне не составит труда пройти через сторожей и прирезать Ореона во сне.

— Ну как знаешь. Дело твоё, — буркнул Цокаль. — Кстати, когда закончишь, если останешься жив, можешь прийти в Воронью Крепость, — не бросил на койку жетон с гравировкой вороны, который обычно носят члены Ордена. — Я всё равно скоро умру, и он мне без надобности, как и Алькар, которого я тоже отдаю тебе.

— Что? Зачем?

— Говорю же, скоро умру и я бы не хотел, чтобы Алькар остался совсем один в этом жестоком мире. Кормить его особо-то и не нужно, он приучен сам добывать еду, когда захочет.

— Ты уверен?

— Вполне. Да и в ордене такие, как ты, лишними не будут. Всё, я ушёл. Долг зовёт.

Цокаль, похлопав Августа по плечу, скрылся за дверью. Август осмотрел комнату и увидел Алькара, сидевшего на подоконнике на другом конце комнаты. Ворона каркнула и взлетела, а затем мягко приземлилась на плечо Августа и щёлкнула его клювом в бороду.

— Неплохо, — буркнул Август, погладив ворону по шейке. — Помнись, я хотел тебя зажарить и съесть.

Вики усмехнулась и протянула Августу стопку одежды.

— Твои вещи.

— Спасибо. Как я могу отплатить тебе? — спросил Август, надевая свои поношенные вещи.

Вики смутилась и слегка покраснела.

— Есть одна просьба... — неуверенно начала она. — Видишь ли, я почти всё время занимаюсь ранеными животными и людьми, из-за чего времени свободного совсем не

остаётся. А сегодня... мне повезло и у меня его полно...

— Ближе к делу. — он надел брюки и принялся застёгивать рубашку.

— Ах... короче! — она вдруг схватила его за кисть и прижала к груди. — Скажу прямо, мне нужен член. Любой, но желательно твой.

Август, безусловно, опешил, но что ему оставалось делать? Если он мог отплатить ей только этим, то почему бы и нет? К тому же Вики была довольно красивой девушкой, чьи пышные рыжие волосы порой гипнотизировали его, когда она зашивала ему рану от меча.

— Ну... если ты не хочешь, то прости...

Август сжал её грудь и Вики слегка смутилась. М-да, это совсем не Тали, которая обычно сама всё делает. Придётся действовать самому. Парень взял её за кисть, прижал к себе и поцеловал в розоватые губы, а затем они, будто танцуя, переместились к письменному столу, на который Август посадил девушку. Задрав платье девушки, он приспустил свои брюки и, выпустив член, мягко пристроился между её ножен. Вики обхватила его руками за шею, прижалась и сладко застонала на ушко.

Рыжий двинул бёдрами и ногти Вики вцепились ему в лопатки. Он продолжил с тем же настроением. Алькар же, сидя на тумбочке, недоумевавшая каркала.

— Надеюсь Тали не будет против... — прошептала девушка.

— И ты подумала об этом только сейчас? — усмехнулся Август, опустив сорочку с груди.

— Честно сказать, я об... этом и раньше подумала... но, думаю, что мы больше не увидимся, да и Тали об этом не узнает... ОХ!

Август облизнул её сосочки, продолжая в том же темпе двигаться бёдрами, заставляя Вики постанывать. Девушкой она была явно не из тех, кто будет ломаться и отказываться от удовольствия, потому что её резкие движения были не столь болезненными.

Вики поцеловала Августа и оторвалась от стола, насадившись на член. Август попятился, но удержался на ногах, и они аккуратно плюхнулись на кровать, где Вики его оседлала и принялась скакать.

— Скажешь, когда будет близко... — она сгорбилась над ним и засосала в шею.

Август же прижал её к себе и, когда дело уже почти подходило к концу, он ускорился, но вовремя остановился и аккуратно скинул девушку с себя. Вики, недоумевавшая на него, посмотрела и Август догадался, чего она хочет.

Вскоре, когда все похотливые дела были закончены, а Вики получила то, что хотела, Август собрал вещи и, пока девушка спала, спешно свалил. К удивлению, выйдя на улицу, он обнаружил своего коня, которого выкрал у той таверны. Отвязав коня от фонарного столба

Из окна второго этажа дома Вики выпорхнула Ворона, которая приземлилась на плечо Августа и возмущённо каркнула. Август довольно ухмыльнулся и, дёрнув поводьями, двинул по улице к главным воротам Орловска. Останавливаться в городе он не очень хотел, потому что через пару часов он смело перешёл границу Орловского Княжества и направился по той же тропе на запад. В Аркадию.

К утру Август уже чувствовал лёгкое недомогание, жажду вдохнуть пыльцы, расслабиться, но есть он хотел куда сильнее, чем этот дрянной наркотик. Наткнувшись на небольшое разграбленное село, Август привязал коня к столбу и развёл костёр. Несмотря на то, что он спал несколько дней, его вырубало. Он открыл флягу и сделал долгий глоток вина, которое обожгло его горло и слегка разбудило.

— Ну что, Алькар, лети, выследи мне какую-нибудь еду, — бросил Август, дёрнув рукой.

Алькар взмыл в небо и улетел в неизвестном направлении. Найдя среди хлама палку, он уселся у костра и, выбрав более подходящий камень, начал делать копьё, а затем точить. Были бы у него лук и стрелы, он бы сейчас и не бил об наконечник точильным камнем. Хотя, кто его знает, на кого можно напороться в лесу.

К обеду, когда живот уже бунтовал, а жажда пылицы становилась немного сильнее, Август наконец-таки закончил точить копьё и потянулся за тем эликсиром, что сделала для него Вики. Он откупорил бутылку и сделал глоток, а затем сплюнул в костёр.

— Молоко! — рывкнул он, нюхнув бутылку. — И правда Молоко! Сука!

Он вскочил и от злости швырнул бутылку вдаль, а затем уселся и уставился в пылающий огненный цветок. Живот вновь завопил и как раз в этот момент над селом закаркала ворона. Август, схватив копьё и сумку с хламом, двинулся за Алькарам, который летел под рыжими кронами деревьев и ловко облетал стволы сосен. Август бежал за пернатым чёрным другом, что без умолку каркал.

Вскоре Алькар взмыл в небо, ловко уворачиваясь от веток, а затем скрылся. Август остановился и попытался разглядеть ворону в небе, но кроны были слишком густы. Оставшись в полной тишине, вдали он услышал странное рычание, напоминавшее медведя, но этого просто не могло быть, ибо косолапых в этих лесах были истреблены много лет назад. Ему ничего не оставалось, кроме как пойти дальше, куда вёл его ворон. И чуйка, как обычно, не подвела, ибо наткнулся на небольшое сооружение, напоминающее церковь, святилище, но в честь какого бога? На крышах не было тех крестов, что возвышали в честь Игниса, не было лун, олицетворяющих всевышнего Лика, не было даже всемирного дерева, которое так обожали рисовать древние эльфы.

Как раз из этого святилища доносилось слабое рычание какого-то зверя. Стоило Августу выйти из леса, подойти к высоким дверям, как в нос ударил зловонный запах гнили. На распахнутых дверях виднелись следы мощных когтей, засохшие брызги крови и грязи. В самом же зале было темно, а из темноты звуки и доносились. В тьму вели кровавые следы, будто кто-то волочил по плиткам труп.

Август застыл и взял копьё в обе руки. То, что скрывалось во тьме, замолчало и, судя по едва слышным шорохам, забеспокоилось или что-то задумало.

Шаг. Вдох. Рык. Стук сердца.

Всё сразу стало ясно. Ещё до того, как бурый медведь выбежал из темноты и своей могучей тушей сбил Августа с ног, выбив его из главного зала на улицу. Несмотря на свои габариты, медведь был довольно быстрым, раз уж новые способности от зелья не помогли наёмнику. Когтистая лапа взмыла вверх и когда опускалась, Август перекатился и быстро выдернув кинжал, пронзил им лапу, приковав к сухой земле. На лице блеснула привычная улыбка, после которой рыжий сразу же вогнал кинжал в плечо животного, а затем отступил, не решаясь рисковать. Всё было очень быстро и казалось, что медведь очень медленный, Август чувствовал его страх, знал наперёд, что это дикое животное хочет сделать и он даже не отрицал, что ему это нравится.

Медведь оторвал ляпу от земли, кинжал всё ещё торчал, но это ему не мешало. Косолапый подался вперёд, но опять же, очень медленно. Август, быстро обнажив клинок, прыгнул в лево и, заранее замахнувшись, ударил в бок. Рунный клинок скрылся в густом мху, а медведь заревел и затоптался на месте, пытаясь как-нибудь отогнать Августа.

— Прости, дружок, но я тоже хочу есть... — прошипел Август, вогнав сталь по самую рукоять, а затем дёрнув клинок в сторону.

Раздался хруст, и разъярённый медведь встал на две лапы, вынудив Августа вытащить меч. В пируете он оказался прямо перед открытым брюхом ревущего медведя, которое вспорол одним лёгким ударом. Кишки вывалились наружу и дабы облегчить неприятную смерть, Август ловко взобрался на медведя, повалил его и быстрым движением вонзил меч в его голову. Тело обмякло, дыхание прекратилось.

— Ну вот и еда... много еды. — буркнул Август, доставав охотничий ножик.

Из мяса Август выреза немного, а остальное оставил на улице. Переночевать же он решил в святилище. До второго этажа запах гнили не доходил, да и кровать сторожа была весьма удобная. Привязав коня к дереву, Август отправился спать. И, укутавшись в плащ вместе с Алькаром, забился в углу на кровати и вскоре уснул.

Заманчивое Предложение

Люциус и люди Ореона выслеживали одного загадочного человека, блуждавшего по лесу уже несколько дней. Было понятно, что это ворон, но Нюхач, прекрасно знавший Августа, учуял его в запахе этого загадочного человека. Люциус же понимал, что перед ним не простой вояка или путешественник, а самый настоящий Ворон, способный за пару минут убить его и весь его отряд.

— Он ничего не ел уже несколько дней, — сказал Слей, следопыт. — Думаю, уже можно на него напасть.

— Недооценивай Воронов, Слей, — буркнул Нюхач. — Я видел их в деле и, должен признать, сражаются они превосходно.

Гном выступил из гущи леса и дёрнул секирой в руке. Хагри.

— Хватит спорить. Сколько можно? Вы повторяете одно и тоже уже несколько дней! — вякнул недовольно Хагри. — Пусть Люциус решает, когда нападать и как.

Все десять наёмников посмотрели на красноглазого, который в свою очередь наблюдал за тем, как Ворон разжигает костёр между камнями посреди леса. Этот путник уж точно не лаком деланный и задницу надрать мог, потому идти в лобовую атаку — дело весьма опасное, да нет, это просто безумно. Но делать больше нечего, если Люциусу нужна информация, то почему бы и не пожертвовать теми, кто ему и так не сдался. Убить сразу двух зайцев.

— Слей, обойдёшь слева и засядешь в кустах с луком, Нюхач, обойдёшь справа и будешь с луком, — Люциус повернулся к гному. — А ты, Гном, возьми парочку наёмников и обойди его с другой стороны. Ворона нужно взять в кольцо, нельзя дать ему убежать.

— Это ещё почему? — поинтересовался гном.

— Вороны очень злопамятны. Если у нас не выйдет его поймать и он скроется в лесу, то он будет убивать нас по одному до тех пор, как не убьёт последнего.

— В таком случае, думаю, нельзя позволить ему дать убежать? Бросится в погоню? — предложил Слей.

— Верно мыслишь, парень, — сухо кивнул Август. — На такой случай попробуйте гнать его в сторону крепости и попытайтесь как-нибудь его замедлить, создать ему извилистый коридор, долгий и сложный.

— Зачем?

— Чтобы остальные успели добежать до старой крепости и встретить его там, — спокойно объяснил Люциус. — Действуйте.

Наёмники достали мечи и щиты, а Нюхач, Слей и Хагри, пригнувшись, скрылись в густом лесу. Люциус наблюдал, как Ворон жарит мясо на вертеле, перекусывает хлебом и запивает всё крепким элем. И тут он подметил очень любопытный факт — на поясе или на спине не весели ножны, а значит Ворон был безоружен, что очень странно и подозрительно. У костра ножен или прочего оружия тоже не было. Сначала Люциус подумал, что ворон хорошо махает кинжалами, но доспехи у мужчины были уж больно мощны и пышны.

Из леса достался свист, больше походивший на пение птицы. Слей на месте. Затем послышался ещё один убогий свист. Нюхач тоже готов. И издали слышалось грубое уханье. Хагри готов махать секирой.

Люциус посмотрел на оставшихся наёмников, больше напоминавших напуганных

мальчиков, в чьи руки вложили мечи, а на головы натянули шлемы, а затем отправили сражаться с демонами. Дразнящие лучи света проникли через голые чёрные ветви, и Люциус отдал приказ наступать.

Небольшая кучка наёмников, подняв мечи, ревя вырвались из леса. Пока наёмники бежали, а Ворон пребывал в недоумении, в ход пошли стрелы. Одна вонзилась Ворону в плечо, а вторая сломалась, ударившись об камень.

Люциус выругался.

Ворон вдруг вытащил их-под пышной чёрной шубы обычный топор, которым дровосеки, рубят леса, а затем изящным взмахом раскроил черепушку наёмника. Следующий наёмник выпорхнул из-за тела товарища и попытался отрубить противнику руки, но Ворон оставил топор, извернулся и опрокинул наёмника в костёр. Выхватив у него меч, он обернулся и широким взмахом отрубил наёмнику голову, ударил его ногой в пах и, сделав выпад, проткнул последнего смертника, отправленного по его душу.

— Неплохо, — сказал Люциус, выйдя из леса и хлопая ладонями. — Очень неплохо.

— А ты кем будешь?

— Боюсь, что этого тебе знать не положено, — отмахнулся Август.

— Тогда я не смогу понять, чем я вам насолил, господин “большой секрет”, — прыснул Ворон. — Натянул маску, выпил зелья и теперь, небось, думаешь, что очень страшный?

— Честно? Да, я так и думаю, — пожал плечами он. — Мой человек сказал, что ты связывался с человеком по имени Август. Знаешь о нём?

Ворон рассмеялся и воткнул меч в землю. Люциус смутился.

— Поверить не могу! Ты бросил в ход всех своих людей, чтобы просто задать мне этот вопрос? Ты конченный человек, красноглазый — вот, что я тебе скажу!

— Ты встречался с ним или нет?

— Встречался, но почему-то думается мне, что тебе этого знать не положено! — вякнул Ворон.

— Где и когда?

— Если скажешь, кто ты такой, то, может быть, и расскажу тебе всё, что знаю. Идёт?

Люциус сунул кинжал в чехол и медленно пошёл к Ворону, а последний к нему на встречу. Ворон протянул Люциусу руку и когда рука красноглазого коснулась руки Ворона, последний дёрнул рукой. Из-под плаща вылетел кинжал, который вонзился Ворону в руку. Люциус сжал глотку громаилы и прижал его к камню. Кинжал же он уткнул в пах.

— Знаешь, когда-то я вырезал одному наёмнику глаз, вколочил в него яд и заставил съесть. И не так давно я придумал более изощренный способ убийства — это вырезать яйца, вколочить в них яд и заставить сожрать, — буркнул Люциус. — Хочешь стать первопроходцем?

— Иди в зад своей матери, конченный выродок! — рявкнул Ворон, врезав Люциусу целой рукой.

Освободившись, Ворон сбил противника с ног и несколько раз врезал ему в лицо тяжёлой ногой, а затем подхватил меч и бросился в бегство. С другой стороны, на полянку выбежал Хагри с парочкой наёмников. Троица, не думая, сразу же накинулась на раненного, но всё ещё опасного человека, который с лёгкостью увернулся от секиры и вонзил меч в голову полурослика. Нырнув под меч парочки наёмников, он выдернул из чехла кинжал и вонзил его в поясицу врага, а тело бросил в последнего.

Слей и Нюхач бросились за ним, попутно стреляя из лука, но все стрелы летели мимо и единственное, что им оставалось, это либо загнать Ворона в неготовую ловушку, либо

догнать, что казалось почти невозможным. Несмотря на тяжёлые доспехи, Ворон передвигался довольно ловко и быстро, не оставляя и шанса двум самым отважным ловкачам Братства Дмитри.

К вечеру двум братьям всё уже удалось загнать Ворона в крепость, откуда лишь один выход и этот выход под стражей третьего наёмника, что был подле Хагри. Защита так себе, но хоть что-то. Пока Нюхач и Слей рыскали по коридорам старой крепости, дрожали от каждого шороха, Люциус уже пришёл в себя и подошёл к крепости, у входа в которую стоял лишь один напуганный наёмник.

— Командир, Слей и Нюхач... что вы...

Люциус бросил в наёмника нож, который воткнулся ему между глаз. Моментальная смерть. Наёмник свалился в кусты, а его командир, обнажив кинжалы, вошёл в крепость. Толку от этих идиотов уже не было, зато была огромная помеха. Дабы исполнить волю Императора, ему нужно было убить всех и любой ценой найти Августа, который может стать решающей пешкой в этой войне.

Люциус вышел в обеденный зал, где на столе сидел Нюхач и, куря трубку, пускал в пыльный воздух клубы дыма. Через старые пыльные окна проходил бледный свет солнца, освещая каждую пылинку в зале.

— О, командир! — радостно крикнул Нюхач. — Мы уж подумали, что вам замочили.

— Вы поймали Ворона? — холодно спросил Август.

— Ещё как! Слей прострелил ему второе колено на крыше, а я его вырубил, очень метким броском камня, — похвастался парень.

— Да ладно...

— А что? Неужели вы в нас сомневались, командир? — усмехнулся он, но улыбка вдруг вмиг угасла, стоило ему увидеть кинжал в руках. — Вы ранили Ворона левым кинжалом, а кого-то же вы порезали правым?

— Это сейчас так важно? — холодно спросил Люциус. — Почему ты оставил брата один на один с убийцей?

— По-моему, убийца как раз в этом зале...

Нюхач бросил в лицо Люциусу трубку, а затем вытащил кинжал, который попытался вогнать под ребро своему командиру, но последний вовремя отвёл его руку в сторону и в ответ вонзил кинжал в шею, а затем бросил на стол.

— Остался последний.

Взобравшись на крышу, Люциус обнаружил, как Слей избивает и без того искалеченного Ворона, что уже просто молчал и терпел, ждал, когда ребёнок наиграется.

— Говори, сука, где Август! — рявкнул Слей, ножичком отрезав Ворон палец.

Тот стиснул зубы, но промолчал.

— Пади в зад своей матушки, откуда и вылез! Хрен я тебе что скажу, выродок ты мутный! — ответил Ворон, за что Слей воткнул нож ему в щёку. — Аргх! Суа!

— Ещё один раз что-то такое скажешь, и я отрежу тебе...

Договорить он не успел, ибо Люциус, тихо подошедший из-за спины, вскрыл ему глотку, а затем скинул с крыши. Тело, пустив за собой прощальную струйку крови, скрылось в густом тумане, что лёг на леса.

— Хех! Командир, зачем-то убивший свой же отряд! Кто же ты, чёрт дери, такой? —

прохрипел Ворон, давясь кровью.

— Варлийский Соловей, — сухо ответил Люциус, перерезав верёвки. — Мне нужен Август и ты уж точно знаешь, где он и что с ним.

— А зачем он тебе?

— Меня послали убить его, но приказ я выполнять не стану, ибо это не выгодно моему изначально хозяину.

— А твой хозяин, должно быть, Адеван Безликий? Мудрейший из мудрейших Императоров мира, — пробурчал Ворон, пытаясь встать. — Один хрен, раз ты Соловей, то у тебя уж точно есть штучки, которые помогут меня разговорить, так что скажу всё, что знаю. Бежать уже некуда. Но для начала мне бы не сдохнуть...

— Держи, — Люциус протянул Ворону бутылку с жидкостью болотного цвета. — Настойка Яги, затупит боль, быстро остановит кровотечение, погасит страх и тревогу.

— А вы полны сюрпризов, Мистер “Я очень важный”, — Ворон откупорил бутылку и залпом её опустошил, а затем уселся у парапета. — Значит так...

Август вышел из леса со связкой хвороста в руках, на которой сидел Алькар и недовольно каркал ему в лицо.

— Хватит-хватит! Сейчас мы поедим! — отмахнулся Август, бросив связку веток у костра.

Он поставил греться воду в котелке, посыпал соль и, когда вода закипела, он кинул в воду маленькую рыбёшку. Прежде, чем упасть на пенёк и уставится в огонь, краем глаза он увидел движение и, обнажив меч, повернулся. Это был тот красноглазый парень с маской, натянутой на нос. Весь в крови, грязи и мокрый, будто только что вылез из кровавых болот.

— Опять ты? — возмутился Август, указав на него мечом, будто приглашая на бой.

— А ты всё такой же агрессивный, — подметил Соловей, сложив руки на груди. — Я не биться с тобой пришёл.

— А зачем же?

— Может, поговорим? — Соловей вытащил из сумки бутылку крепкого эля.

— Я не пью с теми, кого не знаю, — сплюнул Август.

— Я — Люциус Темнохвостый, Соловей Варлийской Империи. Твоё имя мне известно.

Август, нахмурившись, с тем же недоверием указал незваному гостю на поваленный ствол, где лежала шкурка недавно убитого медведя. Люциус же, не отрывая взгляда от руки Августа, что уже крепко сжимала рукоять, прошёл мимо и на мгновение учуял пыльцу Магнуса. Лишних вопросов задавать он не стал, потому сел у костра и проводил взглядом Августа, усевшегося напротив него.

— Стало быть, ты нашёл меня не по воле случая, — подметил Август. — Что тебе нужно?

— Ореон послал меня убить тебя. Сказал, чтобы я не возвращался без твоей головы, — ответил Люциус, который сразу же заметил, как рука собеседника вновь потянулась к рукоятке меча. — Но делать я этого не стану, ибо, как бы это странно не звучало, ты нужен Империи.

— Интересно...

— Не знаю почему, но Император наперёд предсказал всё, что сейчас происходит, — Люциус открыл бутылку эля и протянул Августу. — Он искренне верит в то, что ты играешь важную роль во всей этой войне.

— И что твоего царьку от меня нужно?

— Он хочет нанять тебя в качестве личного телохранителя Аркадийской Княгини. Разведка, да и сам Император считают, что на неё готовится покушение. И, если Княгиню убьют, то после захвата всего Княжества, никто не будет иметь на него прав, а значит Элтия запросто сможет присоединить эти земли себе, — пояснил Люциус. — А если Элтийская Империя получит эти земли, то... у них будет возможность нанести прямой удар вдоль всей границы Варлийской Империи.

— И если это произойдёт, то... никто их уже не остановит...

— Несмотря на всю политическую силу Варлии, на её армию, нам всё равно не хватит сил, дабы отбить такие громадные армии. Единственный шанс — это уберегать принцессу до тех пор, пока Император не заключит союз с Севером и не объединит его. Или хотя бы до тех времён, когда наша армия разберётся.

— То-есть, вы хотите, чтобы я целую вечность защищал Княгиню? Это невозможно.

— Да? Я почти всю жизнь оберегаю детей Адевана, Соломона, Мари, Эдварда. И ещё успеваю воевать, — похвастался Люциус. — Я прекрасно понимаю твои чувства, знаю, как ты хочешь отрубить голову Ореону, но подумай о других. Представь, какой хаос воцарится в Староземье, если они получают Аркадию? Половину народа сожгут на кострах, а затем могучие армии отправятся на Север, где продолжат жечь и убивать всех неверных.

Августу вновь вспомнился ту ночь. Кричащие от боли родители, молящие о спасении несуществующих богов, пылающие костры и ухмылки элтийских солдат, что жгли его семью ради забавы. Августу бы не хотелось, чтобы кто-то ещё испытал те страшные эмоции, ту боль. В детстве он думал, что родители всегда его будут защищать, спасут, думал, что они бессмертны и смерть их никогда не догонит, но какую же низость он ощутил, когда смотрел на то, как его мать насилуют солдаты, а его отцу отрезают хозяйство. И это только его история, единичный случай, а что будет, если каждый второй познает эту боль?

— Что мне за это будет? — спросил Август.

— Золото, дворянский титул, слава, — ответил Люциус.

— Я согласен, но как я попаду в зал к Княгине? Я же простой наёмник, у которого нет имени, безымянный полковник, что сразил много армий и уж точно не герой, не рыцарь чести.

— Это предоставь мне. У меня уже есть все документы, с которыми ты запросто пройдёшь в Зал Княгини, а там уже всё будет завесить от тебя. Безусловно, я пушу слух по стране о Лисе, что долгие года сражался с элтийцами, о полковнике, что был предан своей же армией, о герое. Пусть всё это не истинная правда, но хотя бы частичная.

— Должен признать, язык у тебя подвешен.

— Меня учил Мастер Басиль, так что неудивительно.

— Значит, мне нужно просто защищать Княжну, что бы не случилось?

— Почти. Княжна упрямая женщина, потому не отступит, если только не появится угроза её жизни. Когда начнётся решающая битва, когда Элтийская и наёмная армия явятся на поля подле города и начнут штурм, тебе нужно будет любым способом доставить Княжну в Погранец.

— Погранец. Этот город не возьмёт не одна армия...

— Верно.

— Но почему сразу не спрятать Княжну в Погранце и отвезти остатки армии туда?

— Тогда вся вражеская армия пойдёт на штурм Погранца, а поскольку город окружён

болотами, Варлийскому подкреплению будет очень сложно ударить по тылам.

— Что? Вы собираетесь вступить с Элтией в битву? Это же противоречит всему!

— Пока Аркадийская Княжна жива, мы имеем полное право войти в Аркадию в качестве подмоги и отбить Элтийскую армию. Если же она умрёт раньше решающего момента, мы не будем иметь права сражаться на землях, которыми никто не правит.

— Эта битва будет решающей не только для Аркадии, но и для всего староземья. Если весь этот план удастся, то Варлийская Армия сможет на очень много лет обезопасить эти земли, поскольку Элтия пустит в бой всю свою армию, но... это только при условии, что вашей армии хватит, чтобы сразиться и победить. — Понял Август.

— Верно мыслишь. Так что, ты в деле?

— Безусловно, но у меня есть одно условие. Если выйдет так, что я не столкнусь с Ореоном, я хочу, чтобы твои люди привели мне его, Рейри и, желательно, всю командующую верхушку Братства.

— Ореона и Рейри Ольских я тебе обещаю, но вот насчёт всей верхушки... — Люциус задумался. — Понимаешь ли, многие из них падут на поле битвы. Не могу обещать прям всю верхушку, но тех, кто сложит мечи, можешь ждать.

— А насчёт документов что? Где мне найти пропуск в покои Княжны?

— Я знал, что ты согласишься, потому, как и говорил ранее, всё уже подготовил. Забрать бумажки ты можешь в библиотеке “Перо Короля”, что на главной столичной улице. Просто скажи от кого ты, не забывая про фамилию, и тебе без лишних вопросов дадут бумаги.

— Звучит всё очень-очень просто. Это крайне необычно.

— Не забывай, что тебе придётся разбираться не только с внешними врагами, но и с внутренними. Когда государство стоит на грани исчезновения, её представители зачастую переходят на другую сторону, — напомнил Люциус. — Я, вроде, всё объяснил, так что пойду. Меня ждут дела.

— Ну удачи.

Соловей встал на ноги и уже собирался уходить, как вспомнил кое-что.

— Кстати, мне нужен жетон братства Дмитри. Твой. Иначе Ореон не поверит, что ты мёртв, а ты должен оставаться мёртвым для него.

Август сорвал с шеи медный жетон со стёртым рисунком, глянул на надпись “Лис”, что была высечена на другой стороне, а затем кинул его Люциуса. Тот сунул трофей в сумку и, кинув в ответ парочку золотых монет, скрылся во тьме, откуда потом последовал едва слышный свист.

В сердце наёмника вновь вспыхнул огонь, вновь он почувствовал себя кем-то важным. Он был рад, что ему суждено было играть важную роль в этом военном театре, но и понимал всю серьёзность его роли, от чего ему становилось только лучше. Долгие месяцы его сердце лишь слегка полыхало маленькими язычками пламени, но теперь у него есть цель, вдохновение, тяга к жизни, которую он утратил уже очень давно.

Мысли о том, чтобы забыть о мести и сброситься со скалы, мигом отступили, а желание мести воспылало вновь, как и тяга надрать Элтии зад.

С первыми лучами солнца, Август собрал вещи, накормился Алькара и, оседлав коня, отправился на запад, в Аркадийское Княжество, что когда-то вырастило его в самые трудные времена.

Часть 3. Аркадия

Дабы попасть в Перлград, Столицу Аркадийского Княжества, Августу пришлось целую неделю обходить треклятые болота, что укрепились вокруг Погранцы. Мёртвые и голые леса, кишасшие странными существами, не стал для него проблемой, но вот поиск моста или брода забрал у него немало нервов и времени. Так или иначе, он всё же закончил это затяжное путешествие, в котором он потерял рассудок, ибо жажда пылицы становилась с каждым днём лишь сильнее, но зато обрёл ранее невиданные способности, что знатно упростят ему будущую жизнь, если он, конечно, не умрёт в ближайшие пару дней.

И вот, оставив позади великие луга, Август спешился с коня и повёл его по громадному каменному мосту, что протягивался над неглубокой, но широкой ямой, на дне которой от бледного солнца блестела вода. По широкому мосту шли толпы оборванцев, видимо надеявшихся найти спасение за могучими стенами Перлграда. Ирония всей этой картины заключалась в том, что из города выходили толпы раздетых горожан, убеждённых, что стены их не спасут. За многими из них следовали целые караваны из повозок, набитых золотом и прочим дорогим дерьмом, у многих был целый эскорт из хорошо вооружённых наёмников. И все они сталкивались друг с другом, будто огонь и вода.

Наёмники одного из караванов вдруг схватились за мечи, начали угрожающе ими махать, толкать беженцев, стремившихся к спасению. Такую картину Август видел часто, даже очень. Как правило, всё заканчивается одинаково. Один из беженцев не стерпел такого обращения к себе и толкнул наёмника в ответ, за что другой раскроил ему лицо, а затем сбросил с моста. Столь ужасная наглость не понравилась дружинникам, что брели вместе с беженцами, видимо, с поля боя. А потому потянулись за мечи и накинулись на наёмников. Меж плит полилась кровь, раздались лязги мечей, крики и тому подобное.

Август, спокойно наблюдая за стычкой, попивал вина, сидя на парапете. Мост был забит, потому спешить ему было некуда. Пытаться как-то пробиться через эти толпы — бессмысленно.

Дружинники вытащили из кареты зажиточного горожанина и, кинув на плитку, начали избивать, а его жена, без устали крича, утонула в толпе голодранцев. Над грязными голова полетели её золотые украшения, куски дорогого платья, затем лифчик, а потом и пряди золотистых волос. Крики беспомощности утонули среди криков толпы.

Пока дружинники избивали богатея, а голодранцы наслаждались его женой, Август незамедлительно прошёл дальше по мосту, держась парапета. Так он запросто проскользнул к главным городским воротам, где стояли гвардейцы, проверяющие всех подозрительных типов. И, вроде, ничего сложного, опасного, но сейчас он никто, у него нет документов, грамот и прочей бюрократической ерунды, с которой его могли бы пропустить без лишних вопросов.

Протолкнувшись, он вышел к посту, где за мелким столом, забитым бумагами, сидел низкорослый парень с белым париком и напудренными смазливый личиком, что украшала нарисованная родинка.

— Соблюдай очередь, грязный выродок! — вякнул парень противным высоким голосом.

— Соблюдай этикет, дворянское отродье! — рявкнул в ответ Август.

— Как ты смеешь со мной так разговаривать? — его смазливое личико убого исказилось от злости и, ударив по столу, он запищал: — Стража! Арестуйте данного человека!

— Побойся Княгиню, не устраивай цирк и пропусти его! — потребовал старик, вышедший к посту. — Правда думаешь, ирод ты напудренный, что парочке стражам под силу поймать проворного Лиса?

Август, глянув на старика, удивлённого заморгал. Видимо, Люциус уже пустил слух. Напудренный мальчик тоже заморгал, недовольно чмокнул покрашенными губами и высокомерно взглянул на старика. Будто на дерьмо. Его высокомерный взгляд перекинулся на Августа.

— Простите за мою дерзость, Господин, не признал, — он вскочил и, что очень необычно, поклонился. — И всё же я должен знать, по какому поводу столь важная личность посетила Перлград.

— Хочу предложить твоей Княгине свой меч и свою верность. Быть может, так я смогу продолжить мстить Заморским ублюдкам.

— В таком случае, проходите, Господин. Очень рад, что ваш меч будет служить моей Княжне! — он вновь поклонился и, усевшись обратно за стол, запищал: — Сле-е-е-дующий!

Похлопав старика по плечу, Август кинул ему золотую монетку и спешно скрылся за массивными Перлградскими воротами. Выйдя с гостевой площади на главную улицу, что вела прямо к замку Княжества, Август сразу же оседлал коня и, медленно двигаясь по улице, внимательно выискивал среди тысяч названий, одну надпись: “Перо Короля”.

Кстати, картина на главной улице был почти что точней копией той, что Август наблюдал на мосту, так что он не особо обращал внимание на хаос в городе. Поваленные повозки, дерущиеся горожане, пьяная стража и бунтующие нахлебники, что толпами шли по улице и выкрикивали что-то на родном языке.

— Разойтись! Немедля! — раздался зычный голос дальше по улице. — Полк имени Князя Иона Третьего под командованием Полковника Исака требует проход!

Вдали виднелись флаги Аркадии, остроконечные шлема, тысячи копий, поднятых к бледному солнцу. Солдаты Исака маршировали по главной улице так, будто горожан для них не существовало. Не прерывая строй, они в тупую шли напролом, расталкивая людей своей могучей грудью и топча не успевших отойти.

Горожане, недоумевая, ахали и в панике прижимались к бокам улицы, а нахлебники-бунтовщики смело встали посреди улицы и, держась друг за друга, шли на солдат.

— Мы требуем сдаться Элтийцам! Эта война бессмысленная! — кричали они хором, не останавливаясь. — Сложите мечи и щиты!

Чем дальше Август шёл, тем больше он удивлялся. Он ещё никогда не видел, чтобы народ желал быть истреблённым и сожжённым на костре. Бойцы авангарда опустили пики и, выставив щиты, стремительно двинулись на бунтующих. Между ними оставалось лишь двадцать шагов, а безумцы никак не отходили и тогда свершилось то, чего Август совсем не ожидал.

Сотня копий вонзилась в груди обезумевших мужей и жён, копыя пронзали их насквозь, а щиты уложили на землю. Вторая шеренга из мечников протиснулась вперёд и принялась рубить всех подряд. По плитам вновь полилась кровь, над улицей высились громкие крики мужей, женщин и детей, что уцепились за своими родителями.

Август сплюнул. Огонь, что воспылал в его сердце после речи Люциуса, начал угасать. Наблюдая за этим безумством, он понял, что врагов у Княжны много.

Несмотря на то, что ряды бунтовщиков стремительно редели, они никак не отступали, — стояли и слепо наблюдали, как на лево и на право косят их товарищей.

Мечники, добив большую часть недовольных горожан, встали в нескольких шагах от последней линии бунтовщиков. Они всё так же стояли. В глазах Август видел страх, которые они тщательно пытались скрыть, но дрожащие конечности и стиснутые зубы их знатно выдавали.

— Мы не отступим! — крикнул ветхий парень, одетый в старые лохмотья.

Солдаты молча смотрели на них и, наверное, ухмылялись под шлемами. Из полкового построения вышел всадник в золочённых доспехах и с подобием стальных крыльев на шлеме.

— Добить изменников! — приказал, видимо, сам полковник Исак.

Воины, пожав плечами, замахнулись мечами и двинулись на жалкие остатки бунта. Августу эта картина не нравилась, ведь он знал, к чему может привести такая стычка. К революции.

Бунтовщики не стали дожидаться, когда мечи раскроют им черепа, потому все вместе, будто по выученному сценарию, нырнули под взмахи меча и повалили воинов. Кто-то умудрялся вырывать из лап солдат мечи и пронзать хозяев, а кому-то везло меньше и кинжалы вонзали в их глотки или черепа. Те, кому удавалось выхватить меч, помогали другим, но все попытки показать себя были без всякого смысла.

Полковник Исак поднял махнул рукой и копейщики, стоявшие за его спиной, быстро двинулись вперёд. Копья вновь пронзали тела, а мечники, сумевшие выбраться, добивали выживших везунчиков. Тот худой парень в лохмотьях на удивление сражался до последнего и весьма хорошо, ибо никто не решался к нему подходить. Все хотели жить.

— Я вас всех зарежу! Суки вы княженские! — верещал парень, пятась и угрожая мечом. — Я требую разговор с княжной!

Воины же медленно начали его окружать.

— Твою грязную морду и гнилые зубы нельзя показывать Княжне! Убейте изменника, живо! — злобно приказал Исак.

— Полковник Исак! — крикнул Август, подведя коня на почтительное расстояние к командиру. — Вам не кажется, что убивать последнего бунтовщика, что, вроде как, является зачинщиком, — не разумно?

— Смотрю, у тебя есть лишняя голова, раз ты вот так нагло заявляешь мне, великому полководцу своего времени, что разумно, а что нет!? — взъелся высокомерный ублюдок.

— Безусловно, у вас больше опыта, чем у меня, ведь вы великий из великих, как вы сказали, — прошипел Август. — Но я, в отличие от вас, сражался по всему староземью и уж поверьте, такие сцены обычно приводят к перевороту.

— Н-да? И что же ты, щенок, предложишь? Давай, я весь во внимании!

— Взять этого зачинщика под плен, а затем выведать всё, что он знает. Возможно, он работает на Элтию.

— Хм... и вправду, вполне возможно, — задумался он. — Отставить убийство зачинщика! Взять его в плен! А вы, господин, можете идти, куда шли.

Август пожал плечами и повёл коня дальше по улице, в обход полкового построения. Выйдя на перекрёсток, Август заметил на углу ту самую библиотеку, о которой говорил Люциус. Над входом, что выглядел весьма необычно для местной архитектуры, к стене прибил громадную табличку с надписью: “Перо Короля”.

— Наконец-то... — прошептал недовольно путник.

Деревянная дверь открылась и над входом зазвенел колокольчик. Библиотека была почти что пуста, только книги на полках, что упирались в дальнюю стену, и то большая

часть полок была пуста. Люди не читают во время войны, так что, видимо, всё было пущено на печи. В приёмной тоже никого не было, однако на столе, подле каких-то документов, стыла чашка чая, а рядом лежал кусок хлеба.

— Есть кто? — крикнул Август.

Ответа не последовало.

“Наверное, документы где-то в ящиках”

Август, осмотрев библиотеку, убедился, что он здесь один и уселся за письменный стол. Ящиков было немного, но все они были забыты разными книгами и бумагами. Он открыл первое и обнаружил бутылочку с розовым зельем, смутно похожим на зелье влюблённости. Эта штучка ему не нужна, поскольку он и так мог влюбиться в себя любую.

— Здесь кто-нибудь есть? — раздался голос из недр библиотеки.

Август закрыл ящик и спешно скрылся среди полок, откуда всё ещё открывался вид на приёмную и окна, выходящие на перекрёсток, где собирались вооружённые люди. Не войны, а скорее местная группировка гражданской обороны. Патриоты, проще говоря.

Молодая девушка с длинными чёрными волосами вышла к приёмной и вопросительно посмотрела на перекрёсток. Видимо, её это сборище тоже смутило. Усевшись в кресло, она продолжила пить чай и доедать булку, а также читать документ.

Выглядела девушка, по мнению Августа, очень даже ничего. Ухоженная, красивая, добрая по чертам лица. Удивительно, что она ещё жива и не работает в борделе. Обычно таких девушек ловили в переулках или на ночных улицах, а затем продавали на чёрном рынке.

Девушка начала петь незамысловатую песенку о том, как эльфы сражались с тьмой. И как раз на припеве в библиотеку ворвались те сомнительные личности. Толпа оборванцев с мечами, булавами и топорами, толкаясь, прошла к приёмной.

— Это всё нужно сжечь! — крикнул, судя по пышными усам и странной пиратской шляпе на голове, их предводитель. — Литература, отправляет разум горожан!

Библиотекарша испуганно вскочила из-за стола и возмущённо взглянула на толпу.

— Это нельзя жечь!

— Молчать, ведьма! — крикнул здоровый мужик, шагнув к ней и со всей силой ударив кулаком по лицу так, что она отлетела к стенке и затылком ударилась об висевшую там картину. — Господин Вуль, можно мы развлечёмся тут с ней, пока вы...

— Делайте что хотите, но библиотеку сожгите! Я пока пойду разберусь с людьми Мышелова, а то они больно много возмущаются!

Мужчина в пиратской шляпе ушёл, а его бойцы начали бить топорами и булавами книжные полки и сами книги на них. Здоровяк же схватил библиотекаршу за горло, поднял над полом и разложил на письменном столе. Задрал платье и, сорвав нижнее бельё, спустил свои штаны, выпустив на свободу ужасное отродье самого ада.

— Нет! Не надо, пожалуйста! — запищала девушка, пытаясь оттолкнуть от себя вонючего ублюдка.

Прежде чем отродье ада между ног было использовано, Август дёрнул с пояса ножик, который удачно кинул прямо в голову насильника. Нож пронзил ему челюсть, несколько зубов вместе с кровью вылетели изо рта. Прежде чем здоровый осёл опомнился, Август подпрыгнул к нему и, швырнув его к стенке, ловким взмахом кинжала вспорол ему брюхо, а затем глянул на остальных бойцов.

Те, недоумевая, смотрели на непонятно откуда взявшегося рыжего парня, а затем

ринулись на него. Август быстро вернулся обратно и, прижавшись к полкам, дождался, когда первый выйдет из-за угла, а затем вонзил ему в глотку кинжал и швырнул в сторону.

— Окружай его! — крикнул кто-то у входа.

С полок на Августа спрыгнул ещё один человек, которому повезло вонзить ножик ему в бедро. Август выругался и оттолкнув от себя худого парня, пнул его ногой по колену, встал и ели как добил его, вонзив кинжал в пах.

С другой стороны, на Августа накинули ещё двое и безвыходная ситуация, в которой не помогал даже эффект Магнуса, ему оставалось лишь отступить. Нога вдруг отказала, и он упал, а меч и топор уже летели на него. Благо, хватило сил отползти, потому топор приземлился в аккурат между его ног, чудом не задев хозяйство. Он взмахнул рукой и в плечо неудавшегося дровосека вонзился ножик. Мечник же вновь рубанул, но задел лишь прядь волос на макушке. Ему Август зарядил в колено так, что бедняга свалился, а затем почувствовал холодную сталь в поясице.

С трудом встав на ноги, Август опёрся об книжные полки и попытался прийти в себя. Ему было жутко плохо, горло жгло, мысли путались, хотелось пылицы. Держась об полки, он вернулся к приёмное. Библиотекарша, забившись в углу, с ужасом смотрела на рыжеволосого мужчину с довольно-таки злым лицом.

— Я Август Ольский, меня послал сюда Люциус Темнохвостый, — прохрипел он, усевшись на край стола.

— А-август? А... точно! Грамоты и пропуска! — вспомнила девушка.

Дрожа, она подошла к картине, об которую ранее ударилась, сняла её. За картиной, в стене, был железный ящик с замысловатой ручкой, которую девушка начала зачем-то крутить.

— Что это?

— Сейф. Валлийцы придумали.

Пока девушка открывала сейф, Август достал из сумки бинты и, слегка разорвав штанину, быстренько всё перебинтовал, а затем уставился на девушку, что до сих пор открывала сейф.

— И часто такое бывает?

— В моей библиотеке такое случается первый раз, — буркнула девушка. — Они уже около месяца занимаются таким, врываются в библиотеки, церкви, сжигают там всё, а потом безвинно уходят.

— И почему стража ими не занимается?

— Они заодно с армией. Эти фанатики недавно придуманной религии считают, что книги и прочие “ложные религии” являются причиной столь тёмных времён, — ответила девушка и наконец-таки открыла сейф.

Из железного и весьма толстого ящика она достала те самые документы, ради которых было пролито столько крови.

— Тут грамота, с которой тебя пустят во дворец Княжны, а ещё документы с отзывами о твоей работе... наёмника, как я поняла. Также Люциус просил передать тебе это... — девушка достала из сейфа кошель и вручила его Августу. — Этих денег должно хватить для подкупа разных лиц, чтобы получать от них информацию.

— А этот умник случайно не прописал мне реплики, которые мне нужно сказать княжне?

— К сожалению, нет. Тебя либо выгонят из зала, либо всё же примут твою верность и

меч, а может быть... казнят.

— Спасибо. Утешила.

— Всегда пожалуйста! — улыбнулась она и, закрыв сейф, посмотрела на залитые кровью полы и трупы. — Это всё. Можешь идти.

— Лучше тебе закрыть библиотеку, а лучше и вовсе уехать из города, пока не поздно, — посоветовал Август, спрятав документы в сумке.

— Знаю. Библиотеку я закрою, но ехать мне некуда, так что остаётся лишь надеяться на победу наших войск, — она тяжело вздохнула и принялась убираться.

Август же, кинув её на стол парочку золотых монет, удалился. С трудом оседлав коня, он помчал в сторону замка. По улицам маршировали военные полки, кавалерии и командовали полковники.

Великая Княжна

Зал Княгини выглядел далеко не так, как себе его представлял Август, поднимаясь по нескончаемым лестницам. Тут совсем не было той обыденной роскоши, которой прочие царьки украшают свои залы, подчёркивая статус и богатства страны. Аркадия же не была бедной страной, ибо играла роль торгового государства. Денег у них было хренова гора с тучкой.

Серые стены были украшены лишь старыми портретами прошлых Князей, а высокие окна были завешаны выцветшими багровыми шторами, через которые проникал тусклый бледный свет. К креслу, на котором сидела княжна, вела дорожка из узорчатого ковра, а по обе стороны стояли столбы, подле которых стояли стражи.

— Княжна Хельга, представляю вашему вниманию Августа, также известного, как Лис Павший Полководец, — представил его лакей с напудренным лицом и пышным париком. — Он хочет говорить с вами.

— Пусть пройдёт, — прозвучал женский голос из недр зала.

Кресло Княжны было пусто. Август неуверенно пошёл к трону, с подозрением поглядывая на стражников, коих тут было аж целая дюжина. И все были закованы в хорошие доспехи. Достигнув трона, он оглянулся и увидел девушку в пышном платье и с распущенными золотыми волосами, что были ей по плечи. Сам Княжна Хельга уселась на трон и, закинув ногу на другую, уставилась на гостя.

— Ваше высочество... — прошипел Август, упал на колени и склонив голову.

Княжна вдруг засмеялась, как и стражники заодно с лакеем.

— Прости, что тебя не предупредили насчёт этого. У нас, в Аркадии, не принято склонять голову перед Княжной, — через лёгкий смешок объяснила Хельга. — Так, что же тебя привело сюда?

— Я — Август Ольский. Думаю, эта фамилия вам знакома, как никому другому. Я бывший полковник Братства Дмитри, правая рука Ореона Ольского. Хочу предложить лично вам свой меч и свою верность.

— И какая же выгода мне от тебя? Я к тому, почему обычный наёмник, пусть и полковник, попросил личную встречу со мной? — недоумевая, спросила княжна.

— Но вы же согласились на неё, а значит уже увидели в моём присутствии выгоду, — прошипел Август. — К тому же, вам предстоит воевать с элтийскими армиями и Братством Дмитри, а я, как никто другой, знаю все их хитрости и тактики. И будьте уверены, это не простые стратегические повороты в ходе битвы, а полномасштабные тайные операции, которые заранее ослабляют армию противника.

— Допустим, но почему я должна тебе доверять? Вдруг ты всё также работаешь на своего Ореона, — прищурившись, заподозрила она.

Из боковых комнат к креслу Княжны подбежал Лакей, который наклонился к ней и что-то прошептал.

— Ага... так вот как... — задумалась девушка. — Так вот о ком ходят такие невероятные слухи. Значит, ты всю жизнь сражался с Элтией, потом на её стороне, а затем был предан своим же Генералом, который видел в тебе лишь машину для убийств. Забавная у тебя история.

— И каково ваше решение?

— Даже не знаю. Очень сложный выбор, — девушка задумалась, метая взгляд от люстры с Августу и обратно. Она откинулась к спинке кресла, вздохнула и нагнулась к Августу. — Ты, как очень вкусный червяк, насаженный на крючок.

— Не считите за грубость, но вы как очень большая рыба, способная и червяка съесть и на крючок не попасться, — лишь слегка уколотся, — выдал Август. — Это я к тому, что вы в любой момент можете приказать меня убить, если усомнитесь в моей верности.

— Смело, — подметила княжна. — Но больших рыб, бывает, всё же можно поймать, но... я рискну, ибо такой человек, как ты, сейчас мне и нужен.

— Это значит, что вы согласны?

— Август, не заставляй меня уже усомниться в твоём уме, — усмехнулась девушка. — Прежде чем принять тебя на службу, мне нужно кое в чём убедиться. Иди-ка за мной, рыжий мальчик.

Княгиня аккуратно встала с кресла и, спустившись с пьедестала, прошла в коридор, а Август, вместе с несколькими солдатами, последовали за ней. Княгиня скрылась в какой-то комнате, у которой стояла парочка стражников. Люциус вместе с лакеем вошли за ней и обнаружили там старую каргу, очень походившую на ведьму. Хотя, возможно, ею она и являлась, если судить по наличию сотни разных настоек на полках, трав и непонятных штук, а ещё по ужасной вони.

— О-о-о! Моя княжна, как же я вам рада! — прохрипела старуха, сжав в руках ладонь девушки, а затем поцеловав.

— Неси, ты можешь заглянуть в будущее этого человека? — спросила Княжна, отобрав свою руку. — Узнать, причинит ли он зло моему народу?

Карга презрительно осмотрела Августа с ног до макушки, почесала громадную бородавку на большом носу, а затем вытащила из-под мантии ножик, с которым подошла к нему и протянула свободную руку.

— Что?

— Дай ей руку, придурок, — прыснула Княгиня.

Август недоверчиво протянул руку. Карга быстро схватила её и, несмотря на возраст, довольно крепко сжала. Ловким движением она прошлась острием ножа по ладони и ухмыльнулась. Она слегка нагнулась и подняла кровоточащую руку над собой. Кровь с ладони полилась в её рот, и она удовлетворённо, совсем без отвращения, глотала её.

Опустив руку, старуха почавкала, причмокнула сухими губами и, видимо ослабев, упала в кресло. Её глаза закатились, а тело бросилось в дикую дрожь.

— Я вижу... вижу... — хрипела девушка, пытаюсь держать обычный тон голоса. — Что хитрый лис... поведёт твою армию, Княжна, к победе... вижу, что за эту победу мы все заплатим кровью, а ещё вижу м-м-м... дикий огонь, полыхающий и царственный огонь, вижу смерть, моря крови и орду северных ворон, что пожирают белых птиц. Всё.

Старуха вдруг застыла, хрустнула косточками и встала, будто ничего не случилось.

— И насколько этому будущему можно верить? — спросила Княжна, сложив руки на груди.

— Я когда-нибудь ошибалась? — возмущённо спросила карга, продолжив варить свои зелья.

Княжна в ответ пожала плечами и повернулась к гостю. В её глазах он видел громадное сомнение в сказанном старухой.

— Что-ж, Неси никогда не подводила меня, так что... — пробурчала Княжна. — Я

принимаю твой меч и верность, но раз ты знаешь все хитрости Ореона и Элтии, ты будешь мой личным советником во всём этом хаосе. И поверь, если ты посмеешь предать меня или что-то в таком духе, то ты умрёшь самой мучительной смертью.

— Верю... — неуверенно произнёс Август.

— Я не любительница формальностей и бюрократии, потому следуй за мной, познакомлю тебя со столбами Княжества, — она махнула рукой и вышла в коридор. — Стража, за мной!

— А это обязательно? — запаниковал Август, следуя за ней по коридору. — Просто, мне кажется, что они отнесутся к моему внезапному появлению... несколько недовольно.

— Я назначила тебя, как личного советника, так что, считай, ты второй, по власти, человек в стране. После меня, конечно же, — они обязаны прислушиваться к тебе, а ты же имеешь право, в случае чего-то, менять приказы для наших войск.

— И Верховный не будет против?

— Возможно и будет, но тогда я ему пригрожу и всё.

— Угрожать во время войны своему генералу, — задумался Август. — А вы смелая и безумная женщина, я посмотрю.

— Даже если Генерала устроит такой расклад, у меня есть десятки человек, не уступающих ему по знаниям и опыту, которые готовы друг другу глотки перегрызть, только чтобы завоевать моё внимание, — отмахнулась Княжна. — К тому же, у меня есть ты, который тоже может занять пост Генерала, если судить по предсказанию старухи.

Княжна и её личный советник вошли в Зал Совета, где за длинный столом сидело несколько человек, представляющих разные аспекты власти. Среди всех выделял старый мужчина в белой мантии, напоминавший верховного религиозного фанатика. Его черты лица были слишком суровы для того, кто всю жизнь служил представителем Бога.

— Вашему вниманию, Август Ольский...

— Мы знаем кто это такой, — буркнул Священник, стуча пальцами по столу. — Враг народа, полагаю.

— А ещё полковник Братства Дмитри, — подметил, судя по доспехам, Генерал. — Ублюдок, проще говоря.

— Не забывайте и о заказных убийствах, на которых он убил тысячи невинных людей, — буркнул толстый мужчина с золотыми цепями на шее. Казначей.

— А как же грабежи наших караванов? Этот человек лично убил десяток моих лучших распорядителей! — недовольно высказался Глава Торговой Гильдии.

Представители власти начали недовольно ворчать, их нытьё и возмущения сплелись и обратились в непонятно шумный срам. Княжна недовольно фыркнула и, подойдя к столу, со всей силой, что таилась в её хрупком тельце, ударила по столу, заставив замолкнуть всех недовольных.

— Заткнитесь, — прошипела она. — Август отныне мой личный советник и, как и я, имеет над всеми вами власть. Так что будьте добры слушать его и уважать также, как и меня!

Все замолчали. В зале наступила мёртвая тишина. Лакей, всё это время державший в руках карту, прошёл к столу и разложил её перед Княжной. Девушка недовольно уткнулась в карту и также хмыкнула, а затем презрительно посмотрела на Генерала.

— Генерал Руслав, вам уже известно, когда выступит элтийская армия?

— Боюсь, Княжна, она уже выступила. Этим утром до меня дошла весть, якобы, элтийская армия в двенадцать тысяч солдат взяли Золотые Венцы и, по словам местного

шпаба, собирается вторгнуться к водопадам, — рассказал Генерал. — Также с севера, вдоль Отстрогорья, движется армия в двадцать тысяч человек, а с Юга движется орда Братства Дмитри.

— Они хотят зажать нас со всех сторон, — буркнул Казначей, поглаживая пузо. — С этим надо что-то делать! Может быть, мы тоже наймём наёмную армию или же выкупим Братство.

— Поверьте, Казначей, — начал Август. — Ореон не тупой, да и его люди тоже. Они не примут нашу сторону, если знают, что победа за ними. А что до другой армии, то от них будет мало толку. Ореон единственный Генерал, у которого есть принципы — не сбегать с поля боля и сражаться до последнего.

— То-есть, ты уже заранее похоронил княжество... — прошипел Генерал.

— Нет, Генерал, но я привык смотреть правде в глаза. Те войска, что вторглись сейчас — это лишь малая часть основной армии. Всего-то тридцать две тысячи, не считая наёмников. Из трёх сотен тысяч, что базировались в Староземье, вы перебили лишь сотню, а осталось ещё двести тысяч.

— Сука... — вякнул Генерал. — У нас армия в сто тысяч! Против нас же двести! Княжна, эту войну невозможно победить!

— А теперь прикинь, что большая часть вашей армии будет уничтожена, пытаюсь хоть как-то перебить ту малую часть.

— И что же предложишь делать? — спросила Княжна, глядя на Августа.

— Та армия, что движется к водопадам пройдёт через ущелья, где их можно будет не просто затормозить или оципать, как кур, а начисто перебить всех до последнего, — задумал Август. — Ущелья можно закрыть с обеих сторон, устроив нехилый завал, а затем перебить сверху, используя руки, стрелы и огненный сок. Остатки же умрут с голоду или вырежут себя сами.

— Думаю, элтийцы не настолько тупые, чтобы идти через ущелья, — вякнул Генерал.

— Да, они не тупы, но они самоуверенные. Сколько бы побед у вас не было, элтийских Генералов приучают всегда наедаться на хорошее, закрыть перед правдой глаза.

— А что прикажешь делать с армией Севера? — вновь спросила княжна.

— Армия большая, а значит двигаться будет очень медленно. Туда стоит направить диверсионные отряды, а также небольшую армию, дабы они совершали маленькие побеги. Тогда численность армии сократится, затем мы ломаем все мосты на реке и встаём у ближайшего брода. Там авангард замедлится, и лучники спокойно смогут обстрелять их, а там уже... победа будет за нами.

— Чёрт... а это хитро... — заметил Генерал. — Я распоряжусь об этом.

— Владислав, что с казной? — спросила Княжна, глядя на пухлого казначея.

Полный монетчик вдруг напрягся, откашлялся и со страхом в глазах посмотрел на княжну. Пытался. Его взгляд вечно метался из стороны в сторону, лишь бы только не смотреть ей в глаза.

— Всё... довольно плохо, Княжна. Почти все деньги уходят на то, чтобы народ чувствовал себя комфортно, не голодал, но и этих денег не хватает для них, поскольку больший процент уходит на поддержку церкви, — выдал Владислав, презрительно посмотрев на подозрительного старика.

Княжна тоже посмотрела на Церковника и подняла одну бровь.

— Видите ли, Княжна, вера, во время войны, это самое важное для народа! Только так

они ещё сохраняют рассудок и не готовят переворот, — прохрипел он. Лицо его ничего не изображало.

— Говорите, помогает сохранить рассудок? — усмехнулся Август, незаметно оказавшись за спиной у священника. — Когда я шёл по главной улице, я видел, как полководец приказал перерезать протестовавших людей. Затем я решил посетить библиотеку и там обнаружил толпу фанатиков, решивших, что книги — это зло для народа, а потому их нужно сжечь. И, несмотря на их религиозную принадлежность, они пытались изнасиловать библиотекаршу.

— И что же вы сделали? — спросил Владислав.

— Полковника я уговорил сохранить жизнь зачинщику протеста, а фанатиков перерезал, — холодно ответил Август. — Выходит, что церковь не справляется со своими обязанностями, а значит стоит прекратить финансировать её.

— Какая наглость! — взвыл священник, вскочив из-за стола и попытавшись ударить Августа, который весьма быстро схватил его за кисть и прислонил кинжал к глотке.

— Август, отпусти кинжал и руку Отца, — буркнула Княжна.

— Да? Почему бы мне его не убить? Он знает, что народ страдает, голодает, но в наглуую тратит все деньги на себя любимого! — заявил наёмник, задрвав длинный рукав мантии и показав несколько золотых колец с дико дорогими камнями. — Это кольцо Ольфеса, только одно стоит две тысячи золотых. А их тут целых пять, мать вашу!

Княжна тяжело вздохнула.

— Отец, продайте кольца на чёрном рынке и потратьте на нуждающихся, а не на себя. Если к следующему собранию я вижу у вас кольца, прикажу казнить и вас, и вашу семью.

По её тону было видно, что она блефовала и вовсе не желала такой участи для священника. Август впал в замешательство. Он, конечно, был ещё тем добряком, несмотря на колкость. Не любил, когда убивали невинных людей, но с удовольствием смотрел на ублюдков, что ради себя готовы обречь своих друзей на смерть, а потом с довольной ухмылкой пожирать пускать кровавое золото в ход. Священник, как раз, был одним из таких ублюдков, которым не стоит давать шанса, иначе они будут этим пользоваться.

— Лучше будет его арестовать, — предложил Август, хлопая старика по плечу. — Такие, как он, не воспользуются вторым шансом и сделают всё, лишь бы сохранить свой зад. Можно подумать, что это всего-то тупой старик, которые ничего и некому не сделает, но вы даже не представляете, на что готовы пойти люди ради золота.

— Уверен? — спросил Генерал. — Религия — это стержень для столбов власти. Люди до сих пор не устроили переворот только из-за веры.

— Как раз-таки из-за веры они его и устроят. Поверьте, я с самого детства воевал. Буквально. И подобную картину видел ни раз. Вера в руках алчного старика обычно приводила к тому, что фанатики убивали правящую верхушку и сдавали город Братству. А когда мы входили на улицы городов, то видели усыпанные трупами дороги, в воздухе стояла вонь разлагающихся тел, а вороны жадно пожирали опарышей.

— Да будет так, — буркнула Княжна. — Арестуйте Отца Смирлава!

Стражники, стоявшие рядом с княжной, быстро метнулись к старику. Один ударил горбатого по спине, а второй по животу, а затем они его скрутили, бросив на пол и, заковав в цепи, увели. Август весьма удивился полному спокойствию Смирлава. В глазах его пылала злость, которую он не хотел выказывать, а потом ему оставалось лишь терпеть.

— Он у нас первый день, — буркнул Казначей, — а у нас уже поймали изменника. Не

хотелось бы этого говорить, но он мне нравится. Он не смотрит на внешний вид, на титул, а думает, анализирует и со всем вниманием заглядывает в душу.

— Думаю вы, Август, приведёте нас к победе, но... мало вероятно, что ваши планы по сокращению вражеской армии сработают, — подметил Руслав. — Но что нам делать с армией Братства Дмитри, что движется с севера?

— Да, что с ним-то делать? — поддержала вопрос княжна. — Они выдвинутся из мёртвых лесов, а значит у них на пути будут лишь поля и не единого стратегически выгодного для нас места.

Август посмотрел на карту и убедился, что они говорят правду. Братство может тупо пройти по бесконечным полям и уже через несколько дней оказаться у стен Перлграда. Если остальные не видели стратегически выгодных мест, то Август видел выгоду в реке.

— Мы можем замедлить армию, разрушив мосты...

— Полковник Август! — рявкнул Генерал. — Наша цель — победить, а не обороняться!

Август недовольно хмыкнул.

— Иногда, Генерал Руслав, самая лучшая атака — это оборона. Насколько я понял, ваша казна весьма велика, хоть и быстро пустеет, но её, предполагаю, хватит, дабы поддерживать структуры и населения столицы. Северо-восточная часть страны не оккупирована и останется свободное до последнего хранителя столицы. Через те болота вполне можно перевозить еду и прочий груз, подпитывать город.

— Рано или поздно они обойдут столицу...

— Да, но к этому времени склады уже должны быть забиты припасами.

— Мне кажется, тут ты не прав, Август, — вмешала Княгина. — Братству Дмитри стоит сразу же дать бой, перебить их всех и не волноваться за тылы.

Август прорычал.

— Если вы хотите проиграть, то вперёд. Отправляйте им на встречу армию. Они будут знать о ней заранее и успеют подготовиться. Армия будет уничтожена, и они смело ударят по столице раньше элтийцев.

— Неужели у них хватит войска, чтобы осадить Перлград?

— Для осады нет, но Ореон не лаком деланный, а потому у него есть около сотни вариантов по тому, как можно взять город, не губя своих людей под стенами, — поведал Август, хитро улыбаясь. — Я и сам подметил несколько способов. Они могут взять город, пройдя через канализацию, либо же предложить переговоры и, оказавшись внутри, начнут учинят хаос, на который отвлекутся ваши солдаты, что позволит его солдатам без особого труда войти в город. Так же они могут... послать весьма отважного чудака, чей клинок вонзится вам в спину. Вы даже не сумеете понять, кто вас убил. Не хотелось бы говорить, но этот человек вполне может сейчас находится среди нас.

Генерал Руслав вдруг вскочил и потянулся за мечом.

— И это ты! — заявил он с такой гордостью и злостью, что аж слюни оставили свой след на карте.

— Сир Руслав, не кажется ли вам, — вмешался казначей, — что вы не правы? Августу нет смысла воевать за тех, кто его предал.

— Верно, в этом нет смысла, — буркнул Мейсуф. Главный торговой гильдии. — Я хоть и не мудрец, но господин Август, сдаётся мне, не из тех людей, готовых променять честь и гордость на жалкое признание предателей.

— Спасибо, — Август покорно поклонился. — Если позволите, я удалюсь, дабы

допросить неудавшегося бунтовщика и вашего... священника. Смирлава.

— Что? Зачем? — поинтересовалась княгиня, оглянув советника подозрительным взглядом.

— Я считаю, что в городе есть некие преступные группировки, которых финансирует элтийская разведка. И, полагаю, из этих пленников можно выдавить много информации, которая поможет не сдать столицу раньше срока, — Август вновь поклонился на прощание и заметил возмущённый взгляд княгини. — Простите за такую наглость княжна, но моя цель — защитить вас, а значит и вашу страну.

Август переступил порог, и стражники закрыли за ним двери. Члены совета, недоумевая, ещё долго пялились на дверь. Даже, казалось, невозмутимые стражники переглядывались.

— Меня тревожит очень интересный вопрос. В чём выгода Августу сражаться на нашей стороне? Почему бы ему просто не засесть где-нибудь и доживать деньки? — спросил казначей, натирая пузо.

— Лично я думаю, что он здесь по приказу какой-то третьей стороны, — предположил Генерал. — Может, он от Варлийской Разведки?

— Варлийская Империя ясно дала понять, что не будет за нас сражаться и скорее поддержит Элтию, нежели маленькую страну, — напомнила Княжна. — Неважно на кого он работает и по чьему приказу он тут. Он на нашей стороне и это уже хорошо.

— Он служит кому-то могущественному, — буркнул Мейсуф. — А значит, что этот некто в любой момент может перевернуться на другую сторону.

— Поживём, — увидим, Мейсуф, — буркнула Княжна. — Генерал, выполняйте операцию по сдерживанию элтийской армии, следуя инструкциям Августа.

— Как прикажите, моя госпожа!

Генерал встал из-за стола, поправил мундир и доспех, легонько поклонился и, маршируя, удалился.

— Теперь вы, господа экономисты...

Лисья Кара

С последнего совета прошла уже неделя. За это время Август успел неплохо так укрепиться у власти, он сумел наладить контакт с несколькими борделями, чьи прекраснейшие хозяйки без особой платы согласились докладывать Августу всё о подозрительных лицах и о том, что творится в преступном мире. Без его внимания также не остались лояльные преступные банды, что не сумели устоять перед отрядами солдат и сразу же согласились сотрудничать с властью. И, несмотря на столько информационных проводников, он всё же сумел найти бунтовщиков, задумавших переворот и фанатиков, озабоченных своим божеством, ради которого они готовы пойти на всё.

Священник, который должен был сломаться при виде раскалённого кинжала, молчал.

— Я лучше сдохну, чем предам соратников! — эти слова Август различил среди ужасающих стонов, вызванных прижатым к шее раскалённым железом.

Стало понятно, что культ этот и вправду существует и власть его куда больше, нежели думал Август, а сам священник был не только зажиточным чином, но и изменником в двойне. Узнав об этом, Княжна разрешила оставить старого фанатика в темнице до самой смерти, как и того бунтовщика, которого пощадил полковник Исак.

Несмотря на хрупкое телосложение и вечные мольбы о пощаде, бунтарь не собирался выдавать своих единомышленников, как и священник. Да и юношей Август не особо-то и занимался, ибо решал вопросы с борделями и преступниками. Но теперь, когда сети закинута и расставлены капканы, Август мог со всем своим многолетним опытом подойти к делу с переворотом.

Войдя в темницу, представляющую из себя коридор с очень тусклым освещением, он встретился с командиром разведки, что стоял в окружении нескольких солдат. На полу, посреди коридора, лежал избитый до кровавого месива пленник, помеченный весьма сложной татуировкой на шее.

— Что это? — спросил Август, пнув окровавленное тело. — Он живой?

— Это, Господин Август, бунтовщик, пойманный вашими... союзника с рыбной улицы, — доложил командир. — Он и ещё несколько человек решили проникнуть в склад с оружием тамошней банды, но прокололись.

— А где остальные?

— Они предпочли смерть. Причём, не от рук бандитов, а от своих же кинжалов, — мрачно ответил командир, пнув пленника, от чего он слабо застонал. — Этот же не решился вскрыть себе глотку.

— Тащите его в камеру с Азалем, бунтовщиком, — приказав, Август переступил полудохлое тело и, протиснувшись меж солдат, неспешно скрылся в одной из сотни камер.

Азаль сидел на весьма удобном кресле, оббитом бархатом и изуродованным засохшей кровью и гвоздями. Его бледные руки в буквальном смысле были прибиты к подлокотникам гвоздями, из-под шапок которых сочился едва заметный гной, перемешанный с кровью. Длинные сальные волосы, испачканные кровью, скрывали его лицо, с которого на груди текла струйка крови из недавно отрезанного кончика носа.

— Тебя так никто и не перебинтовал? — ухмыльнулся Август, открыв сумку с инструментами. — И сколько же ты истекаешь кровью? Неделю, две?

— Шесть... дней... и двенадцать часов, — прохрипел Азаль. — Тридцать пять минут...

шесть... семь... восемь секунд.

Август довольно хмыкнул и, схватив парня за волосы, поднял его голову и ударил об спинку стула. Обрубок носа уже загноился и из дырок текла непонятная жижа, напоминавшая сопли, но смешанная с гноем и кровью.

— Считай, ты уже труп, Азаль, — подметил Август. — Может быть, ты наконец-таки скажешь, кто ваш предводитель и где его найти?

Парень шмыгнул носом, вернув обратно гнойные сопли, а затем улыбнулся, показав ряд разбитых молотком зубов. Август повидал многое, но эта картина пугала даже его. В голове созрел очень интересный вопрос:

— Чёрт, Азаль, как ты ещё жив? Ты не ел и не пил целую неделю, из тебя ручьями хлещет кровь, а ты... всё так же крепок...

— Я — истинный аркадиец! Поэтому и жив... — заявил он, подавившись гной соплёй, которую он сплюнул себе на колени.

Август отпустил его волосы и вернулся к сумке с инструментами, откуда он достал железную палку.

— Знаешь, что будет, если элтийцы всё же победят в войне и завоюют Орсию? — спросил Август, кинув железную палку в ведро с раскалёнными углями. — Они сожгут большую часть населения на кострах, не деля их на бедных и богатых, на своих и чужих. Они сожгут тебя, твоих детей и родителей без всякого сожаления и мук совести.

В камеру затащили полумёртвого пленника, которого посадили на колени перед Азалем, чьё лицо вдруг изменилось.

— Знаешь, каково это, гореть на костре? — спросил Август, дёрнул старого пленника за волосы и глянув ему в глаза, которых почти не было видно из-за синяков. — Тебя привязывают к балке, под тобой хворост, который поливают огненным реагентом, а затем поджигают. Огонь медленно, но верно нарастает, превращается в большой огненный цветок. Жадные огненные языки медленно облизывают твои ноги, принося боль, что будет похуже адской. И ты ничего не можешь с этим поделать.

— Бред! — заявил Азаль.

— ...и тебе лишь остаётся терпеть, а терпеть не выйдет, ибо боль невыносима, а ещё остаётся смотреть на то, как сжигают твоих близких людей, детей, друзей, родителей, — мрачно закончил Август, надевая рукавицу. — Можешь представить эту боль?

— Не могу.

— А я могу тебе её показать, но лишь малую её часть...

Он взял раскалённую железяку и быстро прислонил её к шее старого пленника. Старик закричал так сильно, что его голосовые связки в мир порвались, а раскалённая железяка сожгла их. Он наблюдал за лицом Азалья, что скорчилось от ужаса.

— Отец! — рявкнул вдруг Азаль.

Август кинул палку обратно в ведро и, выдернув из чехла нож, прижал его к глотке старика.

— Теперь расскажешь? — спросил Август. — Поверь, мне легко убить человека, но... если ты продолжишь, мне придётся и дальше мучать его. Поверь, в пытках я очень хорош.

Старик что-то промямлил, а Азаль замолк и опустил голову.

— Поверь, Азаль, я могу сделать тоже самое и с другими членами твоей семьи. Мне не составит труда их найти, — сорвал Август, легонько дёрнув ножиком. Струйка тёплой крови потекла по кадыку.

— Хорошо, ублюдок, я тебе всё расскажу, — прошипел Азаль.

— Хороший мальчик... — заметил Август, пнув старика в сторону. — Я тебя внимательно слушаю.

— Его зовут Брандин-Де-Льор, он тайно собирал армию для переворота много лет, ещё до того, как родилась княжна.

— Значит, он хочет устроить переворот убив княжну, верно? — уточнил Август и, получив кивок, продолжил. — И кто же его финансирует?

— Он сотрудничает с гильдией торговцев, а если точнее — занимается перевозкой товаров, как простых, так и контрабандой, — ответил Азаль. — Однако, этих денег всё равно не хватает, чтобы обеспечить всю армию.

— Сколько в армии людей? — спросил командир.

— Восемь сотен мечей. И все они готовы в любой момент перевернуть всё верх дном. Наши люди везде, в совете, в армии, на улицах, в штабах, даже в этой вонючей камере найдётся парочка, не считая нас.

Август, услышав лязг клинка, обернулся и увидел, как командир замер со вскрытой глоткой. Его тело пошатнулось и упало лицом в пол. Двое солдат, что всё это время стояли в камере, обнажили мечи и двинулись на Августа.

— За Аркадию! — рявкнули они, занеся мечи и рубанув.

От одного клинка увернуться у него получилось, но вот следующий удар пришёлся по нагруднику. Август, обнажив кинжалы, ловко отбил следующий удар, подался вперёд и быстро вонзил кинжал в клёпанную куртку бойца. Второй мечник обошёл своего товарища и попытался рубануть Августа в спину, но последний был слишком быстрым и проворным. Август метнулся за спину раненного солдата и меч его товарища плавно прошёлся по груди, разрубив клёпаную куртку и кожу с костями.

Кинув мёртвого изменника в сторону, Август метнул в последнего нож, который пролетел мимо и, ударившись об стенку, отлетел. Слабо ударился в спину, слегка ошарашив противника. Подпрыгнув к предателю, Август ударил его кинжалом в колено, а затем толкнул и прижал к стенке, прислонив второй кинжал в глотке.

— О чём вы думали? — усмехнулся Август.

— Теперь, когда командир разведки и ещё несколько солдат убиты при тебе, Княжна перестанет тебе доверять, а значит... казнит, — посмеялся изменник. — И тогда у Брандина не будет врагов!

Август сунул кинжал дальше в колено, и боец зарычал от боли. Острие порвало мениск и раздробило коленную чашечку. Выдернув кинжал, Август швырнул предателя в сторону и сильным ударом ноги вырубил его.

— Что-ж, Азаль, продолжим... — прошипел Август, вытирая кинжалы. — И где этого Брандина найти?

— Если ты убьёшь Брандина, все наши люди восстанут, а если не убьёшь, они всё равно восстанут. У тебя нет выбора...

— Вы не солдаты, Азаль, у вас нет опыта, какой есть у Брандина. Если его убить, то кто будет вами командовать? Вы ведь не сообразите, что делать, как свергать власть, кого нужно брать в плен и какие здания захватывать, — подметил Август. — Так что расскажи, где его найти, иначе твоему отцу конец, а потом и тебе.

— Я не знаю, где скрывается Брандин, но знаю, что через пару дней случится собрание полковников, на котором будет и сам Брандин.

— И где оно произойдёт? — спросил Август.

— Никто из обычных солдат не знает, — парень сплюнул и уставился на палача, чей холодный взгляд пронзал его до мозга костей. — Глава Торговцев, Мейсуф знает... он всегда присутствует на собрании, дабы убедиться в том, что деньги вкладывает он не зря.

— Штурмовать Торговый Дом рискованное дело, слишком много глаз и ушей. Брандин сразу же всё узнает и изменит стратегию, — размышлял Август вслух, расхаживая по камере. — У него должно быть место, о котором знают лишь избранные, место, где нет лишних глаз и ушей, где его никто не найдёт... — он глянул на Азалью. — Ты знаешь такое место?

— У Мейсуфа... есть дом в городе, но... как-то раз я сопровождал его в старую усадьбу, что на берегу обельского дна. Большую часть времени он проводит там...

— Нелогично. Он знает, что в стране идёт война, а обельское дно южнее города, прямо на пути у Братства Дмитри, что ближе всех к столице... — задумался Август. — Но, с другой стороны, это умно. Скрываться в месте, о котором не подумают, действовать так, чтобы со стороны выглядело тупо и нелогично... очень хитро и рискованно.

— А теперь ты меня отпустишь? — прорычал Азаль.

Август замолчал и, упёршись об стол с инструментами, задумался. Мейсуф торговец громадной гильдии, что базирует в Аркадии и поставяет товар почти все староземью. Падение этого маленького княжества, что является сердцем торговых путей и источником большого дохода — нелогично. Неужели у Элтии хватило денег, чтобы подкупить Мейсуфа, обрушив таким образом экономику староземья? Это уже казалось логичным.

— И чего ты замолк? Я сказал тебя всё, что знал! Отпусти нас! — рявкнул бунтовщик, вырвав Августа из потока мыслей.

Казалось бы, скучная защита Княжны, обратилось в интересное расследование с дворцовыми интригами и масштабными политическими фокусами.

— Сказал бы это раньше, быть может, я бы отвёл тебя в бордель, да только теперь с таким уродцем даже шлюха спать не будет, — усмехнулся Август, нагнувшись к избитому старику. — Что-ж, более вы мне не нужны.

Он вонзил кинжал в глотку старика, дёрнул в сторону и раскрыл кадык.

— Не-нет! Сука! Ты обещал!

— Я тебе ничего не обещал.

— Я тебя закопаю, ублюдок ты конченный! Псих!

Август кинжалом пробил Азалью щёки, а затем дёрнул на себя, разорвав таким действием нижнюю часть лица. Нижняя челюсть упала, из рта хлынула кровь, а язык болтался из стороны в сторону, надеясь нащупать полость рта. Взяв раскалённую железку, рыжий психопат прижал её к левому глазу пленника и держал до тех пор, пока кожа на лице не начала плавиться. Кинув железку в сторону, он увидел ужасающее месиво. Кожа была поджарена до хрустящей корочки, а кожа с бровей будто бы стекла на выпученное глазное яблоко.

Азаль всё ещё дышал, но не мог даже закричать.

— Я бы понимал простой переворот, который я очень даже одобряю, но обречь на смерть свой же народ... — задумался Август. — Это низко, друг мой.

Массивная железная дверь заскрипела и в камеру, прикрыв нос, вошла княжна, а за ней несколько странных людей, походивших на солдат, но отличавшихся от масс тем, что они не носили доспехи и не скрывали свои лица под стальными шлемами. В руках они держали

короткие мечи, будто специально взятые, как раз, для тесных помещений, в которых они и находились. Будто для него.

Август обратил внимание на выпученные глаза княжны, что, прижав руки ко рту, пыталась таким действием сдержать рвоту, подступающую к выходу. Видимо, вонь гнили, что стояла в камере веками, знатно ударила ей в мозг, либо же её шокировало изуродованное тело Азаля и его отца. Так или иначе, девушка сторбилась и выбежала в коридор, откуда затем раздались мучительные стоны и хрипы.

— Август... кхе, Игнис его дери, какого чёрта ты там устроил? — рявкнула Княжна сдержанным голосом.

— Допросил изменников родины, как и подобает, — ответил Август, любуясь только что почившим Азалем.

Парень с рыжим чубом, сунув меч в ножны, перевернул труп, закованный в доспех, а затем удивлённо хмыкнул.

— Командующий Разведкой, Консти... — пробурчал мужчина, перевернув другой труп и довольно хмыкнув вновь, будто бы подтверждая свои же догадки. — Да, княжна, это те самые, коих мы видывали на стенах крепостных.

Второй солдат с короткими золотистыми волосами и пышными усами перешагнул труп командира разведки и протянул Августу руку.

— Я — Ирний, а это мой брат, Юрий, — Август недоверчиво пожал руку, а затем быстро отпустил её и, недоумевая, уставился на братьев. Ирний же, ухмыляясь, внезапно поклонился в реверансе.

— Кто это? — спросил Август у вошедшей в камеру княжны.

— Они твои подчинённые. Лично вызывались помочь Княжеству во внутренних делах, а я уже приставила их к тебе, как оружие твоего сдерживания, а ещё как шпионов, — ответила побледневшая девушка. — Твоё мнение о них меня не волнует, так что давай-ка ближе к делу и рассказывай, что тебе удалось узнать?

— Может, обсудим всё в более нормально месте? — предложил Юрий, поправляя клок рыжик волос. — Пока эта вонь окончательно не свела вас с ума.

— Скорее меня сведёт вид этого... — Княжна смутилась, глянув на труп Азаля. — Человеком это назвать уже сложно...

Прекрасные зимняя ночь опустилась на раздираемую войной Аркадию, ужасающий холод грянул с севера, ветер проник через горы, неся за собой вонь армии мертвецов, навеки застрявших в тамошних льдах. За окном царила мёртвая тишина, внушавшая, что в мире больше никого нет.

Эта холодная и тихая ночь позволяла Августу забыть о тех войнах, через которые он прошёл, о том, что где-то там сейчас славные аркадийцы проливают кровь по его приказу, о том, что где-то там его ищет Талия, пребывавшая в гордом одиночестве, сохраняя присущее ей хладнокровие.

Он смотрел на то, как лисица крадётся через густой чёрный лес, выискивая добычу, на Алькара, вцепившегося ему в колено и любопытно оглядывая местность.

— Холодно же тут... — прошипел Август, глянув на лесную тропу, над которой плыли два огонька. — Наконец-таки...

Август отлип от скамейки, зажёл спичку и поджёг масло в подвесной лампе, дав этим знак Юрию и Ирнию. Затем он вытащил флягу и сделал пару глотков вкусного Аркадийского вина.

— Вкусно, но... дерьмово, — буркнул он недовольно.

Алькар, каркнув, подтвердил и вцепился хозяину в плечо.

— Август, а ты не мог найти место, до которого куда проще добраться? — возмутился Юрий, подходя к заброшенной хате.

— Нет. Почему так долго? Я же, вроде бы, рассказал, как сюда добраться.

— Рассказал, но это не особо помогло! Ты сам попробуй, не зная, найти тропу через этот лес! — вякнул Ирний, пытаясь открыть дверь в хату. — Как же я, мать его, замёрз!

— Вы столько времени убили на поиск тропы? — удивился Август, вспоминая, как он шёл через лес.

— Мы не безумцы, Ольский! Эти леса кишат нечистью и прочей живностью, а быть разорванным каким-то громадным медведем или толпой мелких ублюдков нас не особо хочется! — объяснил Ирний, пытаясь открыть примёрзшую дверь. — Да как эта хрень открывается?

Юрий, отодвинув брата, со всей силой ударил по ней ногой и дверь, хрустнув, слетела с петель и упала в дом.

— Потихе нельзя? — возмутился Август, войдя в дом.

— Не бурчите, командир. Тут, кроме нечисти, никого больше нет. А с тварями вам справится легко, — кинул Юрий, войдя следом.

— И каков наш план? — спросил Ирний, поставив лампу на пыльный стол.

Август достал из сумки мелкий свёрток бумаги, который расстелил на столе. Это был чертёж усадьбы Мейсуфа: большой дом с кучей комнат, окружённый каменной стеной и имевший выход к мелкому заледеневшему озеру.

— Итак, во дворе усадьбы стоит около десяти стражников, первый этаж патрулируют двое, а второй трое, у причала же... их где-то пять-шесть, — поведал Август, растыкивая по местам.

— Извиняюсь за вопрос, но откуда ты это всё знаешь? Не думаю, что ты успел сгонять аж туда и разведать там всё... — поинтересовался Юрий.

— Ворон рассказал, дурень ты патлатый! — рявкнул Ирний, стукнув брата по затылку.

Юрий, недоумевая, почесал лысый затылок и, подняв бровь, уставился на ворона, сидевшего на плече рыжеволосого хитреца. Вопросов было много, но все задавать он не осмелился.

— А как ты его понимаешь? Ты чего это, с птицами разговариваешь? — усмехнулся Юра.

— Это неважно, — сухо ответил Август, разглядывая карту. — Итак, наша цель схватить Мейсуфа и желательно сделать так, чтобы никто об этом не знал...

— Действуем тихо? — уточнил Юрий, улыбаясь.

— Нет. В самой усадьбе какая-то шумиха, а окна довольно грязные, так что крики наших жертв никто не услышит, как и не увидит. Убьём всех, кого встретим. Абсолютно всех. Без исключений.

— Даже слуг? — с холодом спросил Ирний.

— Тебе что-то не понятно в слове “Всех”? — холодно ответил Август, пронзив Ирия недовольным взглядом.

— Не слишком ли много крови?

— Поверь, если мы оставим хоть одного стражника или слугу в живых, крови потом будет в десять раз больше, — пояснил рыжий. — Выжившие сообщат о смерти Мейсуфа генералу надвигающегося восстания, а эта информация вынудит его действовать быстро и решительно, ибо покровительства больше нет.

— Значится, раз нас двое, то мы подметём во дворе? — предположил Юрий, вытаскивая саблю и улыбнувшись.

— Верно. А я попробую поймать рыбку на причале, — ухмыльнулся Август. — Не будет томить — пошли.

Над снежным лесом воцарился хаос, который пронзал тёмные небеса яркой красной молнией, что била в верхушки сосен, поджигая их, вонзалась в землю, отгоняя холод обратно в тьму, вонзался в людей, что блуждали по дорогам, оставляя от них лишь прах. Разбушевавшаяся зима хлестала поля и леса мощными порывами ветра, что неслись даже сквозь деревья, сбивая едва стоявших путников с ног. Во тьме без конца хрустел снег, будто какие-то маленькие создания бегали от дерева к дереву, пуглива стыдясь попасться на свет лампы, что лишь чудом не потухла.

— Красная молния! — подметил Юрий, прежде чем ветер сбил его с ног и закопал в снегу. — Арх!

— Первый раз такое вижу... — вымолвил Август, закрываясь рукой от снега. — Что это вообще такое?

— Такое только здесь бывает! — заявил Ирний, помогая Юрию выбраться из-под навалившего снега. — В древних сказаниях говорится, что это отголоски великого колдовства, коим когда-то Император Анки пронзал полчища демонов.

— Да... кто-то всё ещё верит, что Анки до сих пор жив, но только не в нашем мире, а там, на небесах, — продолжил Юрий, вскочив из снега. — А молнии, пронзающие всё и вся и бьющий, обычно, прямо по полю боя, — это что-то на подобии его наказания и недовольства.

— И чем же мы его так обидели?

— Войнами! — ответил Ирний. — Когда-то этот человек, кем его назвать сложно,

объединились все народы под флагом Верховной Империи, в которой царил мир и покой, где не было великих войн, а лишь жалкие трёхдневные междоусобицы. А теперь, когда Верховная Империя пала, оставив за собой сотню мелких государств, вечно враждующих между собой, он решил таким образом выразить своё недовольство.

В какой-то степени Август понимал недовольство Анки. Только представьте, отдать тысячу лет своей жизни на основание великого государства, чтобы потом какой-то выродок из совета узурпировал власть и своими глупыми реформами разрушил тысячелетний труд.

— Эй, командир! Мне кажется, или в лесу и вправду кто-то рыщет? — испуганно спросил Юрий, догнав рыжего.

— Тебе не кажется. По звуками, их там около десяти и они следуют за нами от самой хаты, выжидая момента напасть, — ответил Август, глянув в сторону длинного чудовища, стоявшего в нескольких метрах от него и пронзающего его мёртвых взглядом. — Жуткие твари.

Август остановился и вновь посмотрел на тварь. Юрий и Ирий видели лишь тьму, а потому не особо нервничали, надеясь, что нечисть та мелкая и ничтожная, как это обычно и бывает в начале зимы. Август же больше предпочитал знать, где тварь находится, нежели бояться, что вот-вот кто-то выпрыгнет из тьмы. Глянув дальше в лес, он вдруг обнаружил, что тварей куда больше и все они длинные и ужасающе белые, с острыми когтями, способными разорвать человека лишь лёгких взмахом, с былыми рогами и с узкими, уходившими к ушам, глазами.

— Ты же их видишь, не так ли? — уточнил Юрий, прячась за плечом командира.

— Не обращайтесь на них внимание, — буркнул Август, двинув дальше. — Они не нападут.

— Что? Это нечисть! Она же... ну... кровожадная? — не понял аркадиец.

— Да. Нечисть и этот вид очень кровожадный, но достаточно умный, — бросил Август, вытащив на пару дюймов рунный меч из ножен. — Пока это железяка в моих ножнах, они не подойдут ближе, чем на пару метров, а если вы окажитесь прямо перед ними, то они всё равно не нападут.

— Откуда у тебя рунный меч? — поинтересовался Ирний.

— Слишком много вопросов, парни. Успокойтесь и держитесь ближе, если не хотите быть разорванными в клочья.

— Нашу родню нечисть разорвала в клочья, так что мы знаем, насколько всё серьёзно, — поведал Юрий. Пожалуй, это был первый раз, когда парень был серьёзен.

— Я думал, вашу родню зарубили элтийцы, иначе зачем вам ещё сражаться? Будучи канычарами, вы дослужились до высокого звания и расположили к себе княжну, — подметил Август. — Довольно неплохо для тех, кто родился в деревне и рос без родителей.

— Ты всю нашу биографию прочёл? — возмутился Ирний. — Нашего отца и старшего брата загрызла нечисть, а дедушку и мать с сестрой зарубили элтийцы в первой войне.

Рыжий лишь хмыкнул, вспомнив, что когда-то клялся уничтожить Элтию, а затем встретил Ореона с его шайкой и, повидав много войн, совсем забыл про глупую клятву. Ирний и Юрий, два брата канычара, вполне способных сыграть немаловажную роль в этих интригах Мейсуфа. Ими тремя движет одно и то же — месть, хоть и разным людям, но всё же месть, а значит, что на них можно положиться. Но Август не был в этом уверен, ибо прекрасно понимал, что месть ослепляет и ему, как и им, не стоит её недооценивать.

— Пришли. Наконец-таки.

Ужасающие красные молнии перестали пронзать небеса каждую секунду и кровавый свет, что целый час ложился на свет, ослаб. В небе сверкали лишь едва заметные молнии, за которыми следовал гром.

Усадьба стояла на берегу небольшого заледенелого озера, окружённая невысокой каменной стеной с торчащими на верху пиками, вполне способными выполнить цель — оградить, а то и вовсе убить. Сам дом был среднего размера, в два этажа и из медных труб, торчавших из крутой крыши, клубился дым, вокруг которого кружили вороны. Через пыльные окна с трудом проникал тусклый свет ламп и свечей, горевших почти во всех комнатах, что слегка насторожила Августа.

— Не нравится мне это, — буркнул он. — Возможно, у нашего изменника гости.

— Будем ждать, когда все уйдут? — предложил Ирний.

— Ну, не зря же мы сюда пёрлись столько? — кинул Август, взглянув на братьев. — Давайте приступать.

— Как прикажите, ваше величество, — усмехнулся Юрий, вытащив саблю.

Ирний же, наложив стрелу на тетиву, занял удобную позицию и, прицелившись, разжал оперенье. Стрела вонзилась прямо в лицо стражнику, стоявшего снаружи, у входа во двор. Стрела прошла насквозь, прибив уже мертвеца к деревянным воротам.

— Ха! В яблочко! — подметил Юрий, хлопая брата по плечу.

— И всё же, до идеала далеко, — буркнул недовольно Август.

— Что? Ты знаешь хоть одного, кто стрелял бы также метко? — возмутился Юрий. — Ирний — лучший стрелок во всём староземье! Он никогда не промахивается!

— Знаю я одну эльфийку, служившую со мной в Братстве, — вспомнил рыжий. — Она могла попасть белке в глаз с пяти сотен ярдов, даже не стараясь целиться.

Ирний прищурился, видимо, заметив, с каким расслабленным тоном Август рассказал о той эльфийке, будто бы вспоминал хорошие деньки. Юрий же, похлопав командира по плечу, пожелал ему удачи, а затем они вдвоём двинулись к стенам.

Август дёрнул плечом, заставив Алькара взмыть в небо и скрыться в тьме. Он уставился на звёздное небо, вспомнил пепельные волосы Тали, которые постоянно пахли еловыми шишками или какими-то цветами, росшими только на эльфийской родине. Он уже забыл, как приятно когда-то звучал её голос для его ушей, начала даже забывать то, насколько красиво и остро было её лицо, тот в то же время чарующий и строгий взгляд, пронзающий любого холодом и страхом. Возможно, Тали уже на пол пути к нему, а может, она нашла уже другого, который уж точно не сбежит от неё, когда наступит хаос.

Что-ж, в любом случае, ей сейчас куда лучше, чем Августу. На её плечах не лежит целая страна, тысячи жизней и сожжённых деревень.

Шмыгнув носом, он услышал карканье из тьмы и, глотнув обжигающего вина напоследок, двинулся вперёд.

Пройдя вдоль каменной стены, заросшей мёртвыми лозами, Август вышел к каменистому берегу, где горел костёр, у которого сидел одинокий худощавый парень, жаривший на костре крысу. Насколько же Мейсуф холоден к своим людям, что вынуждает их есть крыс, переносчиков чумы? Обнажив кинжал, Август подкрался к стражнику и, нагнувшись, ловким движением прижал кинжал к его глотке.

— Знаешь, как отсюда пройти к причалам, не перелезая забор? — прошептал он стражнику на ухо.

— А! а... ой! — между ног у парня появилось какое-то мокрое пятно, а в воздухе вдруг

запахло мочой. — Только... по льду... по льду безопасно будет!

— А он крепкий?

— Ну, стражей в полном обмундировании... выдерживает... некоторых, — прошипел он. — Я не вру! Только не убивай! Меня дома ждут дети... жена...

Август дёрнул в сторону рукой, и горячая кровь брызнула на костёр, от чего он легонько зашипел. Труп парня свалился на бок. Рыжий, сунув кинжал обратно, вступил на лёд, надавил на него и, убедившись в его прочности, лёгким шагом двинулся в обход стены, что плавно обрывалась в нескольких метрах от берега.

— Надо же, не соврал, — ухмыльнулся Август, глядя за причал.

Прямо на причале с лампой в руке стоял стражник в потёртых старых доспехах, которые, видимо, были сняты с трупа, ибо вмятин на нагруднике было немало. Стражник смотрел прямо на Августа, однако, его взору он был не виден, поэтому последнего не составило труда пройти прямо в упор, на границу света и тьмы, да поближе посмотреть на задний двор, где бродили остальные стражники.

“Их куда больше, чем Алькар сказал”.

Вытащив из-под плаща нож, он отошёл обратно во тьму и прицелившись, метнул его прямо в лицо стражнику. Ножик вошёл в беднягу по самую рукоять, мигом убив его. Труп, как тряпичная кукла, упал с причала и, проломив подтаявший из-за факелов лёд, пошёл ко дну. Лампа пошла ко дну вместе с владельцем, а потом тьма сразу же объяла главный причал и только гаснущие факела развивали тьму вокруг себя, будто бы стараясь спастись.

Взобравшись на причал, Август обнажил меч и смело двинулся по доскам на встречу к мечникам, пытавшимся понять, откуда исходит неестественное зелёное сияние.

— Эй! Ребят, а где... Шори? — крикнул стражник, вытягивая лампу в сторону причала.

— Он должен был быть на причале, — ответил бородатый гном, вышедший из будки, походившей на туалет. — А что?

— Просто... чёрт... что это за хрень...

— Это... меч? Это... человек! — крикнул гном, потянувшись за секирой. — И пахнет от него не как от Шори!

— К оружию! — крикнул тот, кто был ближе всех к причалу.

Август выпрыгнул из тьмы и воткнул меч в кожаный нагрудник крикуна, повернул меч и, выдернув с брызгами крови, бросил его труп на гнома. Затем его нож, пронзив воздух над двором, вонзился в глотку стражника, пытавшегося убежать в дом. Гном, выбравшийся из-под труп своего товарища, сразу же ринулся на Августа, однако последний не стал уворачиваться и запросто отбил секиру гнома, а потом сделал его на голову ниже. Три из семи уже были мертвы.

Оставшаяся пятёрка отважных наёмников окружила Августа и выжидала момента, когда их храбрость достигнет пика, дабы её уж точно хватило прирезать того, кто за несколько секунд прибил аж трёх солдат.

— Идея так себе, но я предлагаю решить всё миром, — выдал вдруг Август. — Вон в том доме сидит очень плохой дядя, который способен обречь на смерть тысячи невинных людей.

— Ага. Отсоси! — рявкнул смуглый наёмник, облачённый в восточное тряпье, с кучей узоров и золотыми украшениями.

— Неужели вам всё равно?

— Нам платят за защиту этого места! Конечно, если ты нам заплатишь больше, то мы,

быть может, подумаем.

— И сколько же Мейсуф вам заплатил?

— Пять сотен золотых.

Август поднял бровь, представив на что наёмники потратят эти деньги. Уж точно не на еду и воду, а на шлюх, как это делали и в братстве. Но даже для них это очень много. Молчание Августа дало наёмникам знать, что он не согласен, потому они все вместе двинулись на него с поднятыми мечами, саблями и булавами.

Август метнулся на смуглого, сделал обманный выпад и, обойдя его пируэтом, разрубил ему бок. Время вновь будто бы замедлилось. Наёмники двигались медленно, когда он двигался быстро. Нырнув под медленный удар высокого альбиноса, Август вспорол ему брюхо и, не успело тело упасть, как он сразу же метнулся к следующему.

Его взмахи были быстры, удары точны, а танец, как никогда, идеален. Он рассёк наёмнику голову на две части, а потом вдруг понял, что все уже мертвы. Он вытер кровь со своего лица и посмотрел под ноги. В окровавленном снегу валялись кишки, отрубленная рука, чьи-то глазницы и несколько пальцев. От этой картины Августу слегка поплохело, в голове вдруг возникла какая-то путаница, взгляд помутнел, а ноги ослабли, вынудив упасть его в снег.

Жажда пыльцы решила о себе напомнить. Однако, сейчас не время падать духом и запивать жажду вином.

Поднявшись, Август сунул меч в ножны и принялся взбираться по фасаду дома, ухватываясь за выступы и оконные ободки. Добравшись до каркаса, он из последних сил подтянулся с кое-как взобрался на каркас и ухватился за подоконник, прижался к нему и обнаружил по ту сторону окна картину, на которую не посоветуешь смотреть даже заклятому врагу.

Мейсуф предстал перед ним абсолютно голым. Его уродливое тело прижималось к белокурой девушке, уткнувшейся лицом в кровать и выпятившей для своего господина зад, которым старик использовал по назначению. Быстро двигая бёдрами, он смеялся, как неадекватный, а улыбка его была натянута до самых ушей.

— Уже скоро ты поедешь домой! — заявил он. — Очень скоро!

— Прошу... хватит...

Старик ударил её по ягодице кулаком, а затем прижался к заду и нагнулся к ней.

— Если не хочешь, то можешь идти, но знай, что свою дочь ты обнаружишь точно в такой же позе, — прошипел он. — Если откажешься от продолжения.

Мейсуф вновь ухмыльнулся и продолжил делать весьма опасные, для его возраста, движения, которые вскоре привели к приятному вздоху. Вдруг старик достал нож из кафтана, лежавшего на кровати и, дёрнув девушку за волосы к себе, перерезал ей плотку. Кровь брызнула на белую постель, а обессиленное тело девушки он сбросил на пол.

— Прекрасная картина, — буркнул Мейсуф, ударив труп. — Эй! Приберитесь здесь!

Внизу послышался какой-то грохот, привлёкший внимание старика. Затем послышались крики и лязги мечей. Забеспокоившись, Мейсуф потянулся за одеждой, однако, в комнату ворвался Юрий с окровавленной саблей, готовый рубануть первого встречного. Старик не на шутку перепугался и отступил к окну, попутно схватив кафтан, которым решил прикрыться. Но вдруг он ударился об что-то и это было явно не окон и не стена, а грудь Августа, незаметно пробравшегося в комнату.

— Вот ты и дотрахался, ублюдок! — усмехнулся Юрий.

— Ольский! Что... что происходит? — напугано спросил старик, пятясь к Юрию. — Юрий! Что...

Юрий ударил старика по яйцам и швырнул его на кровать, где Август прислонил к шее ошарашенного ножик.

— Приспешник Брандина-де-Льора выдал нам очень интересную информацию, — сказал Август, тыча в его глотку острием ножа. — Якобы, ты финансируешь предводителя бунтовщиков, дабы те устроили переворот.

— Что? — засмеялся он. — Это — ложь! Настоящая и наглая ложь! Я служил Аркадии всё жизнь, а вот ты... только явился сюда, а уже режешь всех подряд!

— Прежде чем попросить у Княжны разрешение на твой арест, я прочёл твою биографию, — ухмыльнулся Август, вытащив из сумки небольшой свиток. — Почти всю жизнь ты отдал на основание торговой гильдии, дома тебя почти не было, хотя имелась семья, которой ты отсылал деньги...

— Да-да! Мою родину захватили элтийцы, которые взяли в плен мою семью и вынудили меня работать на них! Доволен, сукин сын? — прорычал Мейсуф. — Они сказали, что убьют моих детей, а жену перед смертью пустят по кругу, если я не узурпирую власть и не передам столицу Элтии!

— Боюсь тебя разочаровать, друг мой, — прошипел Август. — Но тебе придётся предать своих родных.

— Да пошёл ты к чёрту! Я никогда не предаю свою семью ради какого-то дряхлого княжества на краю мира, которое никому и даром не сдалось! — рявкнул Мейсуф, но Август надавил ножик на его глотку так, что по смуглой коже потекла струйка крови.

— В таком случае, в следующие несколько часов тебя ждут небывалые мучения, которые заставят тебя забыть навсегда о своей семье.

— Неужели ты и его будешь пытаться? — спросил Ирний, вошедший в комнату. — Его семья в плену у Элтии... почему бы нам не попытаться спасти их?

— Его семья не спасёт страну, а вот он сам... вполне способен, — буркнул Август. — Привяжите его к стулу.

Пока Юрий и Ирний пытались усмирить Мейсуфа, поймать его и связать, Август раскладывал на кровати окровавленные инструменты, о которых он собирался рассказать Мейсуфу.

— И что ты от него хочешь? — спросил Ирний, связывая Мейсуфа.

— Сейчас узнаешь...

Разговор при свечах

Княжна Хельга со спокойным лицом наблюдала за битвой, что развернулась по ту сторону венской реки. Эта битва была решающей для столицы, но, увы, вдали она видела, как её войска удачно отступают, а затем подрывают мост, как и приказал Август. Она поверить не могла, что вся её страна выполняет приказы какого-то наёмника, пришедшего из неоткуда и появившегося точно также, как и новорождённый. Да, про него ходили слухи, но и слухи появились внезапно и мигом охватили всю страну всего-то за неделю, что Хельге казалось очень странным.

В ухоженные и приятные глазу покои проникал свет стремительно заходящего солнца, о котором уже все успели позабыть, ибо небо постоянно было скрыто свинцовыми тучами. Этот свет приятно грел её кожу, а глядя на него, можно было забыть о всём том, что сейчас творится вокруг неё. Но всякому наслаждению приходит конец.

В её покои ввалился помощник Руслава, который, тяжело дыша, опёрся об дверной косяк и выдохнул.

— Княжна, Братство Дмитри... они уже здесь! — доложил он. — Они перешли реку, перебив всю армию, отправленную на них, а сейчас... дожидаются Элтийской Армии для осады столицы...

— Что? Они не могли отбить атаку! Где Руслав?

— Воины генерала Руслава, приказавшего оборонять Польск до последнего, восстали и зарубили его, а войско наёмников спокойно добила неорганизованную армию. Штаб не сумел командовать армией без генерала...

Хельга налила в кубок вино, а затем быстро опустошила его и тяжело вздохнула. Её страна развалилась на глазах. Быстро, как Локдорский рысак. Она упала в кресло и уставилась в небо. С её комнаты открывался отличный вид на небеса. Не приходилось даже выходить на балкон, дабы увидеть эту красоту. Однако, по небу плыли струйки дыма, а ветер загонял в комнату запах мертвечины.

— Где Ольский?

— Я здесь, Княжна, — буркнул Август, вошедший в покои. — Мы схватили Мейсуфа и сейчас он на собрании бунтовщиков, обсуждает, как можно свергнуть вас с трона.

— Тогда почему ты ещё здесь? — рявкнула она, вскочил с кресла и кинув в наёмника бутылку вина, которая разбилась об портрет прошлого князя. — Ты должен быть там и рубить этих ублюдков!

— Это глупо, — спокойно ответил он, наблюдая за тем, как вино стекает по картине и капает на пол. — Я поговорил с Мейсуфом и мы заключили некую сделку. Бунтовщики выступят против религиозных фанатиков. Они перебьют друг друга, а затем в схватку вступим уже мы. От нас требуется лишь добить остатки.

— Ты шутишь? Их нужно было зарубить быстро, а не томить и ждать, когда они сами друг друга перебьют! На это уйдёт несколько недель, а времени уже нет! Мне нужен порядок в городе...

Терпение Августа вышло.

— Если мы просто так возьмём и зарубим всех, то тогда народ усомнится в вас и поймёт, что бунтовщики были правы! И, как думаете, что будет потом? — прорычал Август. — Они все ворвутся в дворец и просто прирежут вас, как скотину на мясо! А затем

попытаются отбить атаки элтийцев, которые запросто возьмут город и перережут всё население!

— В чём господин Август прав, княжна, — буркнул помощник. — Если так подумать, то война между фракциями заставит нейтральные группы усомниться в их правоте.

— А ты не подумал, Август, что твоё решение утопит город в крови и хаосе ещё до появления элтийцев? — прорычала девушка.

— Подумал, поэтому приказал гвардии патрулировать улицы большими отрядами, не попадаясь на глаза, — ответил он. — Проще говоря, сейчас по улицы ходят неприметные люди, чьё оружие и доспехи спрятаны под накидками. В случае столкновения, они обезопасят горожан и сами вступят в бой. Это продлится несколько дней.

— А что будет потом?

— Между фанатиками и бунтовщиками начнутся мирные переговоры, которые спровоцирует отец Смирлав, а господин Мейсуф, который тоже будет на переговорах, спровоцирует фанатиков на агрессию. Всё это произойдёт в борделе, на старой улице, куда ваши гвардейцы не суются, — пояснил Август. — Ваши солдаты засядут в переулках и соседних домах, а я, к моменту начала переговоров, буду уже в борделе и, когда начнётся переполох, я подам сигнал и твои люди вступят в бой.

— Как ты... всё продумал... — заметила Хельга, закинув одну ногу на другую. — Но... вряд-ли, решив проблему с переворотом, мы сможем отбиться от элтийской армии...

— Насчёт этого, положитесь на меня. Понимаю, что вы не доверяете мне полностью, но... я уже почти что спас вашу голову от топора Брандина, подмял под себя бандитов и ликвидировал прочих изменников, — сказал Август, вспоминая слова Люциуса. — Безусловно, элтийцы осадят столицу, но войти они в неё не смогут до тех пор, пока я жив.

— Какое у тебя самомнение, — заметила княжна. Неужели, ты думаешь, что с небес упадёт какое-то чудо, которое уничтожить их армию?

— Чудо упадёт не с неба, — сухо ответил Август.

В комнату ввалился Юрий.

— Привет, Август! Здравствуйте, Княжна!

— Что-то случилось?

— Ну... помимо того, что враги зажимают нас со всех сторон, мне только что сообщили, что на берега огненного моря высадилась варлийская армия в двадцать тысяч человек, а ещё... через горы прошла армия в тридцать тысяч.

— Это и есть твоё чудо? — спросила Княжна, глядя на Августа.

— Верно. От нас требуется лишь продержаться и дождаться, когда варлийская армия перегруппируется и вступит в решающую битву.

— Тогда... к чему нужны были все битвы? В них погибло... столько людей... — прошипела она, согнувшись над коленями. — Погиб генерал Руслав, который... заменял мне раньше отца...

— Они воины, Княжна, знали, на что идут и чем рискуют, — подметил Август. — А битвы нужны были, чтобы задержать элтийскую армию. Я рассказал всё генералу Руславу, так что перед смертью он распорядился, чтобы все армии отступали к столице, подрывая за собой мосты. Эти люди, княжна, останутся в истории вашей страны, как герои.

— Надеюсь, ты прав... Что-ж... в таком случае... мне нужно выпить... — прошипела девушка, достав из шкафчика ещё одну бутылку вина, которую она показательно поставила на стол. — Будешь?

В покоях уже никого не было, кроме Августа и Княжны. Юрий ушёл сразу же, как доложил, а посыльный свалил сразу же за ним. Идея пить с княжной Августу была не очень-то и соблазнительна, поскольку могло случиться то, что в его планы совсем не входило. Он хотел отказаться, но Хельга его опередила.

— Отказ не принимается, — заявила она, протянув ему кубок. — Выпей со мной.

Он бы и сам не прочь выпить, но... о чём они будут говорить, ведь они из совсем разных миров и им друг друга не понять. Так или иначе, Август принял кубок и, усевшись в кресло против княжны, сделал глоток. Аркадийское вино с каждым разом становилось куда вкуснее.

Хельга вдруг расстегнула несколько пуговиц своего платья, освободив этим грудь, а затем расстегнула корсет, давивший на её грудь. Девушка сделала глоток вина и, закинув одну ногу на другую, уставилась на ошарашенного Августа, медленно опустошавшего кубок.

— Княжна, выйдет ли у меня убедить вас отъехать в Погранец? — спросил он, стараясь смотреть в её голубые глаза.

— Зачем? Боишься, что меня убьют? — прошептала она, будто бы устала. — Но ты ведь меня защитишь, верно?

— Верно, но всё же... там вам будет безопаснее, чем здесь.

— Именно так же тебе и варлийцы сказали? — спросила она. — Ты ведь, получается, на них работаешь и явился сюда только из-за денег.

— Помимо золота, меня интересуют ещё и голова Ореона, — неуверенно буркнул он. — А что до элтийцев, то они заживо сожгли моих родителей, поэтому... эта война, в каком-то смысле, тоже моя.

— Как жестоко они поступили с твоей семьёй...

— Это было ровно двадцать лет назад, когда элтийская армия высадилась в Тальсарии, где мои родители и укрывались от ликвидации изменников, — вспомнил он, опустошив ещё один кубок. — И, если бы не дождь, чудом сумевший потушить огонь, и не эльф, появившийся из неоткуда, меня бы тут сейчас не было. Возможно, моя смерть спасла бы тысячи жизней, которые я забрал за эти... долги годы.

— Брось, ты хотя бы справедливый, чего не скажешь об элтийцах и прочем отродье. Задумайся, наши войска проиграли на всех фронтах, но твой приказ взорвать мосты спас тысячи жизней от тупой резни, — подметила девушка, наполнив уже второй кубок вином.

— Верно, но правильно ли я поступил? Вдруг, я лишь думаю, что умней многих, а на деле глупее любого? Что, если твои войска не смогут удержать столицу, тебя казнят, а твой народ сожгут, да и меня, скорее всего, тоже убьют, — внезапно заныл Август. — Какое... крепкое вино...

— Привезено из-за самого моря, а здесь был помечен, как аркадийское вино, дабы хоть как-то поднять репутацию нашей винодельни, — Хельга хитро улыбнулась и расслаблено откинулась к спине стула, выпятив свою грудь. — Смотрю, тебя уже разнесло.

И вправду, вино было не вкусным, но весьма крепким. Настолько крепким, что бывалого пьянчугу вынесло со второго захода. Пусть, выглядело это не очень, но жажда пыльцы хоть на немного угасла. Август расслабился и откинулся к спинке кресла. В голову к нему вдруг закралась мысль о том, что Тали будет крайне недовольна тем, что Август переспал с Вики, но... узнает ли она, встретятся ли они когда-нибудь ещё раз? А что, если Август не доживёт до осады?

— Княжна, вы же... ик! Осознаёте, какому риску подвергаете себя, решением остаться в

столице до последнего? Если... вас убьют раньше, чем придут варлийские войска, они... ничем не смогут помочь, ибо их... полномочия, данные ещё вашим отцом, ничего не... будут значить, — проямлив Август, опустошая третий кубок и икая. — Наглость Элтии останется безнаказанной...

Девушка медленно встала с кресла и прошла к балкону, где проводила последние лучи заходящего солнца, наверное, последнего в её жизни. Последний лучик скрылся за горизонтом и в ночи, будто бы домино, вспыхнули огни. Красивая игра света и теней воцарилась на улицах города, создавая невообразимые узоры и пугающий фигуры, таившиеся при приближении патрульных. В небе засияли звёзды, луна, из-за которой выходила красная планета, что является человеческому взору раз в три сотни лет.

Август, наблюдая за Хельгой, восхищался её смелостью и красотой, которой он не заметил при их первой встрече. Холодный ветер проник в комнату, потушил единственную свечу, а затем тьму пронзил тусклый свет луны, упёршийся в дальнюю стенку.

— Хоть эта страна и разорвана войнами, пусть народ в ней держится из последних сил, она всё также красива. И я не хочу видеть, как мой народ будет гореть, не хочу даже представлять это, а потом сражаться я буду до тех пор, пока моя голова не упадёт с плеч, — заявила Хельга, пройдя обратно к столу и встав перед сидящим Августом. — Как ты заметил, я люблю рисковать, приняла тебя в свой совет, назначила совсем незнакомого человека своим личным советником. Так почему бы мне не рискнуть ещё раз?

— Что-ж, слушая вас, мои сомнения ушли точно также, как и трезвость, — пробурчал Август, пялясь на грудь. — Но... я бы был полностью спокоен, будь у вас наследник, но... его нет.

— Ты можешь это исправить, — игриво прошептала она. — Прямо сейчас.

Когда до Августа дошёл смысл её слов, Хельга расстегнула корсет и скинула с себя платье, обнажив всё тело. Тонкое, но мягкое, бледное, но в тоже время тёплое, непривычное. Почти всё жизнь он провёл среди воинственных женщин, чьи тела кардинально отличались от того, что он видел сейчас. Хорошо это или плохо, он толком не понимал, но ему нравилось.

— Вы уверены? — проямлив Август, не понимая, реально ли это всё.

— Какая разница? Я этого хочу, а ты явно не из тех, кто откажет красивой девушке, — выдала она, слегка оскорблённо.

Не успел Август дать добро, как девушка весьма ловкими движениями руки расстегнула ремень и вытащила его член, который принялась доить. Августу это не очень нравилось. Ему всегда это не нравилось. Хельга взобралась на него, уткнув колени в бока кресла, а затем, прижавшись к Августу, уселась на член.

— Ах...

— Говоришь, сделать тебе наследница? — усмехнулся Август. — Что-то мне подсказывает, что кто-то его уже сделал.

— Отложим этот разговор, — прошептала она, не переставая двигаться бёдрами.

— Мне нужно знать это прямо сейчас! Где твой ребёнок?

Девушка замерла. Член всё ещё оставался в ней.

— Он во дворце и в случае нашего поражения, мои самые верные люди доставят его в безопасное место, — прошептала она так, будто бы боялась, что кто-то услышит. — Я расскажу тебе о нём позже, когда придёт время.

Август вздохнул и вновь откинулся к спинке, а Хельга продолжила плавно двигать

бёдрами, даря партнёру удовольствие, который, в свою очередь, наслаждался изгибами и мягкостью её тела, водя руками по талии и лапая ляжки с упругими ягодицами. Тело было таким мягким, тёплым, а кожа нежная и девственная, лишённая шрамов.

— О... да... — как же это приятно, вырвалось вдруг из уст Хельги, чьи плавные движения сменились быстрыми.

— Соглашусь, — прошипел Август, слегка двигая бёдрами.

— Кстати... а как ты уговори... нашего религиозного лидера на участие в твоём плане? — поинтересовалась она, мыча.

— Всё просто, — бросил он. — Я избил его... а затем отрезал член, который потом пообещал пришить обратно, если выполнит мой приказ... ох...

— Серьёзно? — засмеялась девушка, зажав лицо Августа между грудей.

— Забавно, но сработало...

Девушка притормозила и уставилась на Августа.

— Здесь... так неудобно... — прошептала она и, встав с него, хитро улыбнулась. — Не хочешь подышать свежим воздухом?

Её взгляд устремился в сторону освещённого лунным светом балкона, где как раз стоял маленький диванчик, но про него ли она говорила? Хельга, схватив член Августа, повела его на балкон, где прислонилась к парапету и, выпятив зад, тёрлась им об Августа, уже вставшего сзади.

— Ну же, чего ждёшь? Вставляй... ай! — прошептала она, чувствуя, как Август исполнил её приказ.

Тем временем, город уже засыпал. Большая часть огней медленно, но уверенно гасла, оставляя уличные лампы в одиночестве. Мир бы окутала мёртвая тишина, не будь бы шлепки, с которыми Август исполнял приказ, столь громки, что, казалось, разносились по всему городу.

Хельга вжалась в парапет и громко застонала. Это было так пронзительно и в то же время приятно, что Август полностью исполнил данный ему приказ и вынул член, который сразу же заправил в брюки.

— Прекрасно... — прошептала девушка, повернувшись к нему. — А теперь давай вернёмся, а тут... холодновато.

Августинская Резня

Юрий глядел на серьёзное лицо Ирния, наблюдавшего за тем, как люди в мантиях и плащах входят в бордель, наполненный жизнью и похотью, о которой они оба так скучали. Увы, как канычары, герои народа, позволить они себе этого не могли из-за вечной работы.

— Они вошли, — буркнул Ирний, поплотней закутываясь в плащ. — Холодно зато как-то на крыше сидеть.

— В кого вошли? — бросил Юрий, улыбаясь.

Ирний одарил его недовольным взглядом. Наверное, опять думал, какой же его брат неответственный идиот. На кону судьба государства, а он шутки шутит, да ещё и не смешные.

— Ладно. Больше не буду, наверное, — отмахнулся Юрий, откинувшись к спинке кресла, непонятно откуда взявшегося на крыше.

— Кстати, что думаешь об Августе, стоит ли... ему доверять? — неуверенно спросил Ирний.

— Ух ты! Ты мало того, что скучный и не смешной, так ещё и недоверчивый! И как тебя только земля носит, такого тёмного? — прыснул Юрий. — Но, если серьёзно, то... я ещё никогда не видел таких людей, как Август. Ты видел, что он сделал с теми пленниками, когда мы вошли в темницу? Или же Мейсуфа после пыток? Его крик останется у меня в памяти навсегда.

— И к чему это?

— К тому, что, лично я, за всю свою жизнь ни разу не видел человека, готового так отчаянно сражаться. И ведь, учти, он сражается за чужую страну, — подметил Юрий. — И самый важный факт, который окончательно избавил меня от сомнения, — воюет он против своего же народа.

— Август... элтиец?

— И не простой, а с какими-то дворянскими корнями. Первая армия, когда отступала, забрала с собой несколько пленников, который потом я допросил. И выяснил, что один из них когда-то служил отцу Августа и лично знает нашего народного героя, — поведал Юрий. — К сожалению, дальше допрос не удался, ибо у старика сердце лопнуло от страха.

— Ну, это странно... Элтиец бьётся с элтийцами, — пробурчал Ирний.

— Август, конечно, не положительный персонаж, как может показаться, но сражается с ними он из мести и ненависти к своему же народу, как я понял. Но чем была вызвана такая ненависть, я понятия не имею.

— Думаю, того, что он для нас делает, уже достаточно...

— Верно мыслишь, брат! — довольно выдал Юрий. — Наконец-то ты поумнел!

Люди в плащах и мантиях тем временем заходили в соседние дома. Видимо, решили занять позиции на случай, если переговоры не выйдут, но, в домах их уже ждали толпы вооружённых до зубов солдат и гвардейцев. В борделе скрылись последние таинственные господа, за которыми дверь захлопнулась, а у входа встал громила с секирой на перевес.

— Не нравится мне этот тип, — буркнул Юрий, вскочив с кресла. — Надеюсь, внутри такого же нет, иначе Августу придётся не сладко.

Август спокойно сидел на диване в комнате для богатых господ, где, обычно, должна

быть целая толпа полуголых девиц, готовых отдаться лишь за пару серебряных монет. Но, когда Август вошёл в комнату, он обнаружил лишь напуганную служанку, что отчаянно сражалась с многолетними слоями пыли. Дабы весь план не пошёл под веник этой женщины, Августу пришлось оплатить её годовой гонорар парочкой золотых монет, коих и без того уже оставалось мало.

Опустошая флягу с отвратным элем, наёмник услышал громкие голоса. По коридору, прямо в сторону этой просторной комнаты, шла целая толпа людей.

— Будет очень интересно посмотреть на их лица, когда место десятка голых дев, они обнаружат меня, — прошептал Август, встав с дивана.

Он резко вскочил на круглый стол, за который позже должны будут пройти переговоры, решавшие судьбу Аркадию, а затем прыгнул на стену. Оттолкнулся. И, зацепившись за поперечную балку под потолком, взобрался на неё. Прибрав ноги, он опёрся об стенку и натянул капюшон с маской, дабы его рыжие волосы не привлекли чьё-то внимание.

— А вот и ваша комната, милостивые судари! — представила хозяйка борделя, мельком глянувшая на балку. — Располагайтесь, а пока скажу девочками готовится.

— Благодарю, сударыня, но мы здесь не за этим, — раздался зычный голос длинноволосого мужчины с серебристыми волосами.

Августу даже не пришлось думать над тем, кто же этот человек. Глубокий голос и старая манера речи, присущая дворянам, сразу же выдала самого Брандина. За ним вошёл Мейсуф и ещё три закутанных в плащи человека. Из-под плащей торчали рукояти мечей.

— И где же... эти... фанатики? — поинтересовался Брандин. — Струсили, верно?

— Они же и предложили уладить этот конфликт, так что не думаю, что они струсили, — пробурчал неуверенно Мейсуф.

Старик ещё не оправился от той пытки, которую Август ему устроился. Лицо было всё ещё напуганным.

В комнату молча вошёл лысый старик в чёрной мантии и золотым ожерельем, подчёркивавшее его принадлежность к церкви. А за ним уже вошёл Смирлав вместе с тремя своими приспешниками. Несмотря на то, что кровь проливать им, вроде как, нельзя, на поясах у них красовались ножны с кинжалами.

Брандин проводил фанатиков презирующим взглядом. Обе стороны встали друг перед другом, все хмурились и в голове, наверное, унижали друг друга, но по итогу все спокойно сели за стол, кроме рядовых солдат, оставшихся стоять на чеку.

— Итак, что же вы нам предложите взамен на мир? — спросил Брандин, нагнувшись к столу и сверля Смирлава злобным взглядом.

— Мы предложим? — спокойно спросил лысый старик. — Это ваши люди умирают, как мухи, пока наши стремительно продвигаются в захвате власти.

— Не соглашусь, — буркнул Мейсуф. — У вашей стороны нет денег, вы наворовали всё из казны княжества, но теперь, когда Смирлава выгнали из совета и деньги ему не поступают, у вас ничего нет...

— Вы даже не представляете, как вы ошибаетесь, господин Мейсуф, — возразил лысый Апостол. — Наши люди несут веру во все города Аркадии, в одном только Пёрлграде может собраться целая армия, которая кровавым путём свергнет власть.

— Да? И что же вы тогда будете делать? Представляю религиозного фанатика на троне, у которого нет золота в казне, зато есть громадная недееспособная армия неадекватных идиотов, — прорычал Брандин. — Вы не можете встать у власти! Вас ведь сразу же элтийцы

перебьют!

— Вовсе нет, сын мой! — возразил Апостол. — Свергнув порочное дитя с трона мы, приманим внимание Богов, которые спустятся с небес и уничтожат орды элтийцев.

— Богов нет! — заявил Мейсуф. — А даже если есть, то срать они на вас хотели! Им важны лишь ваши души, который вы готовы отдать ради них. На деле же это хреновы тупоголовые говнюки!

— Спокойно, Мейсуф...

— Знаете, что мы сделали с вашими братьями, захотевших сдать власть Аркадии Элтийцам? Перебили их, как крыс! Они жгли книги, убивали неверных, чтобы Бог освободил их от порочного дитя! — кричал Мейсуф. — Вы все поголовно конченые! Без исключений!

— Да как ты смеешь! — рявкнул Апостол. — Извинись, живо! Иначе тебе придётся заплатить за сказанное жизнью!

— Только попробуй его тронуть, как твоя душа отправится прямиком в ваш рай! — рявкнул Брандин, вскочив из-за стола и потянувшись за мечом.

Фанатики в свою очередь обнажили кинжалы, а бунтовщики решили повторить за ними. Всё шло по плану.

— Мы не позволим каким-то грешникам оскорблять нашего Бога! — заявил Апостол. — Это сам по себе большой грех! А за грех... нужно платить.

Парин в мантиях вдруг двинулись на бунтовщиков, который схлестнулись и, в силу доспехов под плащами, неплохо так их выбили из строя. Однако, у фанатиков были кинжалы, который куда эффективнее в узких помещениях. Брандин и толкнул Мейсуфак стене и, обнажив меч, запрыгнул на стол, откуда рубанул по месту, где ещё мигом ранее была голова Апостола.

Мейсуф выбежал из комнаты в коридор, где криком сразу же сообщил о том, что мирного соглашения не будет. Апостол тем временем, достав кинжал, ринулся на Брандира и, запрыгнув на стол, весьма ловко полоснул противника по лицу. Однако, беловолосому это не понравилось, за что он пнул старик коленом в живот, а затем сбросил со стола. Старик скорчился от боли, но увидев, как Генерал Восстания приближается, испуганно прижался к стене, надеясь провалится сквозь неё.

Брандин, перешагнув труп зарубленного фанатика, оказался прямо перед Апостолом. Генерал поднял меч и уже собирался нанести решающий удар, как вдруг старик вытянул ладонь и бордель содрогнулся.

Порыв неистовой энергии, у которой не было объяснений, разрушил на куски противоположную стену с окном, выходящим на улицу, а затем вытеснил почти всех, находившихся в комнате, на улицу. Брандина, как самого крепкого, порыв не взял, но зато смог вбить его в стену. Август же, уцепившись за балку, изо всех сил пытался удержаться и не вылететь на улицу. Однако, порыв энергии никак не успокаивался, что приносило некие неудобство всему плану.

Свист бил в уши, горячий воздух хлестал по лицу и остальному телу, а пальцы скользили по деревянной балке, собирая занозы. Тело слабо, а голова начинала кружиться. Август держался уже лишь парочкой. Порыв энергии ослаб и Август, потянувшись, ухватился второй рукой за балку.

Брандин, похрамавши вдоль стены, приблизился к Апостолу и попытался воткнуть в него меч, но его вновь отбросило. Август достал нож и, спрыгнув с балки, вцепился в пол,

затем схватился за подлокотник дивана, подтянувшись за ножку стола, он оказался в нескольких метрах перед Апостолом.

— Прекрати! — рывкнул Август, пытаясь достучаться до апостола. — Ты убил своих же!

Не помогало. Воздух становился всё горячее и с каждый раз хлыстал всё больше и острее. Прикрыв лицо рукой, наёмник сделал шаг. Он ухватился за вытянутую кисть Апостола, а затем пронзил её нож. Старик взвыл. Мощный порыв энергии утих также внезапно, как и появился.

Рыжий расслабленно выдохнул и, пав перед Апостолом на колени, уставился на его бледное изнеможённое лицо. Он был похож на изюм или на человека, не пившего, как минимум, два месяца.

— Убей... меня... — различил Август по сухим губам.

Обнажённый кинжал плавно вошёл ему в шею, упокоив его душу на веки вечные. Он снял с пальца трупа колдовское кольцо. Не зная он цену, которую нужно заплатить за его использование, надел бы, но душа ему ещё нужна. Спрятав кольцо в сумку, Август уже собирался уходить, как услышал треск расколотого стола позади. Повернувшись, он увидел потрёпанного Брандина, несущегося прямо на него с поднятым мечом.

Сердце Августа стукнуло и сильно заболело, от чего он слегка опешил. Лезвие меча вонзилось ему в плечо. Боли Рыжий почти не почувствовал. Ударив противника по рукам, он взмахнул кинжалом снизу. Острие прошло по щеке и глазу, прежде чем рассекла бровь. Генерал завопил, выругался и слепо попятился назад. Разгневавшись, он из вслепую, со всей силой, рубанул Августа по груди. Кровь брызнула на пол.

— Вот и всё... — прошипел Брандин. — Не знаю, кто ты такой и откуда взялся, но видел ты достаточно...

Август согнулся над коленями и, опершись об руку, смотрел, как быстро вытекает кровь из его груди. Брандин, лапая раненный глаз, вдруг понял, что теперь он полуслепой. И этот факт, мягко говоря, его взбесил. Рыча, он занёс меч для смертельного удара, но тут в комнату ворвался Юрий, который своей саблей отбил опускающийся меч и, толкнув генерала, встал перед Августом.

— О, поверь, дедушка, его тебе не убить, — выдал Юрий, встав в боевую стойку. — Сначала тебе нужно будет обезглавить меня.

— Почему именно обезглавить? — поинтересовался он.

— Потому что я буду сражаться даже без конечностей! — заявил канычар.

— Интересно увидеть это зрелище...

— Юра, ты его не потянешь... — прошипел Август.

— Не бубни и смотри, как быстро я с ним разделаюсь! — похвалился он.

Юрий и Брандин, занеся мечи, ринулись друг на друга. Генерал, нырнув под взмах сабли, рубанул Юрия по боку, развернув его таким образом. А затем пнул в колено и рубанул его по спине. Парень упал лицом в пол и обмяк, но ещё дышал.

— Глупо было кидаться такими словами в сторону бывшего Генерала, — подметил Брандин, достав чудом уцелевшую бутылку эля. — Мне даже страшно представить, как вы сейчас сгораете со стыда понимая, что вас уделал какой-то старик! Ха-ха!

Он открыл бутылку и сделал несколько глотков. Поставив бутылку на подлокотник, Брандин подошёл к Августу и прислонил острие меча к его глотку, задрал холодом шею.

— Ты не боишься смерти. Интересно, почему же?

— Потому что знаю, что не умру, — хладнокровно ответил Август. — Чего нельзя

сказать о тебе.

— О чём ты? — усмехнулся тот. — Посмотрим, твой соратник мёртв, а ты... с широкой раной в груди в небольшой в плече. Ты истекаешь кровью, как баба во время месячных. Так что давай-ка моли меня о быстрой смерти...

— Засунь свои желанные мольбы себе в зад, — прыснул Август. — Эль был травлен, как и мой кинжал. В твоей крови два разных яда, которые, при смешивании, обрекает раненого на очень-очень мучительную смерть.

— Бред! Я ничего не почувствовал...

Из глаза просочился гной. Брандин, кинув меч в сторону, вдруг схватился за шею, будто бы пытаясь разжать чьи-то руки.

— Сначала кажется, что тебя кто-то душит, потом у тебя немеют ноги, а затем и всё остальное тело, но ты всё равно чувствуешь адскую боль почти во всём теле, — поведал Август, наблюдая за упавшим на пол стариком. — И эта боль... она, как жидкость, перемещается по всему телу. И прекратить ты её можешь, лишь попросив меня о быстрой смерти.

Тело Брандина обмякло. Август, горбясь, стоял над его телом и наблюдал, как он корчится от боли, пытается крикнуть, что-то сказать, но мышцы лица уже начали неметь.

— Но есть одна проблема. Ты ничего не сможешь сказать, — вспомнил он. — Так что придётся тебе терпеть.

Глаза Брандина залились кровью. Из рта хлынула кровавая пена. Тело замертво застыло. — Вот и всё... — выдохнул Август. — Эй, Юрий, ты живой?

Август достал из сумки пузырёк с красной жидкостью. Открыл и вылил всю жидкость на рану. Зелье сразу же проникло внутрь и, смешавшись с кровью, ускорило её запекание. Перевернув соратника, он вдруг обнаружил, что тело обмякло, глаза смотрели куда-то сквозь. Грудь не вздымалась.

— Вот же сука! — рявкнул Август, ударив труп по груди. — Органы же не задеты... как ты, мать твою, умер? Или же... ты не умер...

Он достал из подсумки очередной флакон с прозрачной жидкостью и кучей пузырьков внутри. Этой дозы должно хватить, чтобы его сердце вновь застучалось. Он опустил нижнюю челюсть и вылил содержимое в рот, а затем слегка приподнял тело, дабы жидкость без проблем выполнила свою цель.

— Ну же... должно сработать!

Август прижался ухом к груди и, дожидаясь стука сердца, замер. Сердце вдруг стукнуло. Опять стукнуло. Грудь резко вздулась и Юрий, прохрипел, поднялся. Лицо его выглядело так, будто он побывал на том смерти и видел саму Богиню Смерти.

— Охренеть! Какого... я жив? Я жив! — весело закричал он, обняв Августа со всей силой, что не успела покинуть его тело. — Чёрт! Ты даже не представляешь, что я видел!

Штукатурка с потолка начала сыпаться, в воздухе были уловимы нотки жаркого и дыма. Здание горело и рушилось.

— Потом расскажешь, а сейчас нужно отсюда валить! — прокряхтел Август, пытаясь помочь Юрию встать. — Идти сможешь?

— Не думаю. Придётся тебе меня нести.

Август подхватил Юрия, закинул его руку себе за шею и, придерживая, потащился в коридор. На полу валялся Мейсуф с распоротым брюхом и отрубленной рукой, а рядом с ним несколько гвардейцев.

— Неужели все наши мертвы? — забеспокоился Юрий. — Ирний... он был прямо за мной, когда мы шли к тебе на помощь...

Дым тем временем стремительно заполнял помещение. Август вышел к забитой трупами лестнице вниз. Увидев количество трупов и прикинув, сколько из них вытекло крови, Август понял, что спустится с Юрием будет очень сложновато.

— Что мне подсказывает, что мы задохнёмся... — прошептал Юрий.

— Расслабься.

— Что?

Август швырнул Юрия и он, как мешок с картошкой, покатился по трупам вниз, чудом минуя торчащие по бокам лестницы мечи. Другого выхода, увы, не было. Он спешно спустился в гостиную, которая полностью была забита дымом. Вновь натянув маску на лицо, Август поднял Юрия и прижал к его лицу платок, который ему когда-то оставила Талия.

— Держись...

— Клянусь, когда мы выйдем, я тебя убью за это...

Вслепую они шли сквозь дым, надеясь, что идут в правильную сторону. Они спотыкались об трупы, скользили по крови, коей был залит весь пол. Вытянув руку, Август нащупал дверной косяк и обрадовался. Вот оно, спасение. Подавшись вперёд, они оба вывалились из дыма в переулочек и вдохнули свежего воздуха.

Они оба свалились и прижались к стене соседнего здания. Оба радовались тому, что выжили, хотя шансов у них было очень-очень мало.

— Я много раз чуть не умер, но в этот раз... я даже удивлён... — буркнул Август, держась за грудь.

— Как твоя рана? — Юрий убрал руку и увидел, что кровь, вытекающая из раны, превращается в чёрную жидкость, напоминавшую смолу. — Что это...

Смола стремительно твердела и становилась, как камень. Юрий поднял свой взгляд на бледное лицо товарища. По шее ползли вздутые чёрные вены, которые медленно заползали на лицо.

— Пыльца Магнуса... это она... — прохрипел Август.

— Пыльца? У меня есть немного! — заявил Юрий, потянувшись за мешочком в сумку. — Потерпи...

Стоило Августу лишь учуять пыльцу, как он тут выхватил её из руки Юрия и, толкнув его в сторону, пополз в глубь переулочка, где распорол мешочек и высыпал всё на плитку. Он собирался вдохнуть её, съесть. Он понятия не имел, что с ней нужно делать, но знал точно, что она ему жизненно необходима. Август нависал над ней, как взбешённый волк над раненым животным.

— Август! Что происходит? — послышался голос Юрия откуда-то из тумана, окружавшего Августа.

Он понимал, что стоит ему принять пыльцу, как он сразу же обратится в чудовище, но также и знал, что ему станет куда легче. Легче лишь до момента, когда он вновь обратится в человека и увидит трупы, оставленные им же.

Из тумана вдруг возник хромающий Ореон с довольной улыбкой на лице.

— Вот ты и сдался, — заметил он. — Я всегда знал, что ты слабак, но сука умный слабак...

Август обнажил кинжал, сжал рукоять со всей силой и, рыча, ринулся на Ореона. Тот увернулся от прямого удара к стене. И когда Август вновь на него набросился, он просто

поставил ногу, что упёрлась ему живот и каким-то чудом сдерживала.

— Август! Успокойся! — донёлся знакомый женский голос из тумана. — Это я, Вики!

Август глянул на Ореона. Ему хотелось зубами разорвать ему глотку в клочья, а затем посмотреть в его мёртвые глаза. И всё же, что-то тут не так... откуда Ореон взялся в Пёрлграде? Но и откуда здесь... Вики? Ореон толкнул его к другой стене и попытался сбежать, но Август вовремя его настиг и, повалив вонзил кинжал. В землю. Из его рта текла пена, глаза пылали безумием, но он всё ещё держался. Каким-то загадочным образом, ему удавалось удержаться в своём теле, контролировать его. Но давалось это сложно.

На мгновение он почувствовал слабость того существа, в которое он превращается, чем решил воспользоваться. Он полоснул себя по ладони и присосался к ней, глотая свою же кровь. Кровь, в которой маленькая доза пыльцы, способная утолить его голод.

Туман стремительно начал смыкаться, будто бы давя на него. Он жадно высасывал из ладони кровь, давил на рану, расширял её и краем глаза видел, что туман полностью поглотил его. И настала тьма.

Во тьме родился огонь, слабо похожий на цветок. Но в нём виднелось что-то ещё. Это был человек и его пожирали огненные языки. Август не слышал тех мучительных криков, но прекрасно помнил. Рядом горящим человеком вспыхнул ещё один цветок, в котором та же жарился человек.

— И что это значит? — спросил он себя, наблюдая за тем, как от людей остаются обугленные тела.

Что-то это ему напоминало, но он и думать об этом не хотел. Вернее, он знал, но боялся, что это вновь повторится. Пот выступил на лбу, сердце заколотилось, страх объял его душу и сжал, будто бы цепями. Август попятилась, но ударился об деревянный столб.

— Откуда...

Во тьме зазвенели цепи. Август потянулся за мечом, но его в ножнах не было, как и кинжалов с десятком ножей. Цепи, словно змеи, выползли из тьмы и за считанные мгновения заковали его, привязав к столбу. Глянув вниз, Август обнаружил под собой горку хвороста, под которым зародилось пламя. Огонь, словно вода, растёкся под хворостом, зашипел и мгновение обратился в цветок, чьи лепестки лизнули ноги Августа.

По ногам пробежала та ужасная боль, которую он так боялся и избегал много лет. Он рычал, пытаясь сохранить последние остатки мужества, но боль была настолько невыносима, что зубы треснули от силы, с которой он их стиснул. Железные цепи стремительно нагревались, обжигая его тело всё сильнее.

Он закричал во всю глотку, тело бросило в судороги. Он бился головой об балку, надеясь таким глупым способом проломить себе череп и умереть. Его выпученные глаза уставились ввысь. Огонь уже охватил почти всё его тело, оставляя голову выглядывать из жаркого цветка.

Во тьме вспыхнула звезда. Она становилась всё больше. Её гул становил всё сильнее. Сияние всё ослепительней. Она росла до тех пор, пока её яркий свет не ослепил Августа, скрыв его взор белой пеленой.

Часть 4. Затишье

Август проснулся от того, что чья-то маленькая ручка шлёпала его по лицу. В воздухе веяло каким-то очень знакомым ароматом, но кому этот запах принадлежал, он не помнил. Приподнявшись в постели, он хмурым взглядом окинул просторную комнату и удивился присутствию ребёнка, что с напуганной рожицей стоял в метре от кровати. В кресле, стоявшем напротив кровати, дремала никто иная, как Вики. За креслом стоял Юрий и на лице его уже не сияла та привычная улыбка, с которой он постоянно отшучивался, даже когда его жизнь была на кону.

— А я думал, ты сдох, — выдал Юрий, опёршись об спинку кресла. — Пока ты отдыхал, элтийцы и твои дружки из Братства осадили столицу со всех сторон...

Август, промолчав, потянулся за флягой. Открыл её и присосался к горлышку. К его несчастью, во фляге вина не было. Была лишь вода, которой он тоже был рад. Избавившись от жжения в горле, он уселся на край кровати и хмуро глянул на Юрия.

— Помнишь хоть что-то? — спросил солдат.

— Что-то да помню, — бросил Август. — Жажда пылицы ударила мне в голову, а ты, как самый умный человек, не зная о зависимости, предложил мне целый мешочек пылицы...

— М-да, дружище, если бы не твоя подружка, ты бы меня к чертям загрыз. Я серьёзно, ты прям на зверя был похож. Готов поклясться, я даже клыки видел! — заявил Юрий. — А эта... Вики будто бы из неоткуда явилась, а потом как огрела тебя палкой и запихала в рот какую-то траву. Боевая баба, я замечу.

— Извини...

— Брось. Ты мне жизнь спас, так что мы друг другу не должны, — отмахнулся Юрий. — Хотя... когда нас окружили враги, нам лучше не зевать... и друг друга прикрывать, что бы не случилось.

— Кстати, о врагах...

— Точно! Так там... всё очень плохо. Надеюсь не дать элтийцам укрепится и хоть как-то отстрочить осаду, мы, с братом, повели в бой почти что всю армию, — начал Юрий, достав из-под плаща флягу, от которой веяло вином. — В конце концов, почти вся армия была разбита Братством Дмитри. Твои дружки засадили нам в самые тылы! Нас чуть-ли в кольцо не взяли, но тут внезапно из неоткуда явилась небольшое полчище каких-то дикарей, что высекли нам коридор...

— Не томи...

— В общем, мы отстрочили осаду города и не позволили им взять мост, но очень великой ценой. Почти вся армия полегла в той битве...

— И о чём вы думали? — абсолютно спокойно спросил Август, сжимая флягу.

— Август, у нас было численное превосходство! Лучники, крепостные орудия, тяжёлая конница, но... сука! Эти грёбаные наёмники... — Юрий бросил флягу и вино брызнуло в воздух. — Разведка докладывала, что наёмники в двух днях пути от столицы...

— А те... дикари, откуда они появились?

— Понятия не имею, кто они, но командир их сражался только с одной рукой и выглядел, как... мертвец... — вспоминал Юрий. — Но какая разница? Командира скинули с коня, а затем зарубили, как и его товарищей...

Мальчик дёрнул Августа на рукав. Походу, шутка Хельги о том, как она желает второго

наследника от Августа, была далеко не шуткой. Княжеский первенец стоял прямо перед ним и, судя по его радостному лицу, он понятия не имел, сколько крови пролилось там, за стенами дворца. За него и за его мать.

— Это сын княжны, — подметил Юрий. — Мы узнали о нём в тот день, когда ты меня чуть не разорвал.

— Ты теперь до самой смерти будешь напоминать мне об этом? — возмутился Август.

— Нет. До первой рюмки за твой счёт, — усмехнулся он. — Никто, кроме нас, о мальце не знают и лучше им не знать...

Светловолосый мальчик вновь дёрнул Августа за рукав, а затем сказал:

— А ты правда будешь моим папой?

Юрий засмеялся, а Август с ошарашенным выражением лица присосался в фляге. В голове всплывала та ночь, когда они, с княжной, развлекались на балконе. Неужели, он всё это видел?

— Боюсь, Казимир, этот дядя уже занят двумя другими девушками, — раздался голос Вики.

Девушка зевнула и потянулась так, что вытянутыми вверх руками случайно ударила смеющегося Юрия, который сразу же замолк, ибо прикусил язык.

— Это как? — спросил Казимир.

— Ну, такое бывает, когда взрослые дяди настолько уверены в себе, что делают детей сразу двум девушкам, — попыталась она ответить. — Вырастишь узнаешь, а пока что иди в свою комнату и не выходи, пока матушка не придёт.

На удивление, мальчик не стал рассказывать, что он князь. И, прежде чем уйти, он обнял Вики, что ввело Августа в ступор.

— Я последние несколько дней читала ему перед сном сказки, — объяснилась рыжая. — Поэтому он ко мне... привязался что ли...

— Не удивительно, — бросил Август, уставившись на Вики. — Ничего не хочешь сказать?

Девушка, почесав затылок, подошла ближе и неуверенно обняла парня.

— Прости-прости! — взвыла она ему в ухо. — Я дала тебе вместо эликсира молоко, а заметила слишком поздно. Но сразу, как поняла, что натворила, помчалась в аркадию!

Август со хмурым взглядом вдохнул аромат её волос и удовлетворённо ухмыльнулся, а потом обнял девушку в ответ.

— Всё хорошо. Ты ведь успела. И в этот раз спасла не только мою жизнь, но ещё и Юрия.

В покои, вместе с несколькими закованными в латы воинами, вошла княжна. Август мельком увидел то недовольство на лице Хельги, присущее ревнивым жёнам. Единственное, что хоть как-то защищало его в столь неловкой ситуации, — это тот факт, что они не помолвлены, а значит и власти над ним никакой нет.

— Неужели ты очнулся, — холодно заметила княжна. — Варлийские войска вошли в Аркадию неделю назад. За столь большой срок они вполне успели бы перегруппироваться. Но их армии всё нет, а элтийские ряды всё пополняются.

— Сдаётся, на них напали и перебили? — предположил Юрий.

— Мне не рассказывали о сроках, когда они вступят в битву. Лишь сказали, что мне и как делать, а остальное уже зависит от меня. Вернее, зависит от того, сколько мы ещё сможем удерживать столицу.

— Долго мы не протянем, — с беспокойством сказала Хельга. — Все пути снабжения отрезаны, каждая лазейка, каждый тоннель и канализационный выход под элтийским контролем.

— Выходит, нас перебьют или же мы сдохнем от голода, а может быть ещё и от холода, но и не стоит исключать вариант, где мы сами друг друга поубиваем, — пробурчал недовольно Юрий.

— Наши дела плохи... — понял вдруг Август. — Кто командует войсками?

— Сначала мы хотели назначить на пост верховного генерала тебя, но ты был в отключке, потому на ум больше никто не пришёл, кроме как Ирний, — поведала Хельга. — Именно под его командованием большая часть оставшейся армии полегла, пытаясь отстрочить осаду и штурм города.

— И где он сейчас?

Ирний, опёршись об парапет стены, наблюдал за тем, как элтийская конница стягивается в одну точку, будто бы готовясь к последней атаке. Великое множество солдат взбиралось на дальние холмы, засыпанные снегом, где они обращались в ровный железный строй, готовый сокрушить любую армию. Его взгляд пал южнее, где у лесов базировалась армия наёмников, откуда в сторону города неслась немногочисленная конница. На ровне с наёмными всадниками вперёд выступили несколько конников из элтийских рядов. В центре засыпанного кровавым снегом поля, две стороны соединились и вместе двинули по прямой в деревню перед мостом.

— Они... нападают? — спросил какой-то мальчишка, тащивший по стенам тяжёлые мечи.

— Не думаю, что их самомнение настолько велико...

На пол пути наёмники и латники в сёдлах подняли руки, расправили ладони, будто бы призывая к переговорам. Во главе этого отряда Ирний заметил смуглого мужчину с густой чёрной бородой и платком, обмотанным вокруг головы. По правую руку за ним следовала бледная черноволосая девушка, закованная в изящные латные доспехи. К заду её коня был привязан какой-то человек с мешком на голове и без одной руки.

— Малец, дуй во дворец и доложи княжне, что элтийцы хотят переговоров...

— Как я и предсказывал, — похвалился Август, взобравшийся на стену. — Они захотят переговоров, чтобы попытаться ликвидировать верхушку власти изнутри. Не прибегая к штурму города.

— Неужели, ты очнулся, — заметил Ирний. — Во главе отряда, видимо, сам Ореон и его правая рука Рейри. Твоя сестра, как я понял.

— Лишь по фамилии, — отмахнулся Август, приглядевшись. — И вправду... Ореон.

— И чего нам делать? — спросил Юрий, прислонившийся к стене. — Может, мы их просто застрелим и на одного врага будет меньше?

— Я бы с радостью, но мы сделаем только хуже, — недовольно произнёс Август. — Если мы убьёт Ореона, то, по кодексу Братства, наёмники обязаны отомстить за своего генерала. И если в его глотку вонзится стрела, то вся армия, включая элтийскую, сразу же пойдёт на нас боем и столицу мы не удержим.

Бойцы на мосту вдруг забеспокоились и начали стягиваться в неряшливое построение, которое смогли бы пробить всего-то два тяжёлых конника. Ирний, заметив беспокойство солдат и услышав, как лучники накладывают стрелы, отдал приказ. Солдаты миглом

успокоились, но построения не нарушили.

— Узнаем, чего они хотят, а там уже подумаем, — объяснил Ирний. — Где Княжна?

Хельга всё это время стояла позади Ирния и слушала их разговоры, попутно смотря на армию, что стояла по ту сторону полей. В глаза её пылал страх, вполне привычный тому, кто впервые видит итог битвы.

— Нет. Княжну я за стену не отпущу, — выдал Август. — Слишком опасно.

— Вообще-то, я, как княжна, обязана присутствовать на переговорах, и сама принимать решения, иначе какой во мне толк? — заявила девушка. — К тому же, стоит ли переживать, когда меня будут окружать лучшие солдаты страны?

— Верно, Август. Их будет в разы меньше, чем нас, так что... не стоит переживать... — Ирний сказал это весьма неуверенным тоном, будто бы постепенно понимая риски.

— Ладно. Только смотрите в оба глаза.

Главные ворота открылись. Солдаты, стоявшие на мосту, расступились. Из тени крепостной арки, в сопровождении Августа, Юрия, Ирния и десятка отборных гвардейцев, на мост вышла Княжна. Облачённая в белые меха, девушка горделиво шагала по мосту, терпя взоры солдат, вставших смиренно.

Когда-то Хельга смотрела на отца, которому солдаты отдавали честь, когда он проходил по этому мосту. Она восхищалась его величием и властью над ними, но теперь её удивляло то, что все эти воины готовы и дальше сражаться за неё. Даже, когда шансов почти никаких, они всё ещё держат мечи и щиты и всегда готовы пойти в последний бой.

Княжна вместе со своими приближёнными и эскортом остановились посреди деревни, в которой дома были разорены мародёрами, а крыши их были покрыты стрелами.

Юрий, недовольно ковыляя за снегом прямо перед задом княжеского коня, вдруг застыл. Перед его ногами, под слоем снега, лежал труп солдата. Парень хмыкнул и, переступив труп, с подозрением окинул пустые дома, а затем глянул на Августа.

— Я сейчас задумался. А что они могут нам предложить, кроме мирной сдачи столицы? — спросил Юра.

— Ничего. — сухо ответил Август. — Не отвлекайся и смотри в оба глаза.

— Возможно, у меня крыша едет, но мне кажется, что в домах кто-то есть, — тихо сказал Юрий. — Я там на труп наткнулся. Видимо, дозорный. Кто-то вполне мог подкрасться к деревне под покровом ночи и по-тихому снять патрульного, а затем засесть в доме.

— Успокойся. Этот мужик помер не от стрелы, а от холода.

— Откуда ты знаешь?

— Снег не кровавый, а из трупа не торчит стрела. К тому же, лицо у него было синее, а пальцы чёрные, — объяснил Август. — Ночью его замело снегом и труп так и не нашли.

Юрий, что-то недовольно пробурчав, закутался поплотней в плащ и хмурым взглядом уставился на зад коня. Ирний же, закованный в латные доспехи, держался за рукоять меча и в любой момент был готов обнажить его. Холод ему, будто бы, был не страшен, несмотря на столько стальных листов.

— Идут... — заметила княжна, сохраняя хладнокровие.

Август, сделав глоток вина из фляги, вышел вперёд и сравнялся с Ирний. Позже к ним подтянулся и Юрий, чьи пальцы крепко сжимали рукоять сабли.

— М-да, никогда не думал, что буду разговаривать с элтийцами не в бою, — недовольно бросил он.

— Со мной же разговаривал, — ухмыльнулся Август. — К тому же, вряд ли княжна примет их предложение.

— Тогда на кой чёрт мы вообще вышли за стены, если не собираемся ничего выслушивать? — завыл Юрий.

— Потому что, Олух, так надо! — вякнул Ирний. — Решать не нам, а Княжне.

Ореон вместе со своей свитой прошли по хрупкому мосту, над рвом, и оказались в деревне. Два заклятых врага стояли всего-то в пяти метрах друг от друга, без мечей в руках, и без всякого желания сражаться.

Ореон, окинув всех взглядом, остановился на Августе, довольно смотревшему ему в глаза. Рейри же, заметив рыжего брата, улыбнулась, а потом презренным взглядом посмотрела на озлобленного отца.

— И как я сразу не догадался, — недовольно произнёс Ореон. — Кто же ещё способен учинить такой хаос, если не ты? Как ты, мать твою, постоянно выживаешь?

— Наверное, мне просто везёт или я, как ты выразился, машина для убийств, которой суждено убивать всех, кто поднимает на меня меч, — напомнил Август. — Зачем вы пришли?

— Мы пришли с весьма заманчивым предложением! — заявил Ореон, смотря на княжну. — Вы, как всегда, ослепительно красивы, княжна!

— Не томи — говори, — поторопила его Хельга. — Я не из нет девок, кто поддаётся на лесть.

Ореон вновь недовольно хмыкнул, выпрямился и убрал руки за спину.

— Его Элтийское Величество предлагает вам мирным путём передать столицу под власть Империи, а также добровольно сдаться в плен для последующей публичной казни, — выдал Ореон. — Или же, вы можете перекупить нас у Элтийцев, заплатив в два раза больше. Тогда моя армия, получив сигнал, сразу же ударил по элтийским тылам.

Несколько элтийских солдат, стоявших позади наёмников, слегка забеспокоились и один из них выступил вперёд.

— Мы так не договаривались! — выдал озлобленно солдат, пнув Ореона в плечо. — И вообще, что ты себе позволяешь, солдат?

Ореон внезапно достал саблю и ударил по шлему солдата. Ударом ноги, он бросил элтийца в снег. Занеся саблю, он со всей силой ударил по открытой шее, отрубив наглицу голову. Остальные наёмники, обнажив мечи, накинулись на оставшихся трёх элтийцев. Через полминуты все были мертвы.

— Что-ж, теперь нам никто не помешает? — спросил Ореон, повернувшись к княжне. — Думаю, такая жертва вполне достойна вашего внимания...

— То-есть, ты, хренов наёмник, убивший Генерала Руслava, заменявшего мне отца и ещё десяток тысячи моих солдат, думаешь, что смена сторон заставит мне тебя простить? — выдала Княжна. — Ты очень ошибаешься, что я приму это предложение.

Ореон, пожав плечами, со злости пнув валявшегося рядом солдата, а потом достал окровавленную саблю. Оставшиеся наёмники тоже обнажили мечи, кроме Рейри. Девушка колебалась. Возможно, она понимала, что всё уже слишком далеко зашло, либо не хотела видеть смерть Ореона или Августа.

— В таком случае, разберёмся прямо здесь и сейчас, — прошипел Ореон, ринувшись в сторону Княжны.

Юрий был ближе всех к княжне, потому, занесённой саблей метнулся в сторону

Генерала Братства. Удачно увернувшись от взмаха Ореона, Юрий со всей силой рубанул его по предплечью. Старик попятился назад. Юрий сразу же нанёс ещё один удар, который отбил приспешник Ореона.

Ирний, достав щит, обнажил меч и ринулся на Рейри, что ловкими движениями сбила генерала с ног, а затем приставила к его глотке меч. Добить Ирния помешал Август, влетевший в девушку и поваливший её в снег. Оседлав сестру, Август замешкался, ибо убивать её он не очень-то и хотел, как и она его. Они оба замерли, надеясь на что-то, что их отвлечёт.

— Так и будешь сидеть? Или, может, убьёшь уже? — спросила Рейри.

— Просто уходи. Я не хочу видеть твой труп, — скомандовал Август, а затем встал с неё.

Рыжий, подняв Ирния на ноги, чуть ли не был зарублен левым наёмником. Благо, Ирний вовремя оттолкнул Августа и выставил щит, а затем одним ударом оборвал жизнь безымянного наёмника. Его голова улетела в снег, а тело упало на колени и замерло.

Юрий ударил наёмника в живот, а затем раскроил ему череп саблей, что каким-то чудом проломила череп и вошла аж до самого кадыка, обратив лицо в непонятное месиво. Бросив изуродованный труп наёмника в сторону, Юрий узрел весьма изящную картину.

Август и Ореон схлестнулись в битве. Они секли друг друга со всей силой, явно не пытались как-то играть, а боролись прям на смерть. Ореон, несмотря на свой возраст, весьма умело и изящно махал саблей, рассекая воздух разными узорами. Август же, словно демон, не давал старику отдохнуть, — постоянно наносил удары со всех сторон.

— Что, реакция уже не так, что раньше, да? — рявкнул Август, нырнув под саблю и ударив старика локтем в живот.

Старик, попятился, но всё-таки удержался на ногах. Вытер слюни, что текли по бороде, прищурился и ринулся в бой вновь. Занеся саблю, он подпрыгнул к Августу, но последний ловким пируэтом обошёл его и со всей силой рубанул по бедру. Ольский завыл от боли и упал в снег, где его уже собирался прикончить подоспевший Юрий. Однако, в него влетел последний наёмник, сбил с ног и сразу же двинулся на Августа.

С виду слабый парень с дикой скорости осыпал Августа рубящими ударами, от которых рыжий с трудом уклонялся. Когда силы наёмника уже были на исходе, Август отбил вялый взмах меча и насквозь проткнул его. Вынув меч, он описал изящный узор в воздухе и отрубил ошарашенному солдату голову.

Окинув поле битвы, Август вдруг заметил, что среди валявшихся тел не было Рейри, что просто не могло не радовать. Но всему есть цена. Девушка, словно вихрь, пронеслась мимо Августа верхом на вороньем коне. Она замедлилась у Ореона, что тянул к ней, взяла за руку помогла вскарабкаться на зад коня.

Юрий, подхватив лук у трупа, выбежал вперёд и прицелился в убегающую всадницу.

— Стой! — рявкнул Август, опустив лук. — Помнишь, что будет, если его убить?

— А... точно... прости... — неуверенно буркнул он, кинул лук со стрелой в снег.

— Они скоро нападут, — подметил Ирний. — Нужно уходить и укрепить баррикады на мосту.

— Не думаю, что ни нам помогут, — подметил Август, уставившись в сторону элтийских лагерей.

В поле вышел лучник. Он натянул тетиву и, подняв лук вверх, выстрелил в небо. Стрела, описав дугу, приземлилась в паре шагов от Августа. К древку был привязан маленький

красный свиток, значащий о скором наступлении. Юрий и Ирний уселись на трупы и уставились в сторону вражеской армии. По лицам их было видно, что они уже не верили в победу и знали, что умрут.

— Завтра, утром, они нападут, — сообщил Август, развернув свиток. — У нас только одна ночь на подготовку.

— Верней, одна ночь, чтобы насладиться жизнью, — сухо бросил Ирний. — Посмотри сколько их и посмотри, сколько нас. Когда варлийцы придут, от Пёрлграда и камня на камне не останется. Но зато будет гора трупов.

— Хватит, — деликатно попросил его Август, встав рядом. — Ты же Генерал и не абы какой, а Верховный Командующий. Какой пример ты подаёшь своим солдатам, ноя о том, как всё плохо, пока сидишь на трупе убитого наёмника?

Ирний пожал плечами.

— Вот именно. Никакой. Так что возьми яйца в кулак и дуй командовать на стену, пока ещё не поздно, — приказал Август, взяв княжеского коня за поводья. — И больше не ной.

Выговорив всю правду Ирнию, Август повёл коня княжны за поводья к мосту. Десяток лучших бойцов развернулись и последовали за ним, как и их генерал вместе с братом.

Свинцовые тучи тем временем сгущались, скрывая багровые лучи заходящего солнца. По полям пробежал холодный ветер, несущий за собой трупный запах и ужасную вонь нечисти.

Битва за Аркадию

С первыми лучами бледного солнца, чей тусклый свет лёг на украшенными трупами снежные поля, армия Элтийской Империи двинулась вперёд. Остатки солдат, укрывавшихся в деревне, оседлали лошадей и помчали обратно к столице, но выжить им было не суждено. Разведчики на конях, прибывшие в деревню, своими острыми стрелами метко положили абсолютно всех.

— Началось... — заметил Юрий, хмуро глядя на небо, по которому бороздили орды вороны. — И падальщики подоспели...

— Они тут уже два дня летают, — напомнил Август. — В последние несколько лет я часто начал замечать, что вороны собираются за несколько дней до сражения. И не абы какого, а такого, после которого останутся горы трупов.

— М-да... они явно что-то знают... — усмехнулся Юрий. — Интересно, твой Алькар сожрёт тебя, когда ты умрёшь?

— У него и спроси, — Август глянул на своего чёрного друга, спокойно сидевшего на парашюте и клевавшего зерно. — Кстати, о смерти, где твой брат?

— После той бойни с Ореоном, мы отправились в бордель, но я оттуда быстро свалил, а вот Ирний, вроде, остался на всю ночь, — вспоминал он. — Думаю, он уже смирился со смертью.

— А ты?

— Элтийцы зарубили мою мать, изнасиловали и зарезали мою сестру. Уважающий себя человек сделал бы всё, чтобы отомстить, но я не такой. Умирать ради мести я не собираюсь, ибо какой толк, — рассудил Юрий. — А сражаюсь я только из-за брата. По нему, возможно, не видно, но ты даже не представляешь, как он горит желанием убить элтийцев, насолить им.

— Сначала мне показалось, что он смелый малый, но затем я стал замечать, что он трус, как и многие, но теперь...

— Да. Настроение у него переменчивое. Парой, он может неделями ныть о том, что ему никогда не отомстить, а потом хвалится о том, что обязательно отомстит, даже если на кону будет стоять его смерть. То-есть, он хочет отомстить, но вполне понимает, что он не сможет, а потому готов на любое безумие, чтобы вложить в эту всеобщую месть кирпичик.

— Простыми словами, он просто орудие в руках истинного мстителя?

— Ну, выходит, что так. Он убеждён, что те, кто будет после него закончит месть. И ему неважно, будет ли он жив или нет.

— Если так, то он может утянуть за собой и других... — понял Август. — Тебя он уже потянул...

— Полегче друг, я сражаюсь без желания смерти и пока сам не захочу, в ад не полезу. И да, убить меня довольно сложно.

— Это ещё почему?

— Возможно, если мы переживём этот день, ты узнаешь мой секрет.

— Как скажешь, — с подозрением сказал Август, вполне догадываясь о том, что таится в Юре.

Бренчание доспехов и марш прекратились. Август и Юра, недоумевая, уставились на армию Элтийцев, зачем-то остановившейся у заброшенной деревни в центре поля.

Серебряные авангарды выступили вперёд, надеясь сразить противника своими до блеска отполированными доспехами. Солдаты, расступаясь, образовывали узкий коридор, по которому неслись несколько конников в тяжёлых доспехах. Среди них был старый седой мужчина в тёмно-синей мантии.

Отряд всадников выбежал из авангарда и остановился в ста шагах от моста. Аркадийская пехота, оборонявшая мост, напряглась и приготовилась к бою. Когда старик спешился с коня и направился в сторону моста, воины и бывалые рыцари почему-то начали расступаться. Когда неизвестный впритык подошёл к мосту, Август, уже спустившийся вниз, сразу же ощутил ту силу, что скрывалась в этом дряхлом теле.

Август, держась за рукоять меча, подошёл ближе и уставился на чародея.

— Думал, чародеи все подошли...

— Тебе не стоит думать, юноша, — на удивление старик говорил чётко и без запинок. — Я хочу говорить с княжной.

— Я её личный советник и телохранитель, так что говори со мной, — подсказал Август. — И... кто же ты такой?

— Я — никто иной, как Ульфар-Ван-Урю

— Кто-кто? — усмехнулся Август. — Неужели твоим родителями не хватило фантазии придумать тебе более простое и созвучное имя?

— Закрой рот, рыжая шавка! — приказал Ульфар. — Как ты смеешь так разговаривать с верховным чародеем великой Элтийской Империи?

— Ты на моей территории, в меньшинстве, так что я имею право разговаривать с тобой так, как сами захочу, — гаркнул Август. — Говори, зачем пришёл? Неужели мира просить?

Старик, замешкавшись, сунув руку под мантию и вскоре достал громадный свиток, который протянул Августу:

— Это послание Его Величества Генриха Второго, сын Императора лично готов встретиться с вами, если вы, конечно же, согласитесь, — прошипел он. — Он желает взять этот город без жертв, хотя крови уже было пролито достаточно. Он не хочет разрушать столь дивный город.

— Ореон Ольский уже приходил к нам с таким же предложением и знаете, что с ним случилось? — съязвил Август. — Хотите повторить его участь?

— Я лишь посланник. К тому же, никто из вас, жалких ублюдков, не сумеет меня убить, — похвалился колдун. — Один взмах руки и все умрёте от кровоизлияния в мозг.

— Передай принцу Генриху Второму, что скоро Август Ольский придёт за его головой, — вымолвил с ухмылкой он.

Старик недовольно фыркнул и повернулся в сторону всадников, оставшихся по ту сторону баррикад. Ульфар махнул рукой и один из всадников, прищпорив коня, двинул в сторону моста. Август разглядел тело, привязанное к заду закованного в латы коня.

Солдат, приблизившись к мосту, спешился и скинул с коня человека с мешком на голове. У него не было руки, а обрубок покрылся каким-то сиреневым наростом. Латник, пнув пленника, снял с головы мешок и Август в кровавом месиве узнал Мратского, чей труп сейчас должен лежать далеко в подземелье.

— Невозможно...

— Да-да! Это полковник Мратский, что в это противостоянии решил принять вашу сторону и без всякой выгоды для себя сражаться против Элтии, — объяснил старик. — Этот глупец думал, что с никчёмным отрядом дикарей он сумеет разбить все сто тысяч элтийских

воинов! Представляете?

— Представляю. И зачем вы его принесли? — не понял Август.

— Ну как же? Он ведь ваш старый товарищ, друг, хоть и предавший вас в какой-то момент, но всё же спасший вам жизнь. Если вы не подумаете, то мы его убьём.

— Вы думаете, что я готов продать целый город за какого-то безрукого наёмника? — усмехнулся Август. — За кого ты меня принимаешь, старик?

Ульфар нахмурился и пристально посмотрел на Августа из-под густых седых бровей.

— Вы отказываетесь от переговоров?

— Верно.

— В таком случае... — старик слегка посмеялся. — Генрих приказал мне убить вас и все, кто здесь находится, если вы откажитесь.

— Ну, попробуй.

Старик ударил по мосту посохом и воздух вокруг задрожал. Солдаты, окружавшие переговорщиков, вдруг попадали друг на друга и, схватившись за голову, начали кричать. Август же, ощущая дикую боль в голове и в сердце, тоже свалился, но ему хватило сил удержаться на ногах. Склонив лишь одно колено, он уставился на колдуна, несущего полную хрень на каком-то языке.

В воздухе что-то просвистело. Через мгновение в грудь старика вонзилась стрела, а затем вторая пронзила кисть, которой чародей держал посох. Старик даже не пошатнулся, но слегка скорчился от боли. Его колдовство ослабло и Август, почувствовав привычную лёгкость тела, достал меч, которым рубанул старика по коленям.

Упав, Ульфар протянул руку к Августу, надеясь произнести какое-то заклинание, но взмахом меча Август отрубил старику руку. Один из оклемавшихся солдат, подняв свою булаву, со всей силой ударил ею Ульфара, размозжив его череп в нелепое месиво из осколков черепа, мяса и мозгов.

Рыцаря, что притащил Мратского, Юрий убил двумя довольно меткими выстрелами. Одна из стрел, пробив шлем, вонзилась глубоко в голову, а вторая застряла между латными пластинами на предплечье.

— Хорошо сработали, — похвалил Август солдат, что притащили оставшихся всадников. — Сбросьте их с моста.

Мратский едва дыша, лежал на посреди моста и пытался что-то сказать, но был настолько слаб, что вымолвить ничего так и не смог. Август попытался поднять его, но не тело было слишком тяжёлым и скользким.

— Доставьте его к дворцовой лекарше, — приказал Август. — Пусть она приведёт его в чувства.

Два пехотинца взяли обмякшее тело, больше походившее на труп, и потащились с ними к воротам. Со стороны ворот шёл Ирний с двумя щитами в обеих руках.

Солдат с передовой выпрыгнул из толпы солдат и со страхом в глазах доложил:

— Элтийская армия начала движение!

— Стрелы! — раздался крик Юрия со стены.

Август обернулся и поднял свой взор в небо, которое разили тысячи смертоносных стрел, несущихся прямо на них. Стрелы были совсем близко. На мгновение Август понял, что наконец-таки встретит смерть, ведь он стоял посреди моста, без доспехов, щита, а рядом не было ничего, чем можно было бы укрыться.

— Какого чёрта ты стоишь, как истукан? — рыкнул Ирний, метнувшийся к августу и

поднявший сразу два щита за секунду до смерти.

Град стрел достиг своей цели. Сотни солдат, ещё секунду назад стоявшие и кричавшие о победе Аркадии, замертво падали друг на друга, образовывая трупные холмы. Стрелы стучались об мост, отлетали, вонзались в солдат, убивая их, улетали в обрыв, тупились в щите. Вскоре всё это прекратилось. Настала мёртвая тишина.

Ирний, отпустив щиты, огляделся. Август, ухватившись за его плечо, поднялся на ноги, и они оба смотрели кучки трупов, разложившихся по всему мосту и деревне.

— Эти ублюдки идут, — заметил Ирний, мельком глянув на доложившего ранее солдата, что с пятью стрелами в спине распластался по мосту. — Построится! — скомандовал он, а затем кивнул Юрию, командовавшего лучниками и крепостными орудиями.

— Ты Генерал, Ирний, — напомнил Август. — Ты не должен сражаться...

— Мой Князь, которому я служил долгие годы, отец Хельги, умер, сражаясь бок о бок со своими солдатами! — заявил парень, втюхав Августу щит. — А я чем хуже? Отступить некуда, а значит, я вполне могу сразиться в последнем бою! Ты со мной?

— Князю защищают лучшие из лучших солдат, которых мне только удалось найти, так что я свободен, — кивнул Август, оседлав чудом уцелевшего латного коня. — Пойдём в Авангарде?

— Если ты уверен в своей удаче, то можно и в Авангарде постоять, — пожал плечами Ирний, оседлав уже своего коня, которому ему привели солдаты. — Готовьтесь к бою!

Из города на мост, ровными строями, выходили аркадийские полки, которыми командовали оставшиеся полковники, среди которых был и Исак. Пять полков, по тысячи солдат маршировали вдоль всей главной улицы, внушая своими спокойными лицами надежду на победу.

— Вот-вот придут ещё полки, но... вряд ли Элтийская армия будет к тому времени цела... — горделиво поведал Ирний, прежде чем помчал к авангарду.

Аркадийские флаги высились над блестящими шлемами солдаты, кричавших в сторону элтийцев всякие оскорбления. Август вышел перед авангардом и вновь увидел то великое войско, которое двигалось прямо на них. Ирний, верхом на коне, стоял рядом и спокойно смотрел, как приближаются блестящие железные щиты.

— Наверное, сегодня мы умрём, — ухмыльнулся Ирний, достав из-под плаща рог, в который затем прогудел.

Август глянул на стены и увидел, как тысячи лучников накладывают стрелы. Отвернувшись, он услышал со стороны столицы звон, а затем свист, с которым град стрел нёсся прямо на элтийский авангард.

— Знаешь, в чём у нас преимущество? — спросил Ирний. — У нас есть пушки, царь-пушки, а у них нет. У нас катапульт больше, а у пехоты снаряжение подороже, чем их.

На стене раздались выстрелы из пушек, затем прозвучали громкие механизмы катапульт. Сотня пушечных ядер, обогнав град стрелы, упали прямо на авангард, создавая брешь за брешью. Ошеломлённые щитоносцы не успели и моргнуть, как их мигмом прибили стрелы. Всего-то полминуты, а почти весь авангард элтийской армии размазан по земле.

— Неплохо... — заметил Август, наблюдая за движущимися тенями на земле.

За стрелами последовал град камней, что обрушился на авангард, а затем на центр армии. Некоторые камни сумели долететь аж до арьергарда. Взбешённые громадными потерями элтийцы ринулись со всех ног вперёд.

Август, вынув меч, направил его острием на врага.

Аркадийцы, заметив этот жест, а затем услышав рог Генерала, горделиво завопили и, подняв свои мечи, ринулись на заклятых врагов. Два заклятых врага, разбив изящный строй, столкнулись друг с другом.

Август, пробившись через элтийские войска, оказался в западне. Всадник врезался в него и скинул с коня, а затем чуть не притоптал. Рыжий увернулся и, взявшись за меч, рубанул первого попавшегося элтийца, уклонился от булавы, а затем отрубил ублюдку голову. Аркадийская пехота пробилась к нему. Элтийцы, несмотря на хорошие доспехи и опыт, боялись вражеских мечей и постоянно отступали, оставляя за собой трупы. В небе вновь послышался свист. Град стрел обрушился на дальние шеренги центра. Пушки без остановки обстреливали элтийскую армию, с каждым разом хороня десятки латников.

Август уклонился от меча и, схватив лежавшую на земле булаву, ударил закованного в латы бойцы по шлему. Удар был настолько сильный, что шлем вмялся внутрь и из щелей брызнула кровь.

Элтийский всадник, чудом пробившийся через пехоту, столкнулся с Августом, что отрубил коню копыта, а затем добил солдата булавой. Вытащив из сумки мелкий пузырьёк к жёлтой жидкости, Август опустошил его одним глотком и бросил булаву в сторону, ибо она слишком тяжёлая.

Наблюдая за тем, как солдаты режут друг друга, даже не понимая, кто друг, а кто враг, Август вновь убедился, что в военном ремесле он младенец. Когда он командовал полком, ему, конечно, приходилось сражаться бок о бок с остальными, но за все годы службы такой кровавой бойни он ещё не видел.

Каждого убитого солдата замещал другой солдат. Грады стрелы поливали авангарды, как элтийские, так и аркадийские. Вдоль всей линии соприкосновения образовалась трупная горка, по которой взбирались солдаты, сталкивались друг с другом и, умерев, скатывались обратно, сбивая с ног своих ещё живых товарищей.

Ирний, взобравшись на горку, ударом плашмя сбросил рыцаря, затем рубанул взбравшегося с другой стороны. Сделав то, что не могли сделать другие, он горделиво завопил и, подняв меч, призвал остальных идти за ним. Затем он спрыгнул с горки прямо на толпы латников. Аркадийская пехота, отозвавшись на призыв, взбиралась на горку и также стремительно скрывалась за ней.

Август, взобравшись на горку трупов, болезненно улыбнулся. Ряды элтийцев стремительно редели, чего нельзя сказать об аркадийских. Ирний размахивая мечом, рубил всех, кого встретит и даже своих. Словно копьё, аркадийский авангард пронзал армию, срезая голубые знамёна и оставляя за собой кучи трупов.

Звук металла, крики умирающих солдат, лязги мечей и карканье орды ворон, круживших над полем боя, не давали Августу успокоиться. Сражения — это явно не его специализация. Вдруг над полем боя пронеслась ворона, которая своими лапами вцепилась в вытянутую Августом руку.

— Говоришь, Варлийцы уже близко... — пробурчал Август, глянув на север.

Его взгляд привлекла конница врага, обошедшая все стычки и готовившаяся, вонзиться прямо в тылы аркадийской армии. В тот же миг его привлекло движение на элтийских холмах. На возвышенность выкатывали громадные царь-пушки. Благодаря острому зору, Август понял, что фитили уже зажжены и до настоящего ада оставались считанные секунды. Алькар беспокойно закаркал.

Три царь-пушки, равномерно расположенные на холме, выстрелили со звуком, походившим на гром, только в сотню раз громче. Пылающие громадные ядра, пролетев над элтийские отрядами, упали прямо на аркадийский авангард. Сокрушая всё на своём пути, они протащились по земле до самой трупной горки. Несмотря на столько громадных трещин в авангарде, элтийцы не особо-то и спешили пройти в них.

Вдруг раздался оглушающий грохот. Земля затряслась. Воздух стал горячей. Все три ядра взорвались, и взрывная волна раскалённого воздуха с небывалой силой пронеслась по полю битвы, отбрасывая всех от эпицентра. Прежде чем сокрушительная волна дошла до Августа, он спрыгнул с горки и прикрылся каким-то трупом. Мельком выглядывая, он видел, как над полем боя летели мёртвые, разорванные в клочья солдаты.

Август скинул с себя труп и сразу же отпустил Алькара, которого он завернул в плащ. Поднявшись на ноги, он взобрался обратно на трупы. Среди клубящегося дыма и пепла, падавшего с неба, Август увидел настоящие кровавое месиво. Те, кто находился ближе всех к ядрам, обратились в уголь. Те, кому повезло оказаться подальше, с обожжёнными лицами и расплавленными доспехами валялись на земле. Кто-то орал от боли судорожно дёргался, а кто-то был уже мёртв, но оставались и везунчики, что рыскали среди трупов, надеясь спастись.

Из дыма, держась за обрубок руки, вышел Ирний с обожжёнными лицом и почти расплавленными в жидкость доспехами. Выпученные глаза пылали безумием, будто он видел самое страшное, что только может существовать в мире. Увидев Августа, он упал на колени и посмотрел в небо.

— Мы... так просто... проиграли... — послышалось из его уст.

Холодный ветер с севера уносил дым на юг. Утекающий дым открывал Августу ранее скрытое поле сражения. То, что он увидел, его совсем не утешало. Элтийская армия, несмотря на большие потери, быстро построилась и с новой силой двигалась по поляне трупов. Избранные солдаты вырезали выживших и стремительно двигались к трупной горке.

Один из таких падальщиков вышел из дыма прямо к Ирнию. Уже занеся меч, он собирался добить Генерала и получить похвалу от своего принца, но Август ему этого не позволил. Взявшись за меч, он спрыгнул с горки прямо на рыцаря и, повалив его, снял шлем. Отбросив меч, он быстро достал кинжал и вскрыл ублюдку глотку.

Встав с трупа, Август подсёк Ирния за оставшуюся руку и потащил его на горку. Позади просвистела стрела. Послышался всхлип. Август обернулся и увидел стрелу в голове Ирния. Глаза было всё также выпучены, но в них уже не виднелось то безумие. Взгляд был пуст. Лучник выстрелил вновь, но стрела вонзилась в вовремя подставленный щит. Август спрыгнул с склона и, подняв меч, побежал на запаниковавшего лучника.

Нырнув под стрелу, он рубанул лучника снизу. Острие меча, разрывая кожу нагрудника, плавно дошло до самой глотки. Август ударил паренька ободом щита. И, когда лучник уже замертво свалился, он продолжил бить его до тех пор, пока голова не обратилась в кашу.

— Ублюдки... — устало произнёс он, бросив окровавленный щит в сторону.

Подняв свой взор, Август увидел ещё десяток рыцарей, спокойно идущих прямо в его сторону. А за ними целая армия. Он попятился и, но меч не отпустил и приготовился к битве.

Август заметил, как дрожит земля, глянул на лужу крови, чья гладь колебалась.

— Варлийцы...

Отступив к горке трупов, Август увидел, как из северных лесов на поле выбегает

громадная конница в несколько десятков тысяч человек. А за ней выбегает пехота, выкатывают артиллерию, а над лесом парит небесный зверь. Дирижабль с сотней пушек, готовый осыпать элтийцев ядрами.

Варлийская конница врезалась в ошеломлённую элтийскую армию. Рубя всех, они пронзали её всё глубже и глубже. Дирижабль, уже воспаривший над полем боя, разразился выстрелами и осыпал дальше ряды противника ядрами. В ход пошли даже бочки с огненным соком, что взрывался при взбалтывании.

Строй разбился и элтийцы подались в бегство от варлийских всадников, чьи кони неслись настолько ловко, а мечи резали настолько быстро, что убить их почти что было невозможно. Варлийская пехота, присоединилась к бою и добивала тех, кого пропустили всадники. Царь пушки, что навелись на дирижабль, вдруг взорвались, раскидав элтийцев также, как и их ядра раскидали аркадийцев.

Из ещё не успевшего утечь дыма к Августу выскочила небольшая конница. Вёл отряд молодой парень с длинными чёрными волосами и лёгкой бородкой, а за ним следовал Люциус с пылающими красными глазами.

— Ты хороший солдат, раз выжил, — заметил длинноволосый. — Кем будешь?

— Соломон, это тот, о ком говорил твой отец, — напомнил Люциус, глядя на бледного Августа. — Разве ты не должен защищать княжну?

— Я поставил на защиту княжны дюжину лучших солдат Аркадии, так что не переживай, — объяснился он, сунув меч в ножны. — А ты? Разве ты не должен находиться среди наёмников?

— Моя миссия закончилась за несколько дней до сражения, — сказал Люциус. — Я получил достаточно информации и отправился на встречу к Соломону.

— Кстати о наёмниках, — буркнул Соломон. — Я не вижу их трупов...

Люциус и Август оглядели поле боя, переглянулись и слегка запаниковали. Оба они знали, что, если Братства нет на поле боя, — значит, они что-то задумали.

— Август! — раздался голос Юрия, взобравшегося на трупы. — Наёмники штурмуют дворец!

Сердце Августа дрогнуло, ибо Ореон его переиграл. Опять.

— Где? Как они туда вошли? — опешив, спросил Август.

— Как сказал Мратский, они прошли через сточные трубы в верхний город, а остальная часть армии прошла через потайные ходы и пещеры в обрыве, — ответил Юрий, случайно споткнувшись об труп со стрелой в голове. — Сука...

Юрий, узнав в изувеченном теле своего брата, слегка обезумил и, не желая принимать такой расклад, заорал. Упав на колени, он сгорбился над телом брата и нервозно шатаясь, что-то неразборчиво говорил:

— Ты же... обещал! — расслышал Август.

Наёмник, наблюдая за семейной трагедией, жалости не почувствовал, ибо Ирний знал, на что идёт и был готов к такому исходу. Но некую жалость почему-то вызвал Юрий, что ревел, как ребёнок, у которого отобрали котёнка. Утешать он не особо умел, так что поручил это подросшей Вики.

— Плохи наши дела, — заметил Соломон, спешившись с коня. — Люциус, помоги Августу, а я вернусь в лагерь и пришлю вам на помощь соловьёв и полк Фергуса. И да, Август, можешь взять моего коня.

— Как прикажите. — отрезал Люциус.

— Благодарю, Ваше Величество, — кинул Август, взбравшись на коня. — Чего смотришь, Соловушек? Двинули.

Люциус недовольно фыркнул и, дёрнув поводья, они оба двинули в столицу.

Всепоглощающий Огонь

Август, надеясь, что княжна ещё жива, галопом нёсся по главной улице, попутно рубя наёмников, грабящих город. Люциус нёсся за ним и, не обращая внимание на ублюдков, думал о том, как они пробьются через дальнейшие силы противника.

Выбежав на главную площадь, он встретились с толпами кровожадных наёмников, готовый разорвать их в клочья и без мечей. Люциус недовольно фыркнул и, глянув на невозмутимого Августа, улыбнулся. Но улыбку скрыла маска, которую он никогда не снимал.

Наёмники с поднятыми мечами и воплями ринулись на них, но в последний момент увидели бывшего полковника, чей взгляд холодно пронзал каждого из них. В сердца их закрался непонятный страх, вызванный слухами о убийце и о том, как болезненно от расправляется со своими жертвами. В голове у них всплывали воспоминания того, как ловко он орудовал кинжалами, мечами и с невозмутимым лицом убивал всех, кто поднимет на него меч.

Сами того не заметив, наёмники отпустили мечи и попятились, будто бы видели перед собой демона. Или же живого мертвеца, чей труп сейчас должен был гнить где-то в лесу. Страх у них вызывал и Люциус, который в последний раз положил несколько дюжин наёмников и даже не моргнув.

— Чего вы стоите, идиоты! — крикнул полковник, вышедший из толпы. — Убейте их! Отрубите этих предателями головы и засуньте им же в задницы!

— Но командир... — возмутился наёмник.

— Они убили ваших друзей, братьев и сестёр! Неужели вы не желаете увидеть их изувеченные трупы!

Наёмники, подумав, неуверенно бросились в наступление.

— Есть идеи? — спросил Люциус, нагнувшись к Августу.

— Имеется одна, — усмехнулся Август, надев кольцо, украденное у фанатика в бордели. — Отойди подальше.

Наёмники уже были близки, когда Август вытянул ладонь и понял, что кольцо не работает. Кто-то скинул его с коня и попытался зарубить, но вовремя подоспевший Люциус пырнул наёмника в спину и швырнул худое тело в толпу, сбив с ног несколько солдатиков. Подняв Августа с земли, Люциус оттолкнул его назад.

Наёмник с секирой вылетел из толпы и ударил по Августу. Рыжий, метнувшись в бок, рубанул громилу по боку, а затем пронзил следующего наёмника. Рунный меч засиял и Август услышал в голове шёпот, походивший на некое заклинание.

Из толпы выбежал тот самый полковник, который ударил по мечу так сильно, что он вылетел из рук Августа. С другой стороны, на него уже летел меч, от которого он инстинктивно попытался закрыть рукой. В голове он повторил то самое заклинание.

Вдруг пальцы онемели. Он почувствовал какой-то поток энергии, выходящий из его сердца и идущий по руке к кисти, на которой было то самое кольцо. Неистовый порыв горячего ветра выпорхнул из его руки и, снося все наёмников, устремился в сторону дворца. Кому-то удавалось удержаться, вонзив меч меж плит, а кто-то просто улетал, как кусок дерьма. Тела бились об стены ближайших домов, кого-то разрывало на части, а у кого-то лопался череп. Почувствовав слабость, Август снял кольцо и спрятал его в сумку.

Главная площадь была усыпана изувеченными трупами, среди которой стоял недовольный Люциус, чудом удержавшийся за клинок, воткнутый меж плит. Многие наёмники выжили, но от шока не могли даже сдвинуться.

— Предупреждать не учили, — прыснул Люциус. — Нужно найти княжну.

Кровавая парочка ворвалась в главный зал, где наёмники окружили княжну и несколько лучших солдат, оставленных Августом. Пол был залит кровью, усыпан трупами, как Аркадийцев, смело сдерживавших натиск, так и наёмников, трусливо наваливаясь толпой на одного.

Среди наёмников Август заметил Рейри, что только казнила одного из рыцарей, отрубив ему голову. Закованная в латы девушка с неким презрением глянула в сторону незваных гостей. Когда она узнала парочку, то слегка забеспокоилась.

— Убейте их, — хладнокровно произнесла она, сунув меч в ножны. — Августа, желательно, просто выведите из строя.

Немногочисленные наёмники разделились. Одна часть ринулась на защитников княжны, а другая на Люциус с Августом.

Красноглазый, вновь обнажив клинки, сорвался с места и с дикой скоростью накинулся на наёмников. Парируя и уклоняясь, он резал из во все доступные ему места, а затем убивал, стоило им лишь на мгновение замешкаться. Август же, встав в стойку, дождался, когда наёмники сами подойдут. И стоило смельчаку сделать выпад, как Август нырнул под его меч и рубанул парня снизу, а затем изящным пируэтом задел сразу троих. Вырывав у только что убитого наёмника щит, он блокировал удар топора. Уведя щит, он пронзил последнего солдата.

Люциус, накинувшись на спину наёмника, пробил его черепушку. Спрыгнул и сразу же пырнул второго. Август сильным ударом выбил меч из рук бойца, а затем швырнул его в сторону рыцаря, который его и добил.

Все рядовые наёмники мертвы и оставалась только Рейри, что с опаской стояла в стороне и наблюдала, как режут её солдат. Её понять можно, ведь перед два самых опасных человека на ближайшие несколько миль. И обоих она приказала убить, прекрасно понимая, что никто не в силах выполнить её приказ.

Август и Рейри долго глядели друг на друга. И всё закончилось не битвой, как можно было бы предположить. Рейри, не желая сражаться с бывшим любовником и соловьём, просто ушла.

— Удачи! — крикнула она напоследок. — Не умри.

Княжна тем временем сидела на полу в полном ужасе от того, что она была на волос от жестокой смерти. Наёмники, несмотря на жёсткий приказ, всё равно бы изнасиловали девушку, чтобы потом просто прирезать. Такие они люди.

Август, подняв девушку, посадил её на трон.

— Люциус, найди Казимира, — приказал Август.

— Я тебе не подчиняюсь, но всё же... ладно, — недовольно промычал красноглазый, прежде чем скрыться.

— Как ты, Хельга?

— Нормально... ноги дрожат... — прохрипела она. — Они убили того наёмника, которого ты забрал у дипломатов. Мратского. Он ведь был твоим другом.

Август окинул взглядом главный зал и увидел безрукого и вспоротого Мратского.

— Боюсь, что был мёртв задолго до того, как я его спас...

— А где Юрий и Ирний? — спросила княжна, оглядывая рыцарей.

— Ирний мёртв, ему пробиты череп стрелой, а Юрий обезумел от горя и остался на поле битвы вместе с Вики, которой я поручил утешить Юру и привести в порядок его разум, — рассказал Август. — Варлийская Армия запоздала, но их оказалось куда больше, чем доложили и вёл их никто иной, как Соломон. Скоро к нам должно прийти подкрепление в виде отряда Соловьёв и пехотного полка.

Снаружи раздался грохот, напоминающий взрыв. Дворец пошатнулся. Стены дали трещины, а мозаика на потолке начала сыпаться. Август выглянул глянул в круглое окно, что имелось над главным входом и увидел, как Варлийский Дирижабль горит. Что-то очень мощное влетело в него и взорвалось. Воздушный шар, выпуская воздух, нёс воздушную крепость вниз.

Выбежав на балкон, Август и рыцари увидели, как дирижабль стремительно падает, скидывая с палуб горящей людей и громадные ящики продовольствия. Запас ядер и бочек огненного сока взорвался и технологическое чудо, разделившись на части окончательно упало прямо на столицу. Земля вновь затряслась. Огненная волна хлынула по улицам, выжигая наёмников и горожан, пытавшихся спастись от адского огня.

— Ужас... — подметил один из рыцарей.

На балкон вошёл Юрий. С невозмутимым лицом глянул на взрыв и посмотрел на Августа.

— С юга прибыло элтийское подкрепление, с помощью которого вражеская армия оттеснила варлийцев к лесам. Несколько полков, пробившись через наши уцелевшие полки, собираются ворваться в город через главные ворота, — доложил Юрий. — Принц Соломон сказал, что численное превосходство противника не вынудит их отступить. Его армия будет сражаться до последнего солдата.

— Княжна, нам нужно уходить! — крикнул Август, вернувшись в зал. — Элтийцы в городе, город в руинах, а наша армия полностью разгромлена.

— И как же мы уйдём, если элтийцы уже здесь? — спросил Люциус, поставивший Казимира на пол. — Теперь сам ходи.

— Под дворцом есть потайной ход, о котором знаю только я, но он ведёт на болота, — поведала Хельга. — А близится ночь и там будет... опасно...

— Нечисть нам не страшна. — отрезал Юрий.

— Проход ведёт на восток, а значит... — задумался Август. — Мы запросто сможем доставить вас в Погранец.

— Неплохо, — подметил Люциус. — Ведите нас.

Август, выбив деревянный люк с петель, вылез из туннеля в какую-то ветхую лачугу, в которой, видимо, никого не было уже лет сто. Запах мертвечины сразу же ударил Августу в нос, а пыль, коим воздух был пропитан, довела его чуть-ли не до слёз. Поставив лампу на пол, Август помог взобраться Юрию, который уже затащил за собой Хельгу и помог залезть остальным.

— Что это за место? — поинтересовался Август, выглядывая в окно. — Кругом лес и болота.

— Этот дом построил мой отец. Бывало, он прятался от государственных дел и забавлялся с шлюхами, — рассказала Хельга. — А потом он умер.

— Интересная История, — подметил Люциус. — На улице, вроде, никого нет, так что можем сразу выдвигаться.

— Даже не отдохнём? — удивилась Хельга.

— Ты правда хочешь отдохнуть в доме, где воняет трупами? — уточнил Август, пытаясь открыть дверь.

— Дай-ка я, — предложил Люциус и, дождавшись, когда рыжий отойдёт, выломал ветхую дверь с ржавым петель.

Август, обнажив кинжал, вышел на улицу. Юрий, держа в руках лук, проследовал за ним, а Люциус, дождавшись выхода княжны и её рыцарей, пошёл последним.

— Не нравится мне это место, — проворчал Юрий, взглядываясь в лес. — Чувство, будто оттуда на меня кто-то смотрит.

— Так и есть, — подтвердил Август. — Ещё в доме я заметил несколько нечеловеческих силуэтов во тьме, но они на нас ещё не напали, а значит твари безобидные.

— Либо же их мало и ждут сородичей, — предположил Люциус. — Недооценивай мелких тварей. Однажды они разорвали несколько соловьёв под моим командованием.

Август только хмыкнул.

Они вышли к одинокому фонарному столбу, стоявшему у дороги, что тянулась меж двух озёр. Свет от горящей лампы падал на мертвеца, облачённого в кожаные доспехи. Августу лицо трупа было до ужаса знакомым. Люциус, выйдя вперёд, недовольно хмыкнул и осмотрел.

— Это наёмник из братства, — напомнил Люциус. — Тут что-то не так. Август, ты встречал Ореона, пока я ходил за Казимиром?

— Нет, а ты?

— И я нет.

— Сдаётся, Ореона никто не видел? — неуверенно спросила княжна.

Люциус нагнулся над трупом и осмотрел его открытые глаза.

— Ран нет... тело свежее, а значит... стоп...

Зрачки наёмника вдруг дёрнулись и в тот же миг из рукава блеснул кинжал, который мертвец вонзил в живот Люциуса. Юрий, уже подозревавший, что труп вовсе не труп, выстрелил в наёмника. Стрела пробила черепушку, окончательно убив его.

— Что за хрень?

— Это ловушка! — наконец-таки понял Август.

Зрачки наёмника дёрнулись. В рукаве блеснул кинжал, который он всадил в Люциуса.

Юрий, уже натянувший стрелу, выпустил её наёмнику в голову. Август, схватив Августа за руку, попытался его увезти, но из тьмы ему в грудь вонзилась стрела, что пробила нагрудника и вошла глубоко меж рёбер.

— Казимира уведи! — прошипел Август, отпустив Люциуса и упав в грязь. — Чёрт... как же больно!

Из камышей, окружавший два озера, хлынули наёмники. Юрий, уже бросивший лук и обнаживший саблю схлестнулся сразу с несколькими бойцами. Саблей он махал весьма ловко, как и уклонялся прекрасно. Несколько наёмников схватили княжну и потащили её к Ореону, вышедшему из тьмы с надкусанным яблоком в руке.

— Вот ты и попался, Август, — усмехнулся старик.

Рыцари, раскидав наёмников, двинулись на Генерала, но стрела, влетевшая в лампу над трупом, выпустила на воздух сотню искр, что упали в лужу огненного сока, вытекшую из трупа. Огонь вспыхнул в метре от Августа, который с первобытным страхом попытался отползти. Рыцарей этот огонь не остановил, но зато отряд по ту сторону огненных языков, вполне смог.

— Княжна! — раздался крик Юрия, всё ещё сражавшегося с наёмниками.

Август со страхом в глазах обернулся и увидел, как Юрия, положившего всю толпу, пронзает стрела, от которой он замертво падает в воду.

— Вот и всё, — крикнул Ореон с другой стороны шипящего огня. — Ты столько сражался, умничал и всё ради этого момента.

Старик кинул Августу яблоко, которое облизнули огненные языки. Он обнажил отполированную саблю, в отражении которой Август видел огонь и своё лицо, искажённое от страха огня. Ореон направился к Хельге, что с надеждой смотрела на Августа, думая, что сейчас он встанет, перепрыгнет через огонь и спасёт её. Но мысли у него были совсем другие. Он хотел убежать. Сбежать, как можно, дальше от этого проклятого огня, что лижет ему пятки.

— И ты ведь ничего не сможешь сделать, — крикнул Ореон. — Ведь ты — ничтожество, способное убить всё, кроме своего прошлого и, конечно же, страхов.

Старик, схватив девушку за челюсть повернул её лицом к себе и, погладив за шею, взмахнул мечом. Её взгляд всё ещё был направлен на него. По щекам текли слёзы. Из носа струилась кровь.

Огонь полыхнул и перед Августом вновь явилась картина из детства, где от огня орали его родители. В тот раз ему помог дождь, но что ему поможет сейчас? На небе ни единой тучки. Ореон всё ещё смотрел на Августа, гадая, осмелится ли он пройти сквозь огонь или же потеряет всё гордость.

Август посмотрел на лук со стрелой, что лежали рядом. Быстрым движением он наложил стрелу и, нацелившись на Ореона, резким движением на себя натянул тетиву. Ореон от неожиданности выпучил глаза и опустил саблю. Прозвучал звон тетивы. Стрела, пролетев пару метров, ударилась об саблю, выбив её из рук старика.

Позади раздался неистовый рёв, сочетавший в себе гнев, ярость, боль и жажду крови. Человекоподобный волк пронёсся мимо Августа и, пробежав сквозь Огонь, принялся кромсать всех, кто попадётся ему на глаза. Могучие взмахи лап и пушистого хвоста слегка затушили огонь.

Август заметил, как Ореон достаёт кинжал. Собрав в кулак всё мужество, что у него осталось, он обнажил кинжал, с которым накинулся на старого наёмника. Пройдя сквозь

огонь, он вонзил в него кинжал и прижал к фонарному столбу. Дёрнув кисть в сторону, он вспорол Ореону брюхо.

Но старик, глядя на кишки, лишь безумно улыбался. Безумный взгляд, уже утопающий во тьме, посмотрел на Августа и метнулся к княжне.

— Молодец, — прохрипел он. — Я знал, что этот день настанет..., но не знал, что всё будет... так... кроваво.

Август вынул кинжал и сразу же пробил старику черепушку, всадив кинжал в переносицу.

— Сдохни... — устало произнёс, оставив кинжал в голове.

— Август... — послышался слабенький голосок Хельги.

Откликнувшись, парень увидел кровавое пятно и кинжал под грудью девушки. Пятно всё разрасталось. Княжне становилось всё хуже. Над огнём пролетел разорванный труп наёмника. Август схватил княжну и оттащил подальше от шипящего огня и, разложив у воды, начал рыскать в сумке, надеясь найти хоть один эликсир, способный остановить кровь.

— Эликсиров нет... — понял он с мрачным лицом.

— Думаю, они... мне не к чему... — прохрипела девушка, коснувшись лица наёмника. — Сделай так, что бы... Казимир стал князем... укрой его в Погранце.

— Он... уже в безопасности, Хельгя. В руках самого опасного человека в мире, — ответил Август. — Люциус доставив его в Погранец, а Варлийцы восстановят Аркадию.

Девушка болезненно улыбнулась.

— Мой единственный ребёнок... в руках у убийцы. Наверное, я могу...

Её тело вдруг обмякло. Грудь уже не вздымалась. Бледные губы замерли, а зрачки уставились на звёздное небо. Август, достав из-под плаща флягу, сделал пару глотков аркадийского вина, надеясь утихомирить то непонятное чувство внутри. Оторвавшись от горлышка, он положил флягу с остатком вина на грудь Хельги.

Опустив веки, Август мрачно произнёс:

— Удача или смерть, Хельга. Прости, что так вышло.

Над озером пролетел ещё один разорванный в клочья труп наёмника. Раздался волчий вой. Август глянул на полную луну, стремительно уходящую за тучи. Выйдя обратно на дорогу, усыпанную трупами, Август обнаружил полуголового Юрия, сидевшего посреди десятка разорванных трупов.

— Юрий? — с опаской спросил Август, подходя ближе.

— Что?

— Просто хотел убедиться, что ты в себе, — объяснил он. — Княжна мертва.

Юрий со страхом в глазах повернулся к Августу и возмутительно хмыкнул.

— Я видел, — пробурчал он. — Но я ничего не чувствую. Сегодня умер мой брат, а я уже ничего не чувствую. Что со мной не так?

— Бывает, — бросил Август, накинув на парня плащ. — Нужно похоронить княжну. Надеюсь, у тебя есть лопата.

— Ага, конечно. Ща, из зада достану. Я же всегда с собой таскаю лопату! — отшутился он.

— Ну а вдруг...

— Теперь всё закончено? — спросил Юрий.

— Наверное, да. Люциус сейчас на пол пути в Погранец вместе с Казимиром, так что, думаю, война выиграна, — объяснил Август.

— И куда ты теперь?

— Думаю, что отправлюсь на Воронью Заставу, — неуверенно ответил он.

— Хочешь стать вороном?

— Верно. Буду путешествовать по всему миру и попутно рубить всякую нечисть, — мечтательно поведал Август. — Пора мне научиться не отнимать у мира жизни, а спасать их.

— Хорошая цель, — заметил Юрий.

— Ну, а ты куда?

— Я даже не знаю. Наверное, продолжу служить Аркадии, помогать варлийской армии освобождать страну, — ответил он. — Если выживу, то постараюсь найти жену, которая родит мне детей.

— Что-ж, мог бы предложить тебе пойти со мной, но вряд ли тебя там примут.

— К слову, тебя совсем не смутило, что я обратился в громадного волка?

— Нет. Я давно знал, что ты оборотень, но не хотел тебе об этом говорить, — усмехнулся Август. — Тебя выдала пыльца Магнуса, которую ты мне вручил при приступе, а ещё мечтательный говор о луне. Ну и ещё от тебя постоянно пахнет псинами.

— М-да, пожалуй, в Вороньем Ордене ты годишься, — усмехнулся Юрий. — Может, по бокалу напоследок?

— Я не спешу, так что давай. Как раз знаю здесь недалеко одну прекрасную таверну.

Соломон хмурым взглядом смотрел на количество трупов зале княжны Хельги. Потрескавшиеся мраморные колонны, испачканные кровью, грозились в любой момент обвалиться и похоронить Соломона под целым потолком. Трон, где когда-то сидела княжна, была залит кровью и занят трупом Верховного Казначея, решившего покончить с собой, нежели сдать элтиям.

В зал вбежал докладчик, который отдал честь своему принцу и принялся говорить:

— Ваше Высочество, основная элтийская армия была разбита благодаря эльфийскому подкреплению и слаженной работы нашей армии. Полковник Фергус особо отличился на поле боя, ибо возглавил сразу несколько обезглавленных полков и устроил рейд вглубь вражеской армии.

— Отлично. Попробую повесить его до Генерала, — положительно кивнул Соломон. — А что с “Фениксом”? Кто-нибудь выжил?

— Нет. Вся команда погибла при взрыве и дальнейшем падении на столицу, — ответил докладчик. — Также докладываю, что вся аркадийская армия пала в битве и обороне столичных улиц.

— А что с княжной?

— Из Погронца пришла весть, что Люциус доставил аркадийского наследника в целости, но сама княжна Хельга погибла в ходе стычки с Генералом Братства Дмитри. Тела Августа Ольского и Юрия Волакова так и не были найдены, но Ирний Волаков, верховный командующий, был убит в сражении.

— А Ореон Ольский?

— Убит. На месте смерти мы нашли кинжал, возможно, принадлежавший Августу. Он был воткнут старику в череп.

— Август Ольский... — задумался Соломон. — Он, считай, помог спасти нам целую страну. Хладнокровен и расчётлив. Думаю, мой отец будет весьма огорчён, если отпустит столь мужественного человека без награды.

— Но, Ваше Высочество, он не смог сохранить жизнь Княгини, а значит цель его миссии не была выполнена.

— Его основная цель заключалась в том, чтобы правитель Аркадии оставался жив, чтобы мы имели права вести боевые действия, — объяснил Соломон. — Найдите его, объясните ему всё и доставьте в Златоград.

— Как прикажете, Ваше Высочество! — кивнул докладчик. — На этом всё?

— Нет. Есть информация о том, кто возглавил Братство Дмитри?

— Соловьями удалось вытянуть из пленённых наёмников, что Братство должна возглавить некая Рейри Ольская. Судя по всему, это сестра Августа и дочь Ореона.

— Не родная. Они все друг другу неродные, — буркнул Соломон. — Найдите логово Братства, перебейте всех и доставьте мне Рейри Ольскую. Она послужит наградой для Августа.

— Думаю, что тратить силы на моих людей не стоит, — прозвучал женский голос.

Соломон и докладчик обернулись и увидели, что в зал вошла черноволосая девушка, закованная в потрёпанные латы.

— Я и моя армия готова сражаться на стороне Севера, если вы, конечно же, не против,

будущий государь.

— Что-ж, думаю, мы договоримся, — ухмыльнулся Соломон. — Прошу, пройдёте в мой штаб. Обсудим всё за бокалом вина.

Конец?